

Юрий МУХИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

СРЕДСТВА МАССОВОЙ БРЕХНИ

Древнейшим инструментом
манипуляции общественным
мнением является пропаганда,
а ее носитель — журналист и
авторитетный политик.

Средства массовой брехни

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне уже не однажды приходилось обращаться к теме брехливости, как немецких военных мемуаров, так и немецких официальных документов, поскольку без учета этой брехливости невозможно понять историю войн с немцами. Правда, брешут мемуаристы любых армий мира, и наши ветераны в этом не сильно отличаются от прочих, но у наших брехня во многом остается на уровне скорее оправданий неудач, а не преувеличения побед, а чаще выражена в гипертрофированном показе своих страданий. Для немецких же военных хвастливая брехня всегда была как бы составной частью их профессии (недаром же барон Мюнхгаузен — немецкий офицер), а когда эту брехню еще и потребовала военно-политическая пропаганда, то для немецких военных профессионалов наступили просто именины сердца.

Подведем, несколько издалека, некую теоретическую базу под причины этой брехни.

Начиная с древнейших времен, в России все дворяне обязаны были служить — на то они и дворяне. Если дворянин не хотел служить, то лишался и поместья, и дворянского статуса. На начало XVIII в. армия России составляла примерно 200 тыс. человек при 3–5 тыс. офицеров. Четверть этой армии, т. е. более 50 тыс. человек, были дворянами, остальные — рекруты из крестьян и других сословий. Еще во времена Суворова служба потомственного дворянина до самой старости рядовым или сержантом была обычным делом, а если дворянин был неграмотным, то и обязательным. Так длилось до Петра III, который освободил дворян от службы, но это длилось достаточно долго, чтобы у большей части русских дворян выработался взгляд на службу, как на обузу, которую приходится отбывать. И, в первую очередь, конечно, у тех дворян, кто к воинской службе не имел ни малейшего призвания или не имел никаких морально-волевых качеств. Получалось так: дурак ты или трус, а царь тебе службу все равно предоставит. И тут начни хвалиться своей доблестью, так царь возьмет и поверит тебе, и в результате пошлет из спокойного Владимира в Крым с татарами воевать.

А немецкий офицер поступал на службу совершенно не так, как русский, просто надо вспомнить, чем были наши страны 3–4 века назад. Россия и тогда уже была централизованным государством с царем во главе, а Германия представляла собой несколько сот всяких графств, княжеств и баронств, в которых часто сам барон и был единственным воином. Прототипом немецкого офицера был барон, собравшийся куда-нибудь сходить и кого-нибудь ограбить. Своих крепостных крестьян было неразумно делать солдатами — тогда в случае неуспеха еще и с голоду подохнешь. И такой барон собирал себе банду из добровольцев, таких же, как он. Точно так же в Европе формировали свои войска (свои банды) все короли и князья.

У немцев при их диком дроблении на мелкие «государства» был, во-первых, переизбыток дворян, во-вторых, служба не была обязательной. И, наконец, у них было майоратное право (делиться дальше им было уже некуда), то есть все наследство доставалось только старшему сыну, а остальные сами должны были найти себе место в жизни. Поэтому конкуренция во всех европейских армиях была велика: королям и князьям, принимающим на службу кандидатов в офицеры или предлагающих свои услуги офицеров, было из кого выбирать.

И тут уж волей неволей при устройстве на службу немцам нужно было делать себе рекламу, а реклама без брехни — это как брачная ночь без невесты. В любом случае, тут уж было не до скромности.

Хвастливая мюнхгаузеновская брехня у немцев, похоже, в крови. Вот возьмем мемуары генерала Макса Гофмана, который воевал на русском фронте еще в Первую мировую войну.

В августе 1914 года, не успев отобилизоваться, две русские армии, разделенные Мазурскими озерами, двинулись на Восточную Пруссию: 1-я, под командованием русского генерала Ренненкампа, — из района Вильно, 2-я, Самсонова, — из района Варшавы. Основные силы немцев в этот момент были заняты в боях с французами, которые, собственно, и просили царя начать это наступление. Противостоящая русским немецкая 8-я армия была сильнее в отдельности каждой русской, но слабее их обеих. Из Вильно было ближе идти, и дороги были лучше, поэтому немцы сначала двинули силы против 1-й армии, надеясь, что сумеют ее разбить до подхода 2-й. Завязались бои с нею, но тут внезапно выяснилось, что 2-я армия, напрягая все силы и

изматывая себя, быстро выходит в тыл немцам. Немцы начали отступать от 1-й армии, чтобы не дать себя окружить, но тут выяснилось, что Ренненкампф и не собирается их преследовать и соединиться со 2-й армией, более того, собирается до 26-го числа сидеть на месте. У отходящих немцев, по сути, и выхода другого не было, как всеми силами ударить по 2-й армии, что они и сделали, одержав победу. Какой тут может быть «гениальный немецкий план» этой операции, даже если говорить о решениях на уровне командующего 8-й немецкой армией, если все дело заключалось то ли в трусости, то ли в предательстве русских генералов?

А Гофман в это время был в штабе этой 8-й армии подполковником. Тем не менее он в своих мемуарах без колебаний пишет (выделено мною): *«Перед нами трудная задача, такая трудная, что вряд ли можно найти нечто подобное в военной истории. Но я совершенно спокоен. Я твердо уверен, что мы эту задачу разрешим. Главнокомандующим назначен Приттвиц, начальником штаба — граф Вальдерзее, я — первым офицером штаба. Первая мысль о том, как провести операцию, принадлежит, собственно, мне. Если все пройдет благополучно, Приттвиц окажется великим полководцем».*

Вот так — не больше и не меньше! Поскольку в момент отступления немцев от 1-й армии русских Приттвица и Вальдерзее сменили Гинденбург и Людендорф, и именно они провели операцию против 2-й русской армии, то это именно их сделал великими немецкими полководцами подполковник Гофман своей блестящей мыслью!

Во всем тексте мемуаров, когда речь идет о битвах, боях или хотя бы стычках с русскими, у Гофмана немцы всегда оглушительно побеждают, беря в плен огромное количество русских, — и только так! Но вот Гофмана, уже генерала, назначили главой делегации на переговорах с большевиками о мире, а теперь ему уже нужно похвастаться и о других своих выдающихся заслугах — об обмене пленными. И он пишет, что в русском плену находится: «Австрийских пленных полтора миллиона, наших — около 100 тысяч». Стоп! Австрийцы ладно, но откуда взялось 100 тысяч пленных немцев, если русские не одерживали над немцами побед?

А ведь в этом случае речь идет о мемуаристе Первой мировой, по итогам которой сложно сказать, потерпела ли поражение в войне собственно немецкая армия, поскольку до конца войны ни один вражеский солдат не находился на территории Германии. И какой же тогда правды ожидать от немецких мемуаристов Второй мировой, когда немецкая армия была разгромлена наголову?

Неужели не понятно, что это люди, которые не могут не брехать? Представьте драку, в которой есть победитель и есть сбежавший или сдавшийся побежденный. Зачем победителю врать? Ведь результат — победа — налицо! Ну, приукрасит что-либо, чтобы объяснить синяк под глазом, но ведь все это пустяки по сравнению с самой победой.

А как побежденному говорить правду? Как без потери чести и уважения, даже самому себе признать, что он был трусливее, больше боялся боли, не мог держать ударов? А если еще и он напал на победителя, то как объяснить глупость нападения его на более сильного? Своей умственной недоразвитостью? Нет, основная масса людей не такова, и она будет использовать любую ложь, чтобы доказать и свой ум, и свою храбрость, и, главное, свою правоту в проигранном деле.

На что уж наши старички ПОБЕДИТЕЛИ, так ведь и за ними нужен глаз да глаз — не успеешь моргнуть, а они уже норовят тебе лапшу на уши повесить. Но как можно безоглядно верить БИТЫМ немцам?! Ведь от них принять что-либо за факт можно только после тщательной проверки и обдумывания его, либо в случае, когда абсолютно ясно, что битый в данном случае во лжи, безусловно, не заинтересован. В остальных случаях они врут, а то, что битые в свою ложь заставляют верить, прежде всего, себя самих, то это их проблемы.

Ведь вы досмотрите, как тупо все немецкие мемуаристы Второй мировой объясняют свои поражения на советско-германском фронте в 1941 году: «а) нас было мало, а русских много; б) в России, кроме Крыма, стояли морозы -50° , в Крыму морозы были -40° ». И подавляющей массой историков это воспринимается за чистую монету, при этом редко кому даже из отечественных историков приходит в голову задать естественный вопрос: «Если вас было мало, а нас много, то какого хрена вы на нас сами полезли? С арифметикой проблемы?»

Лет 40 назад, к очередному Дню Победы был сделан фильм на основе немецкой кинохроники, и в кадрах из нее мне запомнились эпизоды зимы 1941 года, в которых голые немецкие солдаты под Москвой с хохотом кувыркаются в снегу, растираются снегом, демонстрируя свое полное презрение к морозу. И можно было не сомневаться, что Гитлер ежедневно вдалбливал немцам и всему миру, что русских всего 190 млн., а Германия опирается на европейских союзников, численность которых вместе с рейхом более 400 млн. человек. И в том, что каждый немец о численном превосходстве Германии в силах знал, не приходится сомневаться, иначе Сталин 28 июля 1942 года в своем приказе № 227 не осмелился бы сообщить Красной Армии: *«После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба».*

Признаюсь, мысль о том, что численно нас было больше, чем немцев, подспудно довлела и надо мной. И каково же было мое удивление, когда я наткнулся на соответствующие цифры. Немцы напали на нас армией в 4,5 млн. человек (без личного состава ВМС), их поддерживали армии их союзников — Финляндии, Венгрии и Румынии (итальянцы в то время разбирались в Африке с англичанами) численностью 0,9 млн. Конечно, эти войска несли потери, но ведь война только началась, и резервы были не израсходованы, поэтому нет оснований полагать, что к зиме 1941 года немецкая армия и ее союзники на Восточном фронте имели менее 5,5 млн. человек. Но в четвертом квартале 1941 года войска Тимошенко громят 1-ю танковую армию Клейста под Ростовом, за что Гитлер срывает с фельдмаршала Рундштерна Рыцарский Крест и снимает с должности командующего немецкой группой армий «Юг». Чуть позже войска Тимошенко под Ельцом окружают и уничтожают 34-й армейский корпус немцев. На севере войска, координируемые Мехлисом, отбивают у немцев Тихвин, ликвидируют их наступление и не дают полностью блокировать Ленинград. И, наконец, Красная Армия под Москвой громит и оттесняет немцев от столицы. Мне казалось, что такая активность

Красной Армии должна была быть только при ее людском перевесе над 5,5 млн. армии захватчиков. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что средняя численность наших действующих фронтов и армий в четвертом квартале 1941 года составляла всего 2,82 млн. человек — почти вдвое ниже, чем оценочно было у немцев! И до уровня 6,0–6,5 млн. человек (количество, которым мы выиграли войну) численность Красной Армии удалось довести только через год — в четвертом квартале 1942 года.

Зато немецкий историк Пауль Карель сообщает о численности немецкой армии на то время: «В мае 1942 года в армии было 9,4 миллиона человек, весной 1943 года это количество возросло до 11,2 миллиона. Тем не менее, гражданских рабочих в это время стало 36,6 миллиона человек, тогда как в мае 1942 года было 35,5 миллиона. Другими словами, Германия имела на два миллиона больше солдат и на один миллион больше рабочих». А у нас в СССР не только в промышленности, но и во всех видах бюджетной деятельности (кроме армии) в 1940 году работало 34,6 млн. человек, а в 1942 году всего 18 млн. человек! И лишь к 1944 году, когда началось освобождение страны, число работающих увеличилось до 22,1 млн. человек.

И будьте уверены, немцы всю войну прекрасно знали о своем численном и материальном превосходстве над нами. Более того, среди них не было ни одного, кто бы не был уверен и в своем умственном и психическом превосходстве над нами. Мы для них были недочеловеками, и причина войны, в принципе, была в этом, о чем позже. Немцы шли научить нас, недочеловеков, жить и работать, они шли возглавить нас на правах суперменов. Не обломилось...

Давайте подсчитаем и так. Повторюсь — к лету 1942 года людские потери Советского Союза достигли 73 млн. человек вместе с теми, кто остался на оккупированных территориях, а до войны нас было 196 млн., т. е. наши максимальные людские потери достигли 37 %, но мы, советские люди, не сдались, мы дрались и сломали таки немцам хребет. А всего наши безвозвратные потери населения составили 26,6 млн. Или почти 14 %, но мы устояли, и белые флаги не вывесили. А немцы из 80 млн. населения потеряли чуть более 7 млн., т. е. около 9 %, но когда мы подошли к границам Германии, то немецкая армия еще отчаянно дралась, но сами немцы уже были не бойцы, они «сломались». Наши дегенераты-антисоветчики радостно

утверждают, что мы, дескать, «завалили немцев трупами». Были бы эти антисоветчики поумнее, то помалкивали бы, поскольку **завалить противника трупами позорно для генералов, но почетно для народа** — это показатель того, что не было у советского народа власти более дорогой ему, чем власть Сталина и большевиков.

По логике той войны, в мае 1945 года нам полагалось стукнуть по немецкому столу кулаком так, чтобы столешница развалилась, и спросить этих баронов Мюнхгаузенов: «Так кто тут, итить вашу мать, недочеловеки — мы или вы?!!» М-да! Такое нам не позволяет сделать наше русское мировоззрение, такое нам и в голову не придет. Но то, что нам это не пришло в голову, еще не значит, что это не пришло в голову бывшим суперменам. Вдумайтесь, сколько обиды было в их душе — их! немцев!! вместе с Европой!!! какие-то Иваны??? поставили раком! на морозе!! Да еще и Германия сама на это напросилась...

И тем немецким ветеранам, кто сел за мемуары, оставалось одно — закрыть глаза на правду и тупо твердить, убеждая, прежде всего, самих себя, что они, немцы, это прекрасные, умные и храбрые солдаты, которые уже совсем было победили иванов, но им Гитлер помешал, да и Америка некстати в войну вступила. Теперь им уже хочешь или не хочешь, а надо брехать и про морозы, и про то, что «нас было пятеро, а русских двадцатьпятьтеро и оба в валенках» и «мы бы им дали, если бы они нас догнали».

Многие темы данной работы я попутно уже раскрывал в других книгах, а в этой постараюсь их собрать, дополнить и систематизировать.

Глава 1

ФАШИСТСКАЯ БРЕХНЯ

А что это такое — фашизм?

И в немецких официальных документах, и в немецких мемуарах Второй мировой войны вплетена фашистская брехня. Поэтому нам необходимо разобраться с толкованием слова «фашизм», тем более что сегодня это слово используется враждебными России силами для осуществления ими в нашей стране своих пропагандистских антиконституционных и антинациональных целей.

Проблема в том, что, начиная с появления этого слова в русском языке, слово «фашизм» никогда не обозначало того явления, которое описывало у себя на родине в Италии. Фашистская партия Муссолини сразу же стала сначала соперником, а потом и органическим врагом коммунистических течений, в связи с чем в Советском Союзе словом «фашизм» стали называть всех наиболее опасных врагов коммунизма и СССР вообще. Так «фашистами» стали немецкие национал-социалисты Гитлера, которые возмущались тем, что их записали в партию Муссолини, но их возмущения были тщетны, — пропаганда СССР, да и союзников по антигитлеровской коалиции, упрощавшая себе работу введением унифицированного слова для всех врагов, одержала победу.

В русском языке за этим словом был навечно закреплен статус какого-то крайне негативного и враждебного явления — это главное, — а то, что никто толком не понимает, что это за явление, пропагандистами считается второстепенным и даже полезным. Однако польза людей, зарабатывающих себе на жизнь обманом населения, и польза народа — это, все же, очень разные вещи.

И вернуться вспять невозможно, даже не принимая во внимание потребностей пропаганды: как бы мы ни пытались внедрить в умы людей научное понятие этого слова, — то, которое оно имело в итальянском языке, — но слово «фашизм» уже неотделимо от своего негативного смысла, практически никак не связанного с фашистской

партией Муссолини. При слове «фашизм» никто о Муссолини и его чернорубашечниках и не вспоминает, зато у всех возникает чувство острой ненависти, сопряженной с чувством опасности, хотя из-за отсутствия корректного толкования этого слова никто толком не знает, кто такие фашисты на самом деле и чего от них ожидать. Вина за это лежит на философах и филологах, которые в данном случае поступают не как ученые, а как работники пропагандистского аппарата правящего режима.

Советские философы и филологи, в попытках исполнить заказ советской пропаганды, дали такое толкование слову: «ФАШИЗМ [ит. *fascismo* < *fascio* пучок, связка, объединение] — наиболее реакционное политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы самых агрессивных кругов империалистической буржуазии: ф. возник в 1919 г. в Италии и Германии; в 20-е и 30-е гг. захватил власть в этих, а также и в ряде других капиталистических стран и установил в них открыто террористическую диктатуру; характерным для фашизма является антикоммунизм, уничтожение демократических свобод, культ насилия, шовинизм и расизм, агрессия; с момента своего возникновения ф. выступил как ударная сила международной реакции. Победа СССР и всей антифашистской коалиции во Второй мировой войне (1939–1945) привела к разгрому главных сил фашизма» (Словарь иностранных слов. «Русский язык», М., 1983).

Тут напутано, вернее, смешано все, что смогли по этому случаю придумать советские пропагандисты:

— и придание фашизму статуса политического течения, хотя при использовании этого термина о собственно идеологии фашистских партий никто и речи не ведет;

— и «захват власти», хотя Муссолини был назначен главой Италии демократически избранным итальянским парламентом, а немецкие национал-социалисты пришли к власти, победив на выборах, т. е. абсолютно демократическим путем;

— и смешение идеологий собственно фашизма с национал-социализмом, причем так, что к этой компании можно добавлять кого угодно и во все времена;

— и жесткая привязка фашизма к капитализму и империализму, хотя и фашизм и национал-социализм были пусть и правыми, но

социалистическими течениями;

— и расизм с шовинизмом, хотя собственно фашизм не имел к ним никакого отношения, и членами партии итальянских фашистов, включая ее руководящие органы, было множество евреев, а Муссолини был союзником и идейным побратимом сионистов.

В «Краткой Еврейской энциклопедии», изданной Иерусалимским университетом также на русском языке в 1996 году, пишется в статье «Фашизм»: «...Классический, то есть итальянский, фашизм вначале не только не разделял установку на расовый или национальный геноцид, но и не отличался явным антисемитизмом (Б. Муссолини на первых порах даже называл А. Гитлера в этом контексте опасным социальным маньяком, дураком и клоуном). Тем не менее, несмотря на эти различия, термин «фашизм» часто применяется для обозначения и германского национал-социализма. Советские пропагандистские клише, в которых гитлеровская идеология и основанный на ней режим Третьего рейха неизменно именовались фашистскими, преследовали цель предотвратить нежелательные ассоциации, вызываемые наличием в официальном названии нацистской партии слова «социализм». В первые годы фашистского режима немало итальянских евреев были членами, порой весьма влиятельными, правящей партии. Сам Б. Муссолини открытых антипатий к евреям не проявлял, а в нескольких случаях даже счел полезным продемонстрировать сочувствие сионистскому движению, ряд лидеров которого удостоил аудиенции (например, Х. Вейцмана, Н. Соколова). В фашистской Италии с 1927 г. действовал Итало-палестинский комитет и другие сионистские организации и группы (см. Италия)...

Неодинаковым, а порой и неоднозначным было отношение фашизма к евреям в других странах... во франкистской Испании даже в период ее тесного сотрудничества с нацистской Германией в годы 2-й мировой войны отношение к евреям не было враждебным... До настоящего времени термины «фашист», «профашистский», «полуфашистский», «фашиствующий» и т. д. во многих странах, особенно демократических, в том числе и в Израиле, нередко используются для дискредитации политических противников».

Поэтому нет особого смысла переживать по поводу того, что нынешний режим пересмотрел толкование этого слова, хотя, правда, снова в угоду пропаганде, но теперь уже существующего режима. При

этом, само собой, и новое толкование не имеет никакого отношения, ни к науке, ни к русскому языку, в котором и это новое толкование нежизненно и не используется. В «Современном толковом словаре русского языка» («Норинт», С.-Петербург, 2004), выпущенном Институтом лингвистических исследований РАН, слово «фашизм» толкуется так: «Политическое течение, в основе которого лежит идеология культа сильной личности, вождизма, агрессивного шовинизма и расизма».

И снова «политическое течение», а о шовинизме и расизме хотя и сказано выше, но добавлю, что по израильским данным: «...В Дурбане под эгидой ООН состоялась Всемирная конференция против расизма. Она обвинила Израиль в расизме, апартеиде, геноциде и осудила даже за... «сионистскую деятельность против семитизма», подразумевая под семитами палестинских арабов! Генеральная ассамблея ООН ежегодно принимает не менее двадцати резолюций, осуждающих демократический Израиль... Против Израиля, а не Кубы, Северной Кореи или Ирана направлена каждая третья резолюция комиссии ООН по правам человека» («Алеф» март 2004. С. 5).

Между тем, никто не сомневается, что в государстве Израиль соблюдаются все демократические процедуры, включая свободу слова и свободные выборы, как для граждан-евреев, так и для арабов — граждан Израиля. Кроме этого, при так называемых «тоталитарных» режимах, расизм и шовинизм подавляются императорами или диктаторами (Муссолини, Франко, Пиночет) для сохранения целостности своих многонациональных государств. Расизм и шовинизм следует считать органическим признаком демократии, а при фашизме эти явления являются исключением, которое может возникнуть только в мононациональной стране, в которой преследование меньшинств не вызывает ослабления народа.

Что касается «сильной личности и вождизма», то сегодня приписывание фашизму этих черт выглядит откровенным анекдотом.

Если бы речь шла не о широко используемом в настоящее время термине, а о каком-нибудь анахронизме, вроде «крепостничества», то тогда такое определение еще куда ни шло, поскольку в то время — время личностей Сталина и Черчилля, Ганди и Мао Цзэдуна — в таком явлении, как фашизм, уместны были и Гитлер с Муссолини, имевшие культ не меньший, чем у Рузвельта и Неру. Но в нашу эпоху серых

личностей у власти, говорить о вождизме, толкуя широко используемое и ныне слово «фашизм», просто смешно.

Да и применительно к тем временам, эти признаки не выглядят безусловными, скажем, того же основоположника фашизма Муссолини сместил с должности и согласовал его арест Высший фашистский совет. Какой уж тут вождизм — при такой трактовке понятия «вождь», и президенты Никсон с Клинтон, и Хрущев становятся «вождями нации» и «сильными личностями», имевшими каких-то искренних сторонников, а в глазах этих сторонников еще и какой-то «культ».

Отсутствие внятного толкования, примененного сегодня к тому негативному смыслу слова «фашизм», которое вкладывают в него люди, для которых русский язык является родным, привело к тому, что это слово используется, как об этом правильно пишет «Краткая Еврейская Энциклопедия», **как ярлык и кличка в целях борьбы за власть.**

Общий признак

Характерным признаком явления, которому ассоциативно или по пропагандистским причинам дают название «фашизм», является отсутствие единой для всех видов фашизма идеологии как комплекса общественных целей фашистских движений. Идеологии у этих движений могут быть самыми различными — как социалистическими, так и капиталистическими, как интернациональными, так и расистскими. Поэтому, с научной точки зрения, давать толкование слову «фашизм», исходя из его идеологии, абсолютно некорректно.

Совершенно ошибочно считать, что фашизм обязательно должен иметь претензии к другим народам как внутри страны, так и за ее пределами, — целью фашистов может быть банальное стремление к обладанию материальными благами или честолюбивыми амбициями.

С научной точки зрения, фашизм — это не идеология, а форма осуществления власти, да и в понимании людей, фашизм связан с насилием над гражданами фашистской страны со стороны лиц, организаций или органов власти, которые на самом деле не представляют интересы всего народа. И это — **форма осуществления власти** — действительно главная и общая черта фашизма.

Общим является и причина скатывания страны к фашизму. Это или послеродовая слабость демократии, когда население страны еще не привыкло думать об интересах государства и считает для себя более выгодным, когда об этом думает царь, вождь, аристократия или элита, а государственные институты молодого демократического государства без поддержки и контроля народа еще очень слабы. Или старческий маразм демократии, при котором население отучается думать над проблемами государства и контролировать его институты, а институты государства разъедает гниль бюрократии. В любом случае фашизм — это закономерный итог демократического государства, не принявшего мер для экстренного усиления демократических основ существования своей страны.

Вот эта слабость демократических основ и позволяет фашистским силам прийти к власти либо путем уничтожения прежних институтов власти путчем или мятежом (Франко в Испании или Пиночет в Чили), либо в ходе победы на выборах (Муссолини в Италии или Гитлер в Германии), когда населению страны надоедает слабость старых институтов государственной власти — когда население уже тошнит от глупости, самолюбования и пустозвонства всех этих вождей, депутатов и элиты «демократии».

Причина прихода фашистов к власти не в их силе, а в слабости демократии, причем, эта слабость заключена не в малочисленности или слабом вооружении армии или спецслужб, а в интеллектуальной и духовной слабости, так сказать, «демократической» элиты.

Общим для всех фашистских режимов является, по меньшей мере, первоначальная активная или пассивная поддержка большинства народа. Разумеется, что при этом ограничиваются в правах, в первую очередь в праве на свободу слова и мысли отдельные группы населения, взятые по признакам социальной, национальной, религиозной принадлежности или, чаще всего, по принадлежности к иной идеологии. Ограничение этих групп в правах чаще всего проводится с применением репрессий, скажем, в 15-миллионной Чили фашисты Пиночета убили свыше 3 тысяч человек и около миллиона вынуждено было эмигрировать. Однако страх репрессий от фашистского режима следует считать вторичным, а первичной основой поддержки большинством населения фашистского режима является резкое ограничение свободы мысли в фашистском или скатывающемся

к фашизму государстве. Если монарх или диктатор просто ограничивает свободу слова, то есть лишает оппозицию возможности вводить свою мысль в информационное пространство страны, а население страны доступа ко всей полноте информации, на основе которой происходит процесс мышления, то **фашистский режим заполняет информационное пространство ложью.**

Поскольку логическим мышлением является такое, которое при точных исходных данных для мышления позволяет получить правильный результат мышления, то введение в исходные данные для мышления лжи начисто лишает народ возможности логически (правильно) мыслить, даже если он умеет это делать. Следовательно, ложь в информации лишает народ возможности предсказать последствия своих политических решений, в том числе и в первую очередь, — возможности предсказать последствия поддержки фашистского режима.

Если абсолютная монархия может держаться на ограничении свободы слова — на недоговорках, то **фашистский режим держится исключительно на лжи**, и это его главный и общий признак. Насилие фашистов при внедрении самой лжи — это уже вторично, а **основа существования фашизма — ложь.**

Фашистское одурачивание населения Германии

С одной стороны, в XIII главе «Майн кампф» Гитлер с предельной откровенностью пишет (выделено мной): «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. **Не государственные дарования славянства** дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как **народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства** и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. **Место германцев заняли евреи.** Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. **Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации.** Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории.

Наша задача, наша миссия должна заключаться, прежде всего, в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч».

Казалось бы, налицо предельная откровенность и честность — Гитлер даже не скрывает от немецкого избирателя, что немецкому мечу в России будет очень непросто: «Перед богом мы будем чисты потому, что люди, как известно, вообще рождаются на земле с тем, чтобы бороться за хлеб насущный, и их позиция в мире определяется не тем, что кто-либо им что бы то ни было подарит, а тем, что они

сумеют отвоевать своим собственным мужеством и своим собственным умом. Перед будущими поколениями мы будем оправданы потому, что при нашей постановке вопроса каждая капля пролитой крови окупится в тысячу раз. Нынешние поколения, конечно, должны будут пожертвовать драгоценной жизнью многих своих сынов, но зато на землях, которые мы завоюем, будущие поколения крестьян будут производить на свет божий новые сильные поколения сынов немецкого народа, и в этом будет оправдание наших жертв. Государственных деятелей, которые возьмут на себя ответственность за проведение предлагаемой нами политики, история не обвинит в том, что они легкомысленно жертвовали кровью своего народа».

В те времена война еще не была объявлена преступлением против человечества, наоборот, были введены правила и законы ее ведения, и таким образом война была узаконена мировым сообществом и в общественном мнении считалась романтическим и благородным делом. Кроме этого, даже царская Россия уже век не выигрывала войн с более-менее сильным противником, а советская вообще — проиграла войну даже едва родившейся Польше. Таким образом, Гитлер не предлагал немцам ничего особо ужасного и, тем более, заведомо преступного, и немцы вольны были выбирать сами между войной и миром — между тем, что они считали полезным и справедливым для себя и своего народа, и гибельным. Немцы, казалось бы, вольны были **свободно мыслить** в этом вопросе, и нет сомнений, что подавляющее большинство из них было еще и уверено, что мыслят они абсолютно свободно, посему и проголосовали немцы за Гитлера.

Однако была ли у немцев действительная свобода мыслить?

Логически в «Майн кампф» все вроде правильно: живут на востоке некие недочеловеки-славяне, тупые, безвольные, которые и в государство свое собрались только потому, что ими в то время руководили немцы. Земли у этих умственно недоразвитых очень много, а распорядиться они ею толком не умеют, да плюс к тому, попали они в рабство к евреям, которые тоже могут только разрушать, и если не немцы подберут Россию к рукам, то тогда она сама будет евреями разрушена и доведена до гибели. По сути, Гитлер не только предлагал обеспечить немцев землей на тысячу лет, но и спасти этих русских полуобезьян от неминуемой гибели. Ну, чем не славная и благородная задача?

Логически все безупречно, но верны ли исходные данные, заложенные в основу этой логики?

Ведь в данном случае в основу мышления закладывается как истина то, что русские тупы и безвольны. Сейчас уже трудно сказать, действительно ли Гитлер так думал, но, что, безусловно, десятки тысяч тогдашней немецкой элиты бросились доказывать немцам, что это действительно так: и черепа германские и славянские замеряли, и теории создавали, и, главное, писали и писали статьи, в которых доказывали немцам, что русские это, без сомнений, недочеловеки — заполняли и заполняли информационное пространство Германии ложью. А на основе таких исходных данных для мышления любая, даже самая правильная логика, при любой самой свободной индивидуальной мысли приведет к единственному логическому выводу — немцам нужно пойти на кровь ради своих детей и будущих поколений.

И в уверенности, что они пришли к этому решению сами с помощью свободы своей собственной мысли, немцы с энтузиазмом напали на СССР, а потом, когда увидели, в чем им лгали, было уже поздно — они уже вынуждены были драться теперь за свое собственное спасение. А увидели немцы вот что.

Истинные убийцы

Через год с небольшим после нападения Германии на СССР, давшего возможность немцам познакомиться в бою с советскими солдатами и согнанными в Германию советскими рабами, в Берлине родилась бумага («Источник», № 3, 1995. С. 87–96), начинавшаяся так: **«НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД. Управление III. Берлин 17 августа 1942 г. СВ II, Принц-Альбрехтштрассе, 8. Экз. № 41. Секретно! Лично. Доложить немедленно! Сообщения из империи № 309. II. Представления населения о России»**

Это была объемистая аналитическая записка, в которой аналитики гестапо, на основании поступивших со всех концов рейха доносов, делали вывод, что контакт немцев и русских показал первым лживость геббельсовской пропаганды о том, что русские это недочеловеки, и это начало приводить рейх к унынию. Первое, что произвело на немцев

шоковое впечатление, — это внешний вид рабов, выгружаемых из вагонов. Ожидалось увидеть замученные колхозами скелеты, но... аналитики гестапо сообщают руководству рейха.

«Так, уже по прибытии первых эшелонов с остарбайтерами у многих немцев вызвало удивление хорошее состояние их упитанности (особенно у гражданских рабочих). Нередко можно было услышать такие высказывания:

«Они совсем не выглядят голодающими. Наоборот, у них еще толстые щеки и они, должно быть, жили хорошо».

Между прочим, руководитель одного государственного органа здравоохранения после осмотра остарбайтеров заявил: «Меня фактически изумил хороший внешний вид работниц с востока. Наибольшее удивление вызвали зубы работниц, так как до сих пор я еще не обнаружил ни одного случая, чтобы у русской женщины были плохие зубы. В отличие от нас, немцев, они, должно быть, уделяют много внимания поддержанию зубов в порядке».

Затем аналитики сообщили о шоке, который вызвала у немцев общая грамотность и ее уровень у русских. Агенты доносили.

«Раньше широкие круги немецкого населения придерживались мнения, что в Советском Союзе людей отличает неграмотность и низкий уровень образования. Использование остарбайтеров породило теперь противоречия, которые часто приводили немцев в замешательство. Так, во всех докладах с мест утверждается, что неграмотные составляют совсем небольшой процент. В письме одного дипломированного инженера, который руководил фабрикой на Украине, например, сообщалось, что на его предприятии из 1800 сотрудников только трое были неграмотными» (г. Райхенберг).

Подобные выводы следуют также из приводимых ниже примеров.

«По мнению многих немцев, нынешнее советское школьное образование значительно лучше, чем было во

времена царизма. Сравнение мастерства русских и немецких сельскохозяйственных рабочих зачастую оказывается в пользу советских» (г. Штеттин).

«Я чуть совсем не опозорился, сказал один подмастерье, когда задал русскому небольшую арифметическую задачу. Мне пришлось напрячь все свои знания, чтобы не отстать от него...» (г. Бремен).

«Многие считают, что большевизм вывел русских из ограниченности» (г. Берлин).

Как следствие, немцев поразили интеллект и техническая осведомленность.

Истребление русской интеллигенции и одурманивание масс было также важной темой в трактовке большевизма. В германской пропаганде советский человек выступал как тупое эксплуатируемое существо, как так называемый «рабочий робот». Немецкий сотрудник на основе выполняемой оstarбайтерами работы и их мастерства ежедневно часто убеждался в прямо противоположном. В многочисленных докладах сообщается, что направленные на военные предприятия оstarбайтеры своей технической осведомленностью прямо озадачивали немецких рабочих (Бремен, Райхенберг, Штеттин, Франкфурт-на-Одере, Берлин, Галле, Дортмунд, Киль, Бреслау и Байройт). Один рабочий из Байройта сказал:

«Наша пропаганда всегда преподносит русских как тупых и глупых. Но я здесь установил противоположное. Во время работы русские думают и совсем не выглядят такими глупыми. Для меня лучше иметь на работе 2 русских, чем 5 итальянцев».

Во многих докладах отмечается, что рабочий из бывших советских областей обнаруживает особую осведомленность во всех технических устройствах. Так, немец на собственном опыте не раз убеждался, что оstarбайтер, обходящийся при выполнении работы самыми примитивными средствами, может устранить поломки любого рода в моторах и т. д. Различные примеры подобного рода приводятся в докладе, поступившем из Франкфурта-на-Одере:

«В одном имении советский военнопленный разобрался в двигателе, с которым немецкие специалисты не знали что делать: в короткое время он запустил его в действие и обнаружил затем в коробке передач тягача повреждение, которое не было еще замечено немцами, обслуживающими тягач».

В Ландсберге-на-Варте немецкие бригады проинструктировали советских военнопленных, большинство которых происходило из сельской местности, о порядке действий при разгрузке деталей машин. Но этот инструктаж был воспринят русскими покачиванием головы, и они ему не последовали. Разгрузку они провели значительно быстрее и технически практичнее, так что их сообразительность очень изумила немецких сотрудников.

Директор одной силезской льнопрядильни (г. Глагау) по поводу использования остарбайтеров заявил следующее: «Направленные сюда остарбайтеры сразу же демонстрируют техническую осведомленность и не нуждаются в более длительном обучении, чем немцы».

Остарбайтеры умеют еще из «всякой дряни» изготовить что-либо стоящее, например, из старых обручей сделать ложки, ножи и т. д. Из одной мастерской по изготовлению рогожи сообщают, что плетельные машины, давно нуждающиеся в ремонте, с помощью примитивных средств были приведены остарбайтерами снова в действие. И это было сделано так хорошо, как будто этим занимался специалист.

Из бросающегося в глаза большого количества студентов среди остарбайтеров немецкое население приходит к заключению, что уровень образования в Советском Союзе не такой уж низкий, как у нас часто это изображалось. Немецкие рабочие, которые имели возможность наблюдать техническое мастерство остарбайтеров на производстве, полагают, что в Германию, по всей вероятности, попадают не самые лучшие из русских, так как большевики своих наиболее квалифицированных рабочих с крупных предприятий отправили на Урал. Во всем этом многие немцы находят определенное объяснение тому неслыханному количеству вооружения у противника, о котором нам стали сообщать в ходе войны на востоке. Уже само число хорошего и сложного оружия свидетельствует о наличии квалифицированных инженеров и специалистов. Люди, которые

привели Советский Союз к таким достижениям в военном производстве, должны обладать несомненным техническим мастерством».

В области морали русские также вызвали у немцев удивление, смешанное с уважением.

«В сексуальном отношении остарбайтеры, особенно женщины, проявляют здоровую сдержанность. Например, на заводе «Лаута-верк» (г. Зентенберг) появилось 9 новорожденных и еще 50 ожидается. Все, кроме двух, являются детьми супружеских пар. И хотя в одной комнате спят от 6 до 8 семей, не наблюдается общей распущенности.»

О подобном положении сообщают из Киля:

«Вообще русская женщина в сексуальном отношении совсем не соответствует представлениям германской пропаганды. Половое распутство ей совсем неизвестно. В различных округах население рассказывает, что при проведении общего медицинского осмотра восточных работниц у всех девушек была установлена еще сохранившаяся девственность».

Эти данные подтверждаются докладом из Бреслау:

«Фабрика киноплёнки «Вольфен» сообщает, что при проведении на предприятии медосмотра было установлено, что 90 % восточных работниц в возрасте с 17 до 29 лет были целомудренными. По мнению разных немецких представителей, складывается впечатление, что русский мужчина уделяет должное внимание русской женщине, что в конечном итоге находит отражение также в моральных аспектах жизни».

Не приходится сомневаться, что в этой аналитической записке отражена абсолютно объективная, правдивая информация.

«Исключительно большая роль в пропаганде отводится ГПУ. Особенно сильно на представления немецкого населения воздействовали принудительные ссылки в Сибирь и расстрелы. Немецкие предприниматели и рабочие были очень удивлены, когда германский трудовой фронт (немецкие профсоюзы. — Ю.М.) повторно указал на то, что среди остарбайтеров нет таких, кто бы подвергнулся у себя в стране наказанию. Что касается насильственных методов ГПУ которые наша пропаганда надеялась во многом еще подтвердить, то, к всеобщему изумлению, в больших лагерях не обнаружено ни одного случая, чтобы родных остарбайтеров принудительно ссылали, арестовывали или расстреливали. Часть населения проявляет скептицизм по этому поводу и полагает, что в Советском Союзе не так уж плохо обстоит дело с принудительными работами и террором, как об этом всегда утверждалось, что действия ГПУ не определяют основную часть жизни в Советском Союзе, как об этом думали раньше.

Благодаря такого рода наблюдениям, о которых сообщается в докладах с мест, представления о Советском Союзе и его людях сильно изменились. Все эти единичные наблюдения, которые воспринимаются как противоречащие прежней пропаганде, порождают много раздумий. Там, где антибольшевистская пропаганда продолжала действовать с помощью старых и известных аргументов, она уже больше не вызывала интереса и веры.

Особенно сильно занимает немцев проблема боевой мощи Красной Армии, которая наряду с количеством и качеством удивительного вооружения явилась второй большой неожиданностью: «До сегодняшнего дня упорство в бою объяснялось страхом перед пистолетом комиссара и политрука... Именно нашими солдатами установлено, что такого организованного проявления упорства никогда не встречалось в Первую мировую войну. Вполне вероятно, что люди на востоке сильно отличаются от нас по расово-национальным признакам, однако за боевой мощью врага все же стоят такие качества, как своеобразная любовь к отечеству, своего рода мужество и товарищество, безразличие к жизни, которые у японцев тоже проявляются необычно, но должны быть признаны».

Естественен вопрос — голосовали бы немцы за Гитлера и его планы войны с СССР, голосовали бы они за фашизм, если бы в основу

их коллективной мысли были положены свободные, правильные представления о советских людях, а не фашистская ложь о том, что это тупые недочеловеки под управлением злобных евреев из НКВД? Голосовали бы они за расовые законы, если бы их мысль была свободна от фашистской лжи, и они знали, что русские во всех смыслах люди, по меньшей мере, не хуже немцев?

В годы Второй мировой войны Германия потеряла более семи миллионов действительно своих лучших, наиболее преданных ей сыновей и дочерей, формально убитых советской пехотой, британскими и американскими летчиками, — огромная потеря западноевропейского генофонда.

Но истинными убийцами этих немцев были немецкие журналисты и ученые — немецкая интеллигенция, которая лгала и лгала своему народу ради получения подачек от фашистского режима.

Однако, возвращаясь к теме, обращу внимание, что эта фашистская брехня много лет воздействовала на немцев и не могла не войти в умы многих из них. В связи с чем облегчила нацистам военно-пропагандистскую брехню, которая густо осела в их официальных документах и мемуарах.

Теперь о ней.

Глава 2

ВОЕННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ БРЕХНЯ

Принципы победы в войне

Война — дело старое, и никакие совершенствования оружия и тактики боя не меняют принципов победы, а их еще в XIX веке довольно дотошно, хотя и с обычным для немца академизмом, описал Карл фон Клаузевиц в своем объемном труде «О войне». Вообще-то щегольнуть цитатой из Клаузевица является хорошим тоном для любого военного и пишущего о войне, и надо сказать, что доля справедливости по отношению к Клаузевицу здесь есть, поскольку в вопросах осмысления войны с ним трудно поставить рядом еще кого-нибудь. Но, возможно, из-за объемности его труда (да еще и не законченного им и изданного его женой уже после смерти автора) мало кто, по моим наблюдениям, пытается вникнуть в принципиальные положения о войне, скажем, в текст первой главы «Природа войны». Все очень торопятся прочесть «конкретные» советы, как ее выиграть.

Остаются за кадром выводы Клаузевица, что для победы в войне совершенно недостаточно иметь материальный перевес (хотя он очень важен). Если бы дело было в нем, то войн никогда бы не было, поскольку враждующие стороны могли бы подсчитать, сколько у кого людей, пушек и снарядов, и объявить победителя, так сказать, по очкам. Но войны идут вне зависимости от материальной силы сторон, и это объясняется тем, что на победу сильнейшее влияние оказывают еще два фактора — моральная стойкость и случай. Правда, второй фактор без первого не существует, поскольку для того, чтобы рискнуть и воспользоваться случаем, нужно быть морально стойким — смелым и храбрым.

Клаузевиц совершенно точно определил, что у собственно войны всего одно средство победы — бой, но из-за морального фактора на те принципы, которыми достигается военная победа, нужно смотреть

шире, и цель боя может быть достигнута без боя (выделено Клаузевицем):

«Цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе **внутреннего противоречия** с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать **возможность** такого хода войны».

Моральные силы противника — это такая же сила, как и его материальная сила, и надо быть не государственным деятелем, а дебилом или предателем, чтобы не принять мер к уничтожению моральной силы противника и сохранению своей. И вот почему.

«Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, — мы это настойчиво подчеркиваем, — нас ничто не обязывает ограничить это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно, легче всего распространяется по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил являются его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только избирая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем

значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны», — пишет Клаузевиц.

Как видите, уже к середине XIX века анализ показывал, что достижение победы путем уничтожения не материальной, а моральной силы противника гораздо выгоднее и гораздо безопаснее, нежели достижение ее единственным имеющимся у войны средством — боем.

Но для уничтожения моральных сил противника и соответственного укрепления своих моральных сил тоже нужны снаряды и этими снарядами являются идеи, и нужны те, кто будет метать в противника эти снаряды, — пропагандисты.

Гитлер — ученик англосаксов

В Германии времен Второй мировой войны главным пропагандистом считается министр пропаганды рейха Йозеф Геббельс. Не хочу отнимать у него заслуг, но он все же не более чем помощник Адольфа Гитлера и никогда, судя по некоторым деталям, в вопросах пропаганды полностью самостоятельным не был.

А Гитлер убийственную роль пропаганды испытал на собственной шкуре, когда был солдатом Первой мировой войны. В 1924 г. он написал по этому поводу в своей книге «Майн кампф»: «Начав все глубже вникать во все вопросы политики, я не мог не остановить своего внимания и на проблемах военной пропаганды. В пропаганде вообще я видел инструмент, которым марксистско-социалистические организации пользуются мастерски. Я давно уже убедился, что правильное применение этого оружия является настоящим искусством и что буржуазные партии почти совершенно не умеют пользоваться этим оружием. Только христианско-социальное движение, в особенности в эпоху Люэгера, еще умело с некоторой виртуозностью пользоваться средствами пропаганды, чем и обеспечивались некоторые его успехи.

Но только во время мировой войны стало вполне ясно, какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. К сожалению, и тут изучать дело приходилось на примерах деятельности противной стороны, ибо работа Германии в этой области была более чем скромной. У нас почти полностью отсутствовала какая бы то ни было просветительная работа. Это прямо бросалось в глаза каждому солдату. Для меня это был только лишний повод глубже задуматься над вопросами пропаганды.

Досуга для размышлений зачастую было более чем достаточно. Противник же на каждом шагу давал нам практические уроки.

Эту нашу слабость противник использовал с неслыханной ловкостью и поистине с гениальным расчетом. На этих образцах военной пропаганды противника я научился бесконечно многому. Те, кому сие по обязанности ведать надлежало, меньше всего задумывались над прекрасной работой противника. С одной стороны, наше начальство считало себя слишком умным, чтобы чему бы то ни было учиться у других, а с другой стороны, не хватало и просто доброй воли.

Да была ли у нас вообще какая бы то ни было пропаганда?

К сожалению, я вынужден ответить на этот вопрос отрицательно. Все, что в этом направлении предпринималось, было с самого начала настолько неправильно и никудышно, что никакой пользы принести не могло, а зачастую приносило прямой вред.

...Таким образом, чем шире та аудитория, на которую мы хотим воздействовать, тем тщательнее мы должны иметь в виду эти психологические мотивы. Так, например, было совершенно неправильно, что германская и австрийская пропаганда в юмористических листках все время пыталась представлять противника в смешном виде. Это было неправильно потому, что при первой же встрече с реальным противником наш солдат получал совершенно иное представление о нем, чем это рисовалось в прессе. В результате получался громадный вред. Солдат наш чувствовал себя обманутым, он переставал верить и во всем остальном нашей печати. Ему начинало казаться, что печать обманывает его во всем. Конечно, это никак не могло укреплять волю к борьбе и закалять нашего солдата. Напротив, солдат наш впадал в отчаяние.

Военная пропаганда англичан и американцев, напротив, была с психологической точки зрения совершенно правильной. Англичане и американцы рисовали немцев в виде варваров и гуннов; этим они подготавливали своего солдата к любым ужасам войны.

Английский солдат благодаря этому никогда не чувствовал себя обманутым своей прессой. У нас же дело обстояло как раз наоборот. В конце концов, наш солдат стал считать, что вся наша печать — «сплошной обман». Вот каков был результат того, что дело пропаганды отдали в руки ослов или просто «способных малых», не поняв, что на такую работу надо было поставить самых гениальных знатоков человеческой психологии.

Полное непонимание солдатской психологии привело к тому, что немецкая военная пропаганда стала образцом того, чего не надо делать.

А между тем уже у противника мы могли бы научиться в этом отношении очень многому. Нужно было только без предрассудков и с открытыми глазами наблюдать за тем, как в течение четырех с половиной лет, не ослабляя своих усилий ни на одну минуту, противник неустанно бил в одну и ту же точку с громадным для себя успехом.

Но хуже всего у нас было понято то, что является первейшей предпосылкой всякой успешной пропагандистской деятельности, а именно, что всякая пропаганда принципиально должна быть окрашена в субъективные цвета. В этом отношении наша пропаганда — и притом по инициативе сверху — так много грешила с первых же дней войны, что поистине приходится спросить себя: да полно, одной ли глупостью объяснялись эти вещи?!

Что сказали бы мы, например, по поводу плаката, который должен рекламировать один определенный сорт мыла, но который стал бы при этом проводить в массы ту мысль, что и другие сорта мыла довольно хороши.

В лучшем случае мы бы только покачали головой по поводу такой «объективности».

Но ведь это относится и к политической рекламе. Задача пропаганды заключается, например, не в том, чтобы скрупулезно взвешивать, насколько справедливы позиции всех участвующих в войне сторон, а в том, чтобы доказать свою собственную

исключительную правоту. Задача военной пропаганды заключается в том, чтобы непрерывно доказывать свою собственную правоту, а вовсе не в том, чтобы искать объективную истину и доктринерски излагать эту истину массам даже в тех случаях, когда это оказывается к выгоде противника.

Огромной принципиальной ошибкой было ставить вопрос о виновниках войны так, что виновата-де не одна Германия, но также-де и другие страны. Нет, мы должны были неустанно пропагандировать ту мысль, что вина лежит всецело и исключительно только на противниках. Это надо было делать даже в том случае, если бы это и не соответствовало действительности. А между тем Германия и на самом деле не была виновата в том, что война началась.

Что же получилось в результате этой половинчатости?

Ведь миллионы народа состоят не из дипломатов и не из профессиональных юристов. Народ не состоит из людей, всегда способных здраво рассуждать. Народная масса состоит из людей, часто колеблющихся, из детей природы, легко склонных впадать в сомнения, переходить от одной крайности к другой и т. п. Как только мы допустили хоть тень сомнения в своей правоте, этим самым создан уже целый очаг сомнений и колебаний. Масса уже оказывается не в состоянии решить, где же кончается неправота противника и где начинается наша собственная неправота. Масса наша в этом случае становится недоверчивой, в особенности когда мы имеем дело с противником, который отнюдь не повторяет такой глупой ошибки, а систематически бьет в одну точку и безо всяких колебаний взваливает всю ответственность на нас. Что же тут удивительного, если в конце концов наш собственный народ начинает верить враждебной пропаганде больше, чем нашей собственной».

Как видите, Гитлер еще в окопах начал думать над приемами пропаганды и всецело использовал их для формирования своей партии, победы на выборах, а затем в ходе войны.

Гитлер сделал пропаганду мощнейшим родом войск. К сожалению, его опыт в СССР был под запретом, его книги изымают из продажи до сих пор и главным образом потому, что официальные «пропагандисты» послесталинского СССР были настолько пигмеями против Гитлера, что оказались неспособными разбить не только внешнего врага, но и внутреннего. Интересно, что и историки всех

стран чем больше времени проходит после войны, тем меньше акцентируют внимание на пропаганде и тем больше страниц посвящают технике, оружию и т. д. А в ходе Второй мировой войны и сразу после нее мощь этого рода войск Германии настолько была в глаза, что рассмотрению немецкой пропаганды место уделяли все — от публициста Андре Моруа до английского военного теоретика Д. Фуллера.

К примеру, в своем написанном по горячим следам в 1948 г. труде «Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор» Фуллер о важности пропаганды пишет уже в первой главе: «К несчастью для Британии и Франции, Германия в 1933 г. подпала под влияние человека с весьма определенными политикой и планами человека, соединявшего в себе качества реалиста, идеалиста и провидца, который для одних был просто Гитлером, а для других самим богом.

«Кто говорит, что я собираюсь начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году, — кричал Гитлер. — Разве все наши усилия не направлены к тому, чтобы избежать этого? Люди в большинстве своем совсем лишены воображения... Они слепы к новому, к незнакомым вещам. Даже мысль генералов бесплодна. Они барахтаются в паутине технических знаний. Созидующий гений всегда выше круга специалистов».

Еще в 1926 г., когда Гитлер только писал второй том «Mein Kampf», он полностью отдавал себе отчет в том, что в грядущей войне «моторизация» будет «преобладать и сыграет решающую роль». Он верил в доктрину абсолютной войны Клаузевица и в стратегию сокрушения. Он считал войну орудием политики, а так как его политическая цель "заключалась в захвате Lebensraum^[1] для немцев, то Гитлер соответствующим образом разрабатывал тактические планы. Целью Гитлера было в кратчайший срок при минимальном ущербе для материальных ценностей сломить волю противника к борьбе. Его тактика основывалась на использовании пропагандистского наступления и последующего молниеносного удара. Гитлер пересмотрел теорию Дуэ с точки зрения последовательности действий: нужно подрвать моральное состояние мирного населения противника до, а не после начала военных действий, не физически, а интеллектуально. Гитлер говорил: «Что такое война, как не

использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?.. Есть более глубокая стратегия — война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать его (противника) военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими путями».

Из приводимой ниже цитаты из книги Раушнинга видна суть теории Гитлера: «Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты в позиционной войне в будущем займет революционная пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии. Население вражеской страны должно быть деморализовано, готово капитулировать, ввергнуто в состояние пассивности, прежде чем пойдет речь о военных действиях.

Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумеем заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника — вот наше оружие...

Через несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих руководителей. Армия останется без генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути. Возникнет паника, не поддающаяся описанию. Но я к этому времени уже буду иметь прочную **связь** с людьми, которые сформируют новое правительство, устраивающее меня»».

Фуллер считает, что Гитлер базировал свои идеи на доктрине абсолютной войны Клаузевица, а я в этом сильно сомневаюсь. Сомневаюсь, что собрался бы выиграть в 8 недель войну с СССР тот, кто понял в первой главе книги Клаузевица раздел 8 «Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени». А в этом разделе, в частности, Клаузевиц предупреждает стратегов: «В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил». А

Гитлер собирался войну с СССР выиграть быстро, игнорируя то, что СССР приведет в действие те силы, которые не смог задействовать с начала войны.

Но в области пропаганды Гитлер действовал и искусно, и целеустремленно. Возьмем такой момент.

Монголы и сумасшедшие

Исполнительным директором службы новостей Третьего рейха и начальником пресс-службы Имперского министерства иностранных дел Германии во времена Второй мировой войны был оберштурмбаннфюрер СС Пауль Карл Шмидт. После войны он под псевдонимом Пауль Карель (Карелл) написал историю боев на Восточном фронте (я его уже цитировал). О первом дне войны (22 июня 1941 года) он рассказывает: «Русские все еще находились в своих районах сосредоточения — монгольские строительные батальоны, военнослужащие которых занимались возведением оборонительных сооружений. Там, где немцы сталкивались с ними, успевшие занять оборону бойцы стройбата небольшими группами, численностью до взвода, оказывали упорное и даже отчаянное сопротивление.

Немецкие солдаты начинали осознавать, что с таким противником нельзя не считаться. Эти люди демонстрировали нападавшим не только храбрость, но и изрядное коварство. Они в совершенстве владели техникой маскировки и устройства засад и были превосходными стрелками.

...126-я пехотная дивизия из земли Рейн-Вестфалия, сражаясь бок о бок с солдатами из Шлезвиг-Гольштейна, также на собственном горьком опыте познала силу и стойкость советских войск. 2-й батальон 422-го пехотного полка понес серьезные потери. Бойцы пулеметного заслона затаились в полях среди неубранных зерновых и дождались, когда первая волна атакующих прокатится дальше. Во второй половине дня, когда ничего не подозревающий капитан Ломар повел свой находившийся в резерве батальон на передовую, поле оживило. Сам командир батальона скоро оказался в списках убитых, а его заместитель — среди тех, кто получил тяжелые ранения. Целой роте

потребовалось три часа на то, чтобы очистить поле от врага. Солдаты противника продолжали стрелять даже тогда, когда немцы подошли к ним вплотную, и с расстояния трех метров забросали гранатами».

Монголия была союзником СССР, но численность ее населения была менее 900 тысяч человек, а ее огромным границам угрожали японцы, в связи с чем СССР за всю войну не попросил у Монголии ни единого солдата. Она поставила нам, помимо продовольствия и овчин, миллион хотя и мелких, но сильных и выносливых лошадей, за что ей наша глубокая благодарность. Тогда откуда у гитлеровского пропагандиста взялись монголы в первый же день войны? А вы вспомните, как Гитлер в «Майн Кампф» одобрительно отзывался об англосаксах: «Англичане и американцы рисовали немцев в виде варваров и гуннов». И Гитлер, как вы помните, не собирался «начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году». Вот и начала немецкая пропаганда с первого дня войны рисовать Красную Армию как полчища свирепых и коварных монголов, скопившихся у границ Европы. Вот мы и читаем у Кареля такие воспоминания немецких солдат, скажем о битве под Москвой: «Быстро продвигаясь, танкисты ворвались на позиции монгольской бригады. Но сыны степей не бросились бежать: они принялись бросать в танки бутылки с «коктейлем Молотова». Или: «Две тысячи кавалеристов— оба полка 44-й монгольской дивизии — остались лежать в красном от крови снегу».

Соответственно этой немецкой пропаганде, убийство этих недочеловеков-монголов будет, во-первых, благом для цивилизованного мира, а, во-вторых, этих, не знающих современного военного дела варваров, культурному немецкому солдату совершенно нечего бояться.

А вот еще интересный нюанс немецкой пропаганды, о котором оберштурмбаннфюрер Шмидт позабыл сообщить. Историк Андрей Сухоруков в ходе интервью решил уточнить у Героя Советского Союза, летчика-штурмовика Григория Максимовича Рябушко один момент:

«А.С. Григорий Максимович, вот вы упомянули несколько раз, что немцы «илов» боялись как-то по-особому, сильнее всех других самолетов? Опять же говорите, что немцы смертниками вас называли? Но вам-то это откуда известно?»

Г.Р. Да, уж поверь, известно точно. Дело было в уже Польше, кажется, в марте или апреле 1945-го. Была оперативная пауза, летали тогда мы мало — один, иногда два вылета в день. Война кончалась, и мы чувствовали, что еще немного, и конец Гитлеру. В этот день погода была солнечной, мы уже слетали, и новых вылетов не предвиделось. И настроение было хоть куда. И потянуло нас развлечься. Аэродром наш был возле самой дороги. Смотрим, гонят по дороге большую колонну пленных. И тут кому-то из нас взбрело в голову: «А ну давай сюда с десяток фрицев! Поговорим, поспрашиваем. Глядишь, и развлечемся». Сказано-сделано. Послали техника, он с конвоем быстренько договорился. Те отобрали с десяток немцев и погнали их к нам.

Вначале немцы увидели наши самолеты. Они хоть и рядом с дорогой, но замаскированы, сразу и не разглядишь. Увидели немцы «илы» и встали. Уперлись и ни в какую не хотят идти дальше. Нас это здорово заинтересовало: что это на них нашло? — и мы решили сами пойти к ним. А когда немцы увидели нас, то тут приключилась с ними форменная истерика. Как стали они кричать! Громко! Натурально орали. Один вообще на землю упал, рыдает, бьется, лицо руками закрыл. Мы ничего понять не можем, но со стороны смешно смотреть. Здоровые мужики, а кричат, как дети малые. Подходим еще ближе. Смотрю я на этих немцев, а на их лицах ужас. Я немало прожил и повидал всякое за свою жизнь, но вот такого ужаса на человеческом лице, как на лицах этих немецких солдат, я больше никогда не видел.

Подошли, стали разбираться, чего они кричат. Наш Идельчик,^[2] который очень хорошо говорил по-немецки, стал за переводчика. «Просят, — переводит, — их не расстреливать». Мы ему сразу: «А ну, спроси, а с чего они решили, что мы их будем расстреливать? Мы же летчики, а не расстрельная команда!» Он нам снова переводит: «Но ведь вы же летчики-штурмовики!!!» Так, интересно. Стали мы разбираться. Дословно я уже не помню, но разговор у нас с немцами получился примерно такой.

У немецких солдат постоянно возникал вопрос: «Что за звери летают у русских на штурмовиках? Спасения от них никакого! По головам ходят!» Немецким солдатам их немецкие «замполиты» разъяснили ситуацию так: «Русские летчики, летающие на штурмовиках, такие свирепые и бесстрашные потому, что они смертники. Терять им нечего, их на штурмовиках летать приговорили.

Летают на штурмовиках у русских такие сволочи, такой сброд, который в любой бы нормальной армии, вроде немецкой, уже давно бы расстреляли, а варвары-русские приговаривают их летать на штурмовиках. И летают на «илах» такие отпетые головорезы, которым и своей жизни не жаль, только бы была возможность хоть кого-то убить. А в перерывах между полетами, чтоб эти сволочи не разбежались и опять какое-нибудь зверство не учинили, дает им русское командование немецких пленных расстреливать».

Так сказать, душу отвести и удовольствие получить. Вот эти немцы и решили, что их отобрали специально, чтоб русские летчики-штурмовики могли кого-то собственноручно расстрелять. А на наш вопрос: «А с чего вы взяли, что мы смертники?» — немцы ответили, что нормальный человек, который хоть как-то бережет свою жизнь, летать так, как это делают русские штурмовики, не станет. Так атаковать, отчаянно и безжалостно, со сверхмалой высоты и наплевав на зенитный огонь, могут только смертники, которым уже терять нечего. А таких людей нормальному человеку бояться не только не стыдно, а вроде как даже обязательно.

Вот так. Много нам эти немцы интересного рассказали, от них я и узнал, что нет для немецкого солдата-окопника самолета страшнее, чем Ил-2. Все остальные русские самолеты летают где-то там, далеко и высоко, их и не видно. А штурмовик — он вот он, постоянно висит над самой головой и смерть несет. Настоящая жуть. Поэтому я и говорю, что из всех советских самолетов Ил-2 боялись немцы больше всего. Своими ушами слышал. Не думаю, что эти немцы нам специально льстили, не до того им было».

Если подумать, то быстро понимаешь, что такое вранье про наших летчиков Ил-2 у немцев просто обязано было быть. Ведь немецкая пропаганда внушала солдатам, что русские трусливы, их можно бить как мух, а в плен они сдаются миллионами. И вот подходят одуроченные пропагандой немецкие солдаты, полные оптимизма, к фронту, а тут чуть ли не по их головам, не обращая внимания на огонь, начинают летать Ил-2. Как отвагу этих русских летчиков совместить с общей пропагандистской идеей о том, что русские трусы и бить их элементарно? Приходилось выдумывать, что русские, в общем-то, трусы, но вот есть среди них свихнувшиеся садисты, которых обучают летать на Ил-2, и, само собой, садистов этих немного: едва-едва

хватает штурмовую авиацию укомплектовать, да и те разбегутся, если немецких пленных им для расстрела не будет. Мысль не бог весть какая умная, но, как видите, действовала.

И поскольку люди Геббельса считали нужным выдумать ложь даже в таком, в общем-то, второстепенном деле, то я посоветовал бы померить температуру тем историкам, которые с абсолютной уверенностью воспроизводят цифры и факты, вышедшие из министерства пропаганды Гитлера — человека, который не только не отдал это министерство «в руки ослов», но и открыто заявлял: «Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?»

Немцы прекрасно понимали, что противника дешевле и более безопасно разгромить морально, нежели на поле боя, в связи с чем сделали пропаганду главным родом войск. А поскольку ложь и коварство для обмана противника естественны в любой войне, то они для немцев были естественны и в военной пропаганде. Так как же можно без анализа верить всему тому, что немцы пишут о войне?

Глава 3

БРЕХНЯ ОТ ФЮРЕРА

«Немецкие подстилки»

Тут надо понять, что противнику Гитлера Сталину, защищавшему народ СССР от уничтожения и рабства, простительны в такой войне любые потери, но ведь Гитлер напал на СССР с целью обеспечить «жизненное пространство» немецкому народу. Но для этого нужно было, чтобы этот народ был жив, а не лежал в могилах на территории этого самого «жизненного пространства». Гитлер и лично переносил любые сообщения о потерях очень тяжело, и нет сомнений, что он дал указания об умышленном их занижении, так сказать, для истории. Ведь даже если бы он и выиграл войну, то все равно пришлось бы сообщать немцам цену этой победы.

Но прежде, чем начать разговор о потерях немцев, надо начать разговор и о тех, кто распространяет в России их брехню, утверждает ее и убеждает олухов в правоте и честности германских Мюнхгаузенов. Во время войны советских женщин, сожительствовавших с немцами на оккупированных территориях, называли «немецкими подстилками», и у нас всегда было полно «историков», добивающихся для себя этого почетного звания.

Три года назад «Новая газета» (№ 22, 2005) поместила статью Б. Соколова, который написал следующее.

«Наши brave генералы еще в 1993 году в книге «Гриф секретности снят» опубликовали устраивающую их, но совершенно фантастическую цифру безвозвратных потерь Красной Армии — 8 668 400 погибших на поле боя, умерших от ран, болезней, в плену, расстрелянных по приговорам трибуналов и умерших по иным причинам. С тех пор, выпуская второе издание книги в 2001 году под названием «Россия и СССР в войнах XX века», руководитель авторского коллектива генерал Г.Ф. Кривошеев со товарищи «согласились» добавить к этой цифре еще 500 тыс. пропавших без

вести из числа призванных в первые дни войны, но не успевших прибыть в свои части (откуда столь круглая цифра — неизвестно).

Немецкие же потери погибшими на Восточном фронте российские генералы определяют в 3 605 000 человек. Еще 442 тыс. умерло в плену. Вместе с потерями союзников Германии получается всего 4 273 тыс. погибших на поле боя и 580 тыс. умерших в плену.

При таком подсчете общее соотношение числа погибших воинов Красной Армии и гитлеровцев (с союзниками) оказывается вполне сносным — всего лишь 1,8:1. Или же 1,9:1, если добавить к советским потерям 500 тыс. тех, кого авторы «Грифа секретности...» так и не решили куда отнести — к потерям армии или мирного населения.

Общие же безвозвратные потери советского народа официально оцениваются в 26,6—27,0 млн. человек, из которых около 18 млн. приходится на гражданское население.

Получается, что Красная Армия воевала совсем неплохо, учитывая внезапность немецкого нападения, а также то, что значительная часть красноармейцев умерла в плену. И Сталин, мол, был не такой уж плохой полководец.

Гипнозу официальных цифр поддаются и некоторые западные исследователи. Например, американец Макс Хастингс в книге «Армагеддон. Битва за Германию», ориентируясь на эти цифры, упрекает Эйзенхауэра и других союзных генералов, что они в последние месяцы 44-го не наступали столь же решительно, как русские, стремясь минимизировать свои потери, и в результате затянули войну на полгода, что, дескать, привело к еще большим потерям. Здесь не учитывается, что плотность немецких войск на Западном фронте была в 2,5 раза больше, чем на Восточном. А главное — во что действительно обошлась русским решительность действий. Но что еще важнее — благостная для Красной Армии картина соотношения военных потерь является следствием откровенной фальсификации. В тех случаях, когда появляется возможность проверить данные книги «Гриф секретности снят», они не выдерживают никакой критики.

...Общие потери вермахта погибшими на поле боя и умершими от иных причин, согласно моей оценке, составленной на данных, содержащихся в книге генерала Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии» (в годы войны он как раз ведал учетом личного

состава), составили около 3,2 млн. человек. Еще около 0,8 млн. умерли в плену. Из них около 500 тыс. не пережили плена на Востоке, где в общей сложности оказались почти 3,15 млн. германских военнослужащих. Число погибших на Востоке германских военнослужащих я оцениваю в 2,1 млн. человек — тогда с учетом умерших в плену получается 2,6 млн.

Отмечу, что данные Мюллера-Гиллебранда основаны на централизованном учете германских потерь вплоть до ноября 1944 года и на оценке потерь за последние полгода, сделанной германским генштабом. Иногда встречаются и более высокие цифры германских потерь (4,5–5 млн. человек), основанные на более высоком исчислении в последние полгода войны. Мне они не кажутся достоверными. В последние полгода немецкие потери погибшими не могли быть выше, чем за предшествовавший год, поскольку в последние месяцы численность немецкой армии на фронте значительно сократилась и основные потери она несла не убитыми, а пленными.

Соотношение советских и германских потерь на Восточном фронте составляет, таким образом, примерно 10:1. Если учесть еще потери союзников Германии и советских граждан, погибших на стороне вермахта, но не учтенных в немецких потерях (таких, по разным оценкам, было от 100 до 200 тысяч), то соотношение станет примерно 7,5:1.

Достаточно точно также можно оценивать соотношение советских и немецких потерь по потерям офицеров, которые всегда считают точнее, чем рядовых. Согласно данным, приведенным Мюллером-Гиллебрандом, сухопутная армия Германии потеряла на Востоке с июня 41-го по ноябрь 44-го 65,2 тыс. офицеров погибшими и пропавшими без вести. Общие же безвозвратные потери вермахта составили за тот же период 2417 тыс. человек. Таким образом, на одного офицера приходится 36 рядовых и унтер-офицеров безвозвратных потерь. Доля офицеров в этих потерях составляет 2,7 %.

Безвозвратные потери офицеров советских сухопутных войск, согласно подсчетам, завершённым только в 1943 году, составили 973 тысячи. Если исключить из этой цифры сержантов и старшин, занимавших офицерские должности, а также потери 1945 г., то безвозвратные потери офицеров советских сухопутных сил за 1941–

1944 годы (за вычетом политического состава, в вермахте отсутствующего, а также лиц административного и юридического состава, у немцев представленного чиновниками) составят около 784 тысяч. Вот эти-то 784 тысячи и надо сопоставлять с 65,2 тысячи немецких офицерских потерь, приведенных у Мюллера-Гиллебранда.

Получается соотношение 11,2:1. Оно близко к соотношению потерь армий СССР и Германии, определенному другим методом. Если же принять официальную цифру советских потерь, то получится, что в сухопутных войсках Красной Армии на одного погибшего офицера приходилось всего 8 рядовых. Выходит, что у нас отделениями (обычная численность одного отделения — 9 человек) командовали офицеры. Или что в Красной Армии в атаку бросались целые батальоны и полки одних офицеров.

Доля офицеров в безвозвратных потерях двух сторон была примерно одинакова. Так, независимый российский военный историк В.М. Сафир отмечает, что «по отдельным боевым донесениям сухопутных войск приблизительный уровень офицерских потерь колеблется где-то в пределах 3,5–4,0 %». Если взять, например, донесение о потерях 323-й стрелковой дивизии за 17–19 декабря 1941 года, там на 38 убитых командиров приходилось 458 солдат и сержантов, а на 19 командиров, пропавших без вести, — 1181 пропавший без вести сержант и солдат. Здесь доля командиров в безвозвратных потерях составляет 3,36 %. Если же вычесть отсюда политработников, составлявших почти 10 % офицерских потерь, и еще 3 % потерь административного и юридического состава, то доля офицеров в потерях сократится до 3 % и будет очень немного отличаться от доли офицеров в немецких безвозвратных потерях.

Все эти вычисления доказывают только то, что немногие уцелевшие из тех фронтовиков, кому доводилось ходить в атаку, знают. Итак, мы заваливали врага трупами и победили лишь благодаря большой и безропотной массе необученных солдат, покорно шедшей в самоубийственные атаки. Хорошо обученный солдат и офицер, способный размышлять, представляли для Сталина большую опасность, чем гибель десятков миллионов необученных бойцов.

Что же касается общих советских потерь, то они значительно превышают официальные 27 млн. Дело в том, что население СССР к началу войны составляло не 194 млн. человек, как полагают многие

демографы, а, согласно исчислению, проведенному ЦСУ в июне 41-го, должно было' превышать 200 млн. человек. Но тогда успели провести лишь предварительное исчисление, а повторное сделали лишь по Молдавии и Хабаровскому краю. Оно дало цифры на 4,6 % больше первоначальных. С учетом этого население СССР в июне 41-го можно оценить в 209,3 млн. человек. А общую убыль населения вследствие войны от избыточной смертности (с учетом того, что к началу 46-го его численность оценивалась в 167 млн. человек, а также показателей рождаемости последних военных лет) — в 43,3 млн. человек. (Напомним, что общие потери рейха оцениваются в 7 млн. погибших.) Таким образом, потери гражданского населения составили 16,9 млн. человек».

Я уже написал, что те, извините за выражение, историки, которые, из шкуры вылезая, стараясь облить своим дерьмом наше прошлое, тупо перегибают палку и, не понимая этого, уже начинают прославлять Сталина и советский народ лучше, чем это в свое время делал советский Агитпроп. Ну, посудите сами, какой вывод нормальный человек должен сделать из непомерного раздутия числа советских потерь в Великой Отечественной войне и непомерного сокращения числа немецких? Правильно, только один: немцы были какими-то трусливыми недоносками, которые потеряли всего одного солдата на 12 убитых советских солдат, и сдались. А наши предки становятся какими-то несокрушимыми героями, которым все нипочем. Ну как хозяевам Б. Соколова и «Новой газеты», американцам, с такими русскими воевать? Американцы же привыкли издалека отбомбиться и ждать, что жертва сдастся. А тут, оказывается, сколько русских ни убивай, они все равно победят. Как это может подействовать на психику рядового американского пиндоса?

Соколов аж прыгает от возбуждения, чтобы доказать, что на советском фронте и немцев-то никаких не было — так, одна-две дивизии: «плотность немецких войск на Западном фронте была в 2,5 раза больше, чем на Восточном». А все западные историки, скажем, тот же Лен Дейтон утверждают, что 7 из каждых 8 немецких дивизий были уничтожены Красной Армией. Как же так? Это же получается, что американцы и англичане с немцами вообще не воевали! Надо сказать, что и Гитлер выглядит каким-то идиотом: терял войска на Восточном фронте, застрелился, когда Берлин окружила Красная

Армия, а все войска держал почему-то на Западном фронте, где у него и потерь-то вроде не было.

Соколов убеждает олухов «Новой газеты», что советские историки, подсчитавшие потери Красной Армии, лгуны и все врут, а вот немецкие битые генералы — это образец кристальной правды. Между тем, если немецкие генералы и честнее, то они честнее только таких историков, как Соколов, хотя на Соколове, если присмотреться, уже и пробы негде ставить. Что касается немецкого генерал-майора Мюллера-Гиллебранд а, принятого в данной статье за образец честности, то чуть ниже повторю, что о нем писал ранее, и добавлю еще, а пока о том, что Гитлер наверняка дал указания уменьшать в немецких официальных документах число погибших в войне немцев.

К этой мысли приводит особый порядок сообщения войск о потерях, при котором войска давали сначала «ориентировочные» данные о своих потерях, которые и докладывались Гитлеру, а потом «уточненные», которые суммировались неизвестно где, и неизвестно, суммировались ли.

Возьмем, к примеру, дневники начальника штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера. Среди немецких документов этот документ следует считать документом исключительной точности, поскольку американцы захватили их в подлинном виде, и Гальдер в их присутствии расшифровывал свои стенографические записи, которыми он вел дневник. Казалось бы, что он после войны не мог никак их подправить, да и вряд ли это делал. И тем не менее смотрите, что у него там было записано.

Гальдер несколько раз в месяц переносил в дневник сводки немецких потерь с нарастающим итогом. И вот 30 сентября 1941 года у него запись:

«Потери с 22.6 по 26.9 1941 года: Ранено 12 604 офицера и 385 326 унтер-офицеров и рядовых; убито — 4864 офицера и 108 487 унтер-офицеров и рядовых; пропало без вести — 416 офицеров и 23 273 унтер-офицера и рядовых.

Всего потеряно 17 884 офицера и 517 086 унтер-офицеров и рядовых.

Общие потери всей армии на Восточном фронте (не считая больных) составили 534 970 человек, или примерно 15 процентов

общей численности всех сухопутных войск на Восточном фронте (3,4 млн. человек)».

Проверим эти цифры логикой. Человек так устроен, что в бою при попадании в него пули или осколка на одного убитого приходится трое раненых. У Гальдера получается раненых, примерно, 398 тысяч и убитых 113 тысяч. Отношение, примерно, 1:3,5, это несколько великовато, но вдруг у немцев полевая медицина была уж очень хороша?

Далее, 3 октября Гальдер записывает:

«Эвакуация раненых:

25 797 раненых из группы армий «Север» эвакуировано на судах;

150 280 раненых эвакуировано санитарными поездами;

19 310 раненых эвакуировано железнодорожным порожняком;

153 000 раненых эвакуировано импровизированными санитарными поездами;

18 500 раненых эвакуировано самолетами;

1211 раненых эвакуировано специальными самолетами.

Всего свыше 368 000 человек».

Общая сумма эвакуированных в тыл 368 тысяч раненых хорошо совпадает со сводкой недельной давности — 398 тысяч. Казалось бы, все в ажуре. Но ни у нас, ни у немцев в тыл эвакуировались далеко не все раненые, скажем, по стандартам советской полевой медицины в армейских госпиталях лечились те, кого можно было поставить в строй в течение двух месяцев, и только более тяжелых отправляли в тыловые госпитали.

Точно так же поступали и немцы. В работе «Пехота вермахта» (Торнадо, Рига, 1997), к примеру, есть такие гордые строчки, которым, видимо, можно верить: «Небольшой пример эффективности работы дивизионной медицинской службы: в 1942/1943 годах 47,7 % раненых и больных было возвращено в строй именно благодаря усилиям дивизионных медиков». То есть у немцев почти половина раненых возвращалась на фронт даже не с армейских госпиталей, а прямо из учреждений, которые у нас назывались медсанбатами.

К примеру, немецкий танкист Отто Кариус, о котором чуть ниже, вспоминая о 1941, пишет:

«8 июля в нас попали. Мне впервые пришлось выбираться из подбитой машины.

Это произошло возле полностью сожженной деревни Улла. Наши инженерные части построили понтонный мост рядом со взорванным мостом через Двину. Именно там мы вклинились в позиции вдоль Двины. Они вывели из строя нашу машину, как раз у края леса на другой стороне реки. Это произошло в мгновение ока. Удар по нашему танку, металлический скрежет, пронзительный крик товарища — и все! Большой кусок брони вклинился рядом с местом радиста. Нам не требовалось чьего-либо приказа, чтобы вылезти наружу. И только когда я выскочил, схватившись рукой за лицо, в придорожном кювете обнаружил, что меня тоже задело. Наш радист потерял левую руку. Мы проклинали хрупкую и негибкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепежные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд». Прооперировали его в дивизионном медсанбате и вскоре: «Я двигался на попутках обратно на фронт, горящие деревни указывали путь».

Фельдмаршал Манштейн, описывая проблемы, возникшие в декабре 1941 года в связи с высадкой советских войск в Керчи и Феодосии, пишет: «В эти дни нас морально особенно угнетало то, что в госпиталях Симферополя лежало 10 000 раненых», — и угнетало потому, что «в Феодосии большевики убили наших раненых, находившихся там в госпиталях, часть же из них, лежавших в гипсе, они вытащили на берег моря, облили водой и заморозили на ледяном ветру». Оставляя без комментариев эту басню про замораживание, подчеркну, что у немцев, как вы видите, огромное количество раненых ни в какую Германию не вывозилось и лечилось тут же, в армейских тылах.

Но если это так, а по-другому тут никак не истолкуешь, то записанные у Гальдера 368 тысяч раненых, отправленных в Германию, это только тяжелораненые и инвалиды, а общее количество раненых, если исходить из 47,7 %, было минимум в два раза больше, т. е. на 26.09.1941 года их было не 398 тысяч, а 800 тысяч. Но тогда, исходя из соотношения 3:1, число убитых на эту дату тоже должно быть около 270 тысяч человек, а не 113 тысяч, как у Гальдера. Поэтому я и прихожу к выводу, что Гитлер искусственно занижал число убитых в войне с СССР, чтобы потом победа над Советским Союзом не казалась немцам очень горькой.

Вот Б. Соколов пишет, что «общие потери рейха оцениваются в 7 млн. погибших». Да, немцы после войны подсчитали убыль населения и дали это число. Одновременно Соколов свято верит и убеждает нас поверить, что военные потери немцев были в пределах 3,2 млн. погибших, следовательно, дефицит составляет 3,8 миллиона. А эти где погибли? На англо-американские бомбардировки их не спишешь, поскольку по подсчетам Г. Румпфа, генерал-майора пожарной охраны рейха, от бомбардировок и вызванных ими пожаров погибло 0,5 млн. человек. И вопрос остается: а где погибли остальные 3,3 млн.? Не там ли, где по «точным» подсчетам Гальдера за три месяца боев на 800 тысяч раненых приходится всего 113 тысяч убитых?

Можно оценить степень изначальной брехливости немецких военных документов и по-другому. Военный историк из Фрайбурга Р. Оверманс выпустил книгу «Немецкие военные потери во Второй мировой войне: он обратился к сохранившимся первичным источникам. В их числе — сводный перечень опознавательных знаков (жетонов) немецких военнослужащих (всего около 16,8 млн. имен) и документация «кригсмарине» (около 1,2 млн. имен), с одной стороны, и сводная картотека потерь Справочной службы вермахта о военных потерях и военнопленных (всего около 18,3 млн. карточек), с другой.

Оверманс утверждает, что безвозвратные потери немецкой армии составили 5,3 млн. человек. Самой опасной была служба в СС: в войну погибло около 34 % личного состава этих специфических войск (то есть каждый третий; а если на Восточном фронте — той каждый второй). Досталось и пехоте, смертность в которой составила 31 %.

Наиболее пострадавший возраст — 1925 год рождения: из тех, кому в 1945 г. стукнуло бы 20, с войны не вернулись каждые двое из пятерых. В результате соотношение мужчин и женщин в ключевой возрастной группе от 20 до 35 лет в структуре послевоенного немецкого населения достигло драматической пропорции 1:2.

Даже если бы немцы и победили, то с такими потерями им Гитлера не за что было бы благодарить, чему же удивляться, что «честнейший» Мюллер-Гиллебранд дает цифру в 3,2 миллиона погибших, а по учетным карточкам с войны не вернулось 5,3 миллиона и только немцев.

Это же надо!

Я не знал, что Б. Соколов еще и профессор Российского государственного социального университета. Надо же! И, как и полагается профессору, он и методику подсчета потерь изобрел. Нужно, оказывается, базировать ее на особо точных, как он полагает, числах офицерских потерь, причем, уверяет он, доля офицеров в войсках у Красной Армии и у немцев была одинакова. А одинакова ли?

В немецком пехотном полку по штату в общей численности 3049 человек офицеров должно было быть 75 человек, т. е. 2,5 %. А в советском стрелковом полку из штатной численности 1582 человека офицеры составляли 159 человек — 10 %. В немецкой пехотной роте численностью 201 человек офицеров было двое — командир роты и командир первого взвода, т. е. 1 %, а в советской стрелковой роте численностью 82 человека, офицеров было пятеро — 6 %. По профессору Соколову, это и есть «примерно одинаково».

Если с этим согласиться, то я могу подсказать Соколову, как еще обильнее полить нашу Родину дерьмом. Нужно взять томик мемуаров Манштейна и выписать: «Потери группы армий составляли: офицеры — 505 убитыми, 759 ранеными, 42 — пропавшими без вести; унтер-офицеры и солдаты — 6049 — убитыми, 19 719 — ранеными, 4022 пропавшими без вести».

Берем заявленную Мюллером-Гиллебрандом цифру немецких офицерских потерь за войну в 65 200 человек, делим ее на 505 и умножаем на 6049 (не можем же мы не верить Манштейну!), получаем, что за всю войну немцы потеряли убитыми всего около 840 тысяч человек. А поскольку «плотность немецких войск на Западном фронте была в 2,5 раза больше, чем на Восточном», то разделим это число на 3,5 и получим, что на Восточном фронте немцы потеряли убитыми всего 0,24 млн. человек. А Красная Армия, как подсчитал Соколов, — 26,4 млн. Соотношение получается замечательным: на одного убитого немецкого солдата приходилось 110 убитых советских солдат. Во, блин!

Кроме этого, в немецких справках о потерях, даже в адрес фюрера, много арифметических ошибок, есть цифры вызывающие недоумение. Допустим, в уже приведенной справке генерал-полковника Кривошеева указана цифра небоевых потерь Красной

Армии (погибли в катастрофах, умерли от болезней и т. д.) — 48 112 человек, что от общей цифры убитых и умерших от ран (956 769) составляет 5 %. Спрашивается, почему у немцев в отчетах за первый год войны этот показатель составил 19 % в сухопутных войсках, 24 % в Люфтваффе и 13 % во флоте? А за 4 года войны 9,5 %, 13,8 % и 24 % соответственно? Это что за падеж был в немецкой армии, почему на 3–4 убитых в боях, один умирал просто так?

Еще момент. И в наших, и в немецких дивизиях по несколько тысяч человек в бою непосредственно не участвовали — повара, хлебопеки, скотобои, ездовые, шофера, работники складов, военные строители, дорожники и т. д. Но эти люди находились под огнем, их бомбили, обстреливали, они гибли. У нас это были советские люди, и они включены в число погибших солдат. А у немцев это были так называемые добровольцы: русские, эстонцы, татары, украинцы и т. д. и т. п. Эти люди тоже воевали с нами, носили немецкую форму, помогали немцам убивать наших солдат и их тоже убивали и брали в плен. Но в состав вермахта они не входили и в его потерях не числятся. Скажем, на 02.09.1945 г. у нас в плену числились взятые в составе вермахта 60 280 поляков и 10 173 еврея. Откуда? От вермахта. Но в вермахте в безвозвратные потери они не занесены, более того, так как уроженцы СССР на службе вермахта чаще всего были бывшими военнослужащими РККА, то даже убитые Красной Армией, они входят не в немецкие потери, а в потери Красной Армии.

Далее, любуясь «низкими» потерями немцев, Соколов как-то «забыл» про верных союзников Гитлера: румын, итальянцев, венгров, финнов, словаков, хорватов, испанцев. В плену, к примеру, одних венгров было 513 767 (на 2 380 560 немцев и 156 682 австрийца). Румын, хотя они в 1944 г. стали нашими союзниками, было все же 187 370. А чеченцы, литовцы, эстонцы, латыши, бандеровцы и т. д., и т. д., и т. д. Эти-то ведь тоже убивали наших солдат, и их никто по головке не гладил. Не будь Соколов демократом, наверное, и этих бы включил в потери вермахта, хотя они даже по спискам пленных не проходят.

Потом, Соколову надо было бы добавить к потерям немцев и своих братьев по совести — власовцев, которые тоже входят в потери Красной Армии.

В деле увеличения глупости заслуги профессора Соколова очень велики, чего стоит только одна метода, при которой соотношение

потерь в отдельно взятой дивизии распространяется на весь призванный контингент! Правда, эта метода довольно опасна, если ее применить и немецкой армии. Поясню Соколову почему.

Вот Пауль Карель в своей книге «Восточный фронт» необдуманно дал соотношение потерь во множестве немецких соединений и частей, которым посчастливилось геройски бить русских на Восточном фронте. У Кареля можно, к примеру, прочитать такие сведения.

«...Вечером 16 февраля во 2-м батальоне 113-го мотопехотного полка оставалось 60 человек. Шестьдесят из 600. Немногим лучше обстояли дела у 1-го мотопехотного полка, или «Лейбштандарта». На переключках в ротах доходили до десяти, самое большее до двенадцати. Командиры рот и взводов погибли или были ранены. Та же картина в инженерно-саперных подразделениях и танковом полку — боеспособны 12 «пантер» и несколько Т-IV...

...394-й мотопехотный полк 3-й танковой дивизии сократился до двух стрелковых рот. Многие офицеры всех частей погибли в бою. В разведывательном батальоне капитана Дайхена осталось всего восемьдесят человек, а в 331-м гренадерском полку 167-й пехотной дивизии — двести. Сходным образом обстояли дела и в других частях 11-го корпуса. В 6-й танковой дивизии осталось пятнадцать машин, в 503-м батальоне «Тигров» — девять, в трех дивизионах штурмовых орудий вместе — двадцать четыре...

...Когда обер-ефрейтор Фитшен прибыл с группой отставших в 6-ю роту, то из 12 человек нашел лишь двух солдат и одного унтер-офицера. Рота сократилась до 75 боеспособных людей. До семидесяти пяти! Десять дней назад во Франции в поезд погрузилось 240 человек...

...В середине дня 27 октября 73-я пехотная дивизия доложила, что у них осталось 170 человек — одна сотая ее прежнего состава. И это в дивизии, которую передали в 6-ю армию только 4 октября. 111-я пехотная дивизия сократилась до 200 человек. Тяжелое вооружение дивизий и корпусов было потеряно на 60 %. Вся армия располагала только 25 боеспособными танками и штурмовыми орудиями...»

Из таких докладов становится понятным, почему плотность немецких войск на Западе была в 2,5 раза выше, чем на Востоке. Откуда на Востоке ей было взяться, если перебросишь туда дивизию из Франции, а от нее через 5 дней остается треть, а через три недели

1 %. Но, между прочим, по методике Соколова получается, что на Восточном фронте погибло 90 % призванного немцами контингента в 21,1 млн. человек. Да добавить сюда братьев профессора Соколова по уму, совести и чести: итальянцев, румын, венгров, словаков, хорватов, голландцев, датчан, французов, испанцев, финнов и местную сволочь из СССР, перешедшую на службу к американцам, прошу прощения — к немцам, которая тоже была убита, но засчитана в потери СССР. Это сколько же тогда получится?? А, профессор?

Дочитал я статью Соколова до подписи с указанием его ученой должности, и вспомнился мне анекдот. Утром грузин выходит на крыльцо кормить кур, в это время петух гонится за курицей. Грузин бросает горсть зерна, петух бросает курицу и бежит клевать.

— Вах, вах, вах, — ужасается грузин, — упаси Господь так оголодать.

Вот я и думаю, это же как надо было Российскому государственному социальному университету оголодать на преподавательские кадры, чтобы принять в штат Б. Соколова?

Танки

Теперь вопрос — а был ли Гитлер заинтересован в сообщении о том, что немцы добивались побед не немецким оружием, а иностранным? Ответ на это можно получить, внимательно просмотрев труд помянутого генерала Мюллера-Гиллебранда.

На первый взгляд в написанном им справочнике «Сухопутная армия Германии» полный ажур: таблички, приложения, примечания, дополнения, все цифирки даны с точностью до единицы — классика! Но я вот уже второй десяток лет не могу найти ответ на вопрос, который, казалось бы, обязательно должен был быть дан в этой «классике». Но сначала немного предыстории.

Немцы с необычайным размахом использовали в войне всю трофейную технику и оружие. Возьмем, к примеру, артиллерию. Немцы использовали в войну десятки тысяч трофейных орудий и минометов, у них только зарегистрированных было 190 трофейных артсистем. И не только 44 советских и около 60 французских, не гнушались и польскими (5), и норвежскими (6), и югославскими (19), и

голландскими (6). В трофеях было 10 английских артсистем и даже 6 американских. Трофеи использовались «как есть» или с переделками, скажем, немцы переделывали и французские 75-мм пушки, и наши Ф-22.

Использовали они практически в обязательном порядке и танки, переделывая их под свою тактику, к примеру, наши КВ или чешские LT vz.38. И у меня вопрос: а как и где они использовали французские и английские трофейные танки? Мюллер-Гиллебранд сообщает, что да, были в сухопутных силах Германии к началу войны против СССР 6 танковых батальонов резерва главного командования, два из которых были укомплектованы французскими танками, но на Восточном фронте эти максимум 200 танков не использовались. Другой немецкий источник уверяет, что на 31.05.1943 года на вооружении вермахта еще оставалось 696 французских и английских танков на западных, невоюющих фронтах. Прекрасно! А на каком фронте сгорели остальные французские и английские танки, которые немцы взяли трофеями в 1940 году?

Поясню о чем речь: начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер в своем дневнике от 23 декабря 1940 года записал: «Трофейные танки: 4930 шт.». Ну хорошо, около 700 штук еще осталось на 1943 год, несколько сот переделали в самоходные орудия, но где сгорели остальные?!

Вот генерал В.С. Петров, в те годы лейтенант, встретивший немцев в 1941 году на Буте, пишет, что 22 июня 1941 года в десятом часу вечера их батарею 152-мм гаубиц атаковали немецкие танки. Их пришлось подпустить на 700 м (на батарее оставалось всего 10 снарядов), и после открытия огня два танка разлетелись на куски от наших 48-кг снарядов, остальные отошли. К остаткам танков была послана разведка: «Сержант сложил трофеи на шинель: горсть коротких пистолетных патронов с выточкой на фланце, небольшую деталь цилиндрической формы с обрывком шланга, по всей вероятности, датчик со щитка приборов. На панели фосфоресцирующие надписи на французском языке... По обрывкам документов, изъятых у членов погибшего экипажа, установлено, что танк принадлежал разведывательному батальону 14-й танковой дивизии».

А вот боевое донесение командира 45-й немецкой дивизии генерал-лейтенанта Шлипера о боях по штурму крепости Брест-Литовск от 25 июня 1941 года: «Ввод в действие приданного по приказу армии 28-го танкового взвода в составе трех французских танков «Сомуа» мог быть осуществлен лишь с утра 26.6».

А вот воспоминания немецкого солдата Готлиба Бидермана, воевавшего на Керченском полуострове в середине марта 1942 года:

«Позднее нам стало известно, что русские прорвались в секторе, который защищала румынская дивизия, и этот прорыв не смогли остановить ослабевшие германские части на румынских флангах. При таком положении стало необходимо ввести в бой новую танковую дивизию. Эта дивизия была сформирована и оснащена во Франции и в значительной степени была вооружена захваченными французскими танками. Использовать новую дивизию было намечено в весеннем наступлении, но сейчас она была вынуждена месить глубокую грязь, чтобы встретиться с русскими».

А нас честнейший Мюллер-Гиллебранд уверяет, что в немецких войсках, напавших 22 июня 1941 года на СССР, было всего 3582 танка и самоходных артиллерийских Орудия, из которых 772 танка были чешского производства, а остальные машины — немецкого. И все — больше танков у немцев якобы не было. В 14-й немецкой танковой дивизии, уверяет Мюллер-Гиллебранд, 36-й танковый полк был вооружен исключительно немецкими танками, а 40-й разведбат в этой дивизии, как и все разведывательные батальоны, из всей бронетехники имел одну роту и один взвод бронемашин. И никаких танков. Так куда же, черт возьми, подевались более 4 тысяч французских и английских танков?

Ну, и как же без критики воспринимать то, что написано о войне этими Мюнхгаузенами?

Глава 4

БРЕХНЯ ФЕЛЬДМАРШАЛОВ

«Лучший оперативный ум»

Эрих фон Манштейн, даже по свидетельству ревнивых к чужой славе гитлеровских генералов, являлся наиболее выдающимся военным профессионалом фашистской Германии. Но если Г. Гудериан считается гением тактики — искусства выиграть бой, то Манштейн считается гением в оперативных делах — в искусстве маневра силами при проведении операций.

Фельдмаршал В. Кейтель, который с 1938 по 1945 г. занимал самую высшую военную должность в Германии — начальника ОКВ, был в Нюрнберге приговорен к повешению. До казни успел написать мемуары, в которых сказал: «Я очень хорошо отдавал себе отчет в том, что у меня для роли... начальника генерального штаба всех вооруженных сил рейха не хватает не только способностей, но и соответствующего образования. Им был призван стать самый лучший профессионал из сухопутных войск, и таковой в случае необходимости всегда имелся под рукой... Я сам трижды советовал Гитлеру заменить меня фон Манштейном: первый раз — осенью 1939 г., перед Французской кампанией; второй — в декабре 1941 г., когда ушел Браухич, и третий — в сентябре 1942 г., когда у фюрера возник конфликт с Йодлем и со мной. Несмотря на частое признание выдающихся способностей Манштейна, Гитлер явно боялся такого шага и его кандидатуру постоянно отклонял».

А Г. Гудериан так оценивал своего коллегу: «...Манштейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями — наш самый лучший оперативный ум».

Согласитесь, оценки подобных специалистов чего-то стоят.

Действительно, ни в одной из книг других генералов (и наших, естественно) нет столь ясно освещенной философии оперативного

искусства.

Я ее изложу своими словами.

С оперативной точки зрения, занятие любой территории бессмысленно, если вражеские войска не уничтожены. Они ведь смогут вернуть эту территорию. Поэтому в любой операции главным является не занятие или удержание какой-либо территории, а уничтожение противника. Приказы типа «ни шагу назад» или «взять такой-то город» бессмысленны и губительны, если их следствием не служит нанесение противнику многократных потерь.

Противник прорывается? Отлично! Дай ему прорваться, пусть он займет твою территорию, а ты, не растратив сил во фронтальной обороне, собери их и отрежь противника в чистом поле, окружи его и уничтожь! А когда уничтожишь, можешь занять и удержать любую территорию.

И надо сказать, что, командуя в 1943–1944 гг. группой армий «Юг», Манштейн, даже отступая, умел нанести нашим войскам тяжелейшие потери.

Но в стратегии лишение противника определенных территорий является главным инструментом борьбы. Здесь бездумный полководец своими маневрами может нанести ущерб стратегическим интересам. Стратегом Манштейн был посредственным, и его желание отдать Красной Армии очередные территории, чтобы сосредоточить силы для очередного удара, часто входило в противоречие со стратегическими интересами и приводило к спорам с Гитлером, которые закончились смещением Манштейна с поста главнокомандующего группой армий, когда Манштейн доманеврировал от Сталинграда до Карпат.

Авантюрист

Сам Манштейн из старинного прусского генеральского рода и в отношении военного хвастовства брехлив образцово — как барон Мюнхгаузен, посему и является прекрасным примером для темы, раскрываемой в этой книге. Причем брехлив он по своей натуре.

Вот пример с немецкой стороны. Когда я прочел его мемуары, то у меня осталось двойственное чувство. С одной стороны, как я только что сказал, он прекрасно описал суть полководческого мастерства, но с

другой стороны, осталось убеждение, что этот человек лживый фат: у него нет ни малейшего сожаления о погибших под его командой солдатах, он не только не признает ни одной своей ошибки (а они явные), но чуть ли не открыто убеждает читателей, что это он самый лучший полководец той войны. Но это всего лишь мое мнение, о причинах которого ниже, а между тем я с Манштейном не служил и даже не знаком, хуже того, все немецкие мемуаристы и историки тоже на все лады расхваливают Манштейна, так что мне с моим мнением было как-то неуютно. Но вот что я прочел в воспоминаниях немецкого офицера Бруно Винцера, служившего в 30-х годах прошлого века в батальоне Манштейна.

«Я уже говорил, что нашего командира батальона звали Эрих фон Манштейн. Он участвовал в Первой мировой войне и был в чине обер-лейтенанта. Мы его уважали.

Когда он обходил строй или после смотра говорил с кем-нибудь из нас, глаза его светились почти отцовской добротой; а может, он умел придавать им такое выражение? Но иногда от него веяло каким-то странным холодком, который я не в состоянии объяснить. Манштейн был безупречно сложен и прекрасно сидел в седле. Нам imponировало, что в каждом походе он носил точно такую же каску, как и мы, солдаты. Это было непривычно, и мы были довольны, что он подвергает себя таким же испытаниям, какие выпадают на долю воинской части, ему подчиненной. Мы бы не упрекнули его, если бы он в качестве старого фронтовика носил и легкую фуражку.

Но что за этим скрывалось! Я вскоре случайно об этом узнал. Денщик Манштейна был по профессии портной. Поэтому у господина обер-лейтенанта одежда всегда была в порядке, а нам денщик за двадцать пфеннигов гладил брюки.

Придя по такому делу к этому денщику, я заметил каску обожаемого нами командира батальона. Шутки ради или из озорства я вздумал надеть эту каску, но чуть не выронил ее в испуге из рук. Она была сделана из папье-маше, легка, как перышко, но выкрашена под цвет настоящей каски.

Я был глубоко разочарован. Когда у нас на солнцепеке прямо-таки плавилась мозги под касками, головной убор господина фон Манштейна служил ему защитой от зноя, подобно тропическому шлему.

Теперь я, впрочем, отдаю себе отчет, что впоследствии еще не раз наблюдал такое обращение с людьми, когда ласковая отеческая усмешка сочеталась с неопишуемой холодностью. Эта черта была присуща иным генералам, когда они посылали на задание, из которого, безусловно, никто не возвратится или вернутся только немногие.

А в тот день я положил каску обратно на стул и тихо ушел, унося свои выглаженные брюки. В душе у меня возникла какая-то трещина, но, к сожалению, небольшая. Тем не менее я пробормотал про себя: «Даже каска ненастоящая...»

А по складу ума Манштейн был исключительным авантюристом, а авантюра — это предприятие, связанное с риском и с надеждой на случай, следовательно, авантюрист — это человек, охотно идущий на риск в надежде на Фортуну, на слепую удачу. И Фортуна часто ему помогала, но когда она отворачивалась, то тут Манштейн полностью полагается на свою брехню.

И это ему приходится делать довольно часто. Достаточно сказать, что «лучший оперативный ум» Германии был первым из немецких генералов, кто попал в той войне в «котел», да так, что вынужден был из него бежать, бросая тяжелое оружие. Дело обстояло так.

С началом нападения на СССР Манштейн командовал 56-м танковым корпусом и вместе с 41-м танковым корпусом входил в танковую группу (армию) Гепнера, которая с первого дня войны, сломив сопротивление наших войск прикрытия на границе, рванула вперед. Все у Манштейна получалось, Фортуна о нем заботилась.

Но уже через три недели после начала войны его корпус — 15 июля — попал в окружение под городом Сольцы Новгородской области. Да так плотно, что снабжение корпуса пришлось начать по воздуху, а для деблокады снять с других участков фронта мотопехотную дивизию СС «Мертвая голова», 1-ю и 21-ю пехотные дивизии 16-й полевой армии и бросить Манштейну на выручку.

С дивизией «Мертвая голова», попавшей к нему в подчинение, тут же случилась беда. Дело в том, что 17 июля 1941 года противостоящую Манштейну 237-ю стрелковую дивизию Красной Армии возглавил полковник В.Я. Тишинский. Он и отметил свое вступление в должность боем, о котором сразу же заговорили.

«Все началось с задержки по времени выполнения приказа командующего армией, по которому дивизия отводилась на несколько

километров назад для занятия более выгодных рубежей, т. к. занимаемые позиции давали возможность противнику отрезать ее от своих тылов, от армейских соединений и оказаться в окружении. Распоряжение на отвод частей еще не было разработано, как поступили данные от разведчиков 835-го стрелкового полка. Командир разведроты Савельев доложил, что доставлен пленный, который показал о прибытии на участок, находящийся против 237-й дивизии, новой, свежей немецкой дивизии «Мертвая голова». Она имеет задачу в ближайшие сутки сменить потрепанные части 3-й моторизованной дивизии.

Вслед за этим сообщением командир 691-го артполка Кузнецов доложил, что разведчики полка во главе с Корниенко захватили оберлейтенанта, ефрейтора и важные документы. Изучение штабных документов, приказа командира дивизии СС «Мертвая голова» показало, что дивизия до деревни Ванец будет следовать походным порядком в автомашинах. Остановочный пункт деревня Ванец будет последней, откуда полки этой дивизии развертываются для занятия боевого порядка, севернее деревни. Из документов явствовало, что дивизия будет следовать по территории, занятой 237-й стрелковой дивизией, следовательно, представляется возможность встретить ее колонны на марше, не дать ей развернуться и разгромить. В соответствии с этим решением и был построен боевой порядок полков, что давало возможность полностью уничтожить боевую технику: танки, бронемашины, автотранспорт и захватить артиллерийско-минометное и стрелковое оружие, а также документацию штабов.

Перекрытие дороги в тылу двигающейся немецкой дивизии исключало возможность отступления или бегства солдат и офицеров. Таким образом, готовился «мешок» без возможности выйти из него. Артиллерийские средства были рассредоточены вдоль дороги для уничтожения **танков и бронемашин**.

Бой, начавшийся в 12 часов 15.20, закончился примерно через час полным уничтожением фашистских солдат и офицеров, танков, бронемашин и другой техники. По подсчетам, на дороге, по которой следовала дивизия СС «Мертвая голова», оказалось более тридцати подбитых танков, свыше двух десятков бронемашин, около двухсот автомашин, более 80 мотоциклов с колясками, свыше полсотни орудий, 45 минометов, 119 пулеметов. Сожжены и подорваны автомашины со

снарядами, бензином, продовольствием. На дорогах лежали убитые, покалеченные фашистские солдаты и офицеры, которых насчитали тысячи. Среди убитых найден начальник штаба дивизии, но трупа командира дивизии не обнаружено. Командиры двух полков оказались в числе убитых.

Сообщение о разгроме дивизии наше армейское руководство встретило с недоверием. Командующий армией выразился просто: «Не врите! Одна дивизия не может уничтожить дивизию противника, да еще немецкую». И приказал убитых не хоронить до приезда специальной комиссии, которая прибыла к исходу дня. Приехала также комиссия из штаба Северо-Западного фронта для того, чтобы удостовериться в правильности сообщений о разгроме «Мертвой головы»...».

Манштейн, само собой, валит вину за разгром эсэсовцев на командование дивизии, хотя по своему положению это он, не послав разведку, назначил «Мертвой голове» рубежи развертывания, до которых дивизия не доехала. Он пишет: «Более сносные условия местности, но и сильную укрепленную линию встретила дивизия СС «Тотенкопф», наступавшая на Себеж. Но здесь сказалась слабость, присущая неизбежно войскам, командному составу которых не хватает основательной подготовки и опыта... Дивизия имела колоссальные потери, так как она и ее командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии уже давно научились... В ходе боев я все время должен был оказывать помощь дивизии, но не мог предотвратить ее сильно возмраставших потерь. После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два».

Когда Манштейн все же вырвался из окружения, ему из Берлина дали втык не столько за то, что он попал в него, сколько за то, что в связи с этим нашим войскам в руки попала совершенно секретная инструкция (наставление) к химическим минометам, которую немедленно огласило московское радио. Манштейн оправдывался: «Противник захватил наставление, конечно, не у передовых частей, а в обозе, когда он занял наши коммуникации. Это всегда может случиться с танковым корпусом, находящимся далеко впереди фронта своих войск».

Побойся Бога! С каких это пор совершенно секретные наставления о применении отравляющих веществ, способные вызвать

международный скандал, перевозятся в обозе? Небось не подковы. Такие наставления хранятся в штабах, и надо прямо писать: штабы 56-го корпуса бежали с такой скоростью, что им некогда было захватить или хотя бы сжечь эти наставления.

А случилось вот что. Фортуна Манштейна всегда держалась на двух его удачах — на организационной и технической слабости наших войск и на своевременной помощи начальства. (Кстати, храбрость наших войск Манштейн подчеркивает, отдадим ему должное). А в данном случае, к его несчастью, в командование Северо-Западным направлением 10 июля вступил маршал К.Е. Ворошилов. Он и организовал Манштейну маневренную войну. Но вторая удача Манштейна под Сольцами пока не подвела — начальство бросило свободные силы и выручило его. Сам он пишет: «3-й моторизованной дивизии удалось оторваться от противника, только отбив 17 атак». Надеюсь, читатели понимают, что означает деликатное слово «оторваться» в сочетании с отбитием 17 атак? Это значит, что когда дивизия (в составе корпуса) побежала, советские войска за ней упорно гнались. С таким сопровождением она должна была убежать достаточно далеко.

Действительно, Манштейн деловито пишет: «Фронт корпуса, направленный на восток и северо-восток и проходивший примерно на рубеже города Дно, вновь был восстановлен. 8-я танковая дивизия была сменена дивизией СС и получила короткий отдых».

От города Сольцы до города Дно по карте по прямой 40 км. Неплохо пробежался на запад 56-й танковый корпус! Но в мемуарах Манштейна вы не найдете не только ни малейшего сожаления об убитых по его вине немцах, но и простого анализа того, почему он подставил свой корпус под удар.

Следующей авантюрой следует считать действия Манштейна в Крыму осенью 1941 г. и в зиму 1942 г. Заняв и полностью очистив от наших войск Крым, Манштейн решил взять и Севастополь. Сил у него для этого не было, но ему очень хотелось, и очень уж он верил в удачу. Дело в том, что по старым немецким традициям, как пишет сам Манштейн, звание фельдмаршала давалось либо за самостоятельное проведение целой военной кампании, либо за взятие крепости. Манштейн несколько презрительно отозвался о тех, кого Гитлер скопом произвел в фельдмаршалы за войну с Францией. Из тех

генералов никто старых требований к фельдмаршалам не выполнил. А Манштейну как раз подвернулась крепость Севастополь, и он полез на нее в надежде на Фортуны и только на нее. Дело в том, что когда летом 1942 г. он все же взял Севастополь, для этого ему в помощь стянули чуть ли не всю осадную артиллерию Германии и чуть ли не вдвое увеличили численность войск. Да и после этого он штурмовал Севастополь полтора месяца и взял его, понеся тяжелейшие потери. Но осенью 1941 г. у него подобных сил для штурма и близко не было.

Тем не менее он собрал с Крымского полуострова под Севастополь все, что мог. Керченский полуостров Крыма защищал армейский корпус генерала Шпонек, Манштейн оставил ему всего одну дивизию. Согнал под ДОТы Севастополя крымских татар и румын. И начал штурм.

А в это время наши войска высаживают десанты под Керчью. Единственная дивизия немцев не может их удержать, Шпонек просит разрешения отойти. Манштейн запрещает и продолжает штурм. Затем наши высаживают десант в Феодосии с угрозой перерезать перешеек Керченского полуострова. Немецкий корпус бежит из Керчи, бросив всю артиллерию, и успевает выскочить. И вот тут для авантюриста Манштейна наступает момент, когда Фортуна улыбается ему во все 32 зуба.

Если бы наши войска, высадившиеся в Керчи и Феодосии, немедленно двинулись на Симферополь, то взяли бы его без боя, так как в Симферополе из немецких войск было всего 10 тысяч раненых в госпиталях'— те, кто уже отштурмовал Манштейну маршалский жезл. Никаких войск на территории Крыма больше не было, все были под Севастополем. Но была зима, дороги обледенели, из-за бескормицы под Севастополем в дивизиях у немцев начался падеж артиллерийских лошадей. Достаточно сказать, что на вывод дивизий от Севастополя к Феодосии (на путь, который пионерский отряд летом пройдет за неделю) Манштейну требовалось 14 дней. Манштейн оказался в ловушке, но с Фортуной.

Наши войска сидели на Керченском полуострове и неизвестно чего ждали. Не ждал Гитлер. Он немедленно начал перебрасывать в Крым самый мощный 8-й авиационный корпус Рихтгофена, танковые и пехотные дивизии с южного участка фронта. Штурм, конечно, был

прекращен, убитых списали, а бездействие наших войск и деятельность Гитлера спасли Манштейна и на этот раз.

Сталинград

Но особенно брехлив Манштейна в описании своего, пожалуй, главного в карьере поражения — Сталинградской битве.

Давайте вкратце восстановим события. В ноябре 1942 г. наши войска под Сталинградом ударами по флангам окружили 6-ю, самую многочисленную армию немцев, создав ей внутренний фронт окружения и непрерывно отодвигая внешний фронт. В этот момент Гитлер создал из 6-й армии (находившейся в окружении), 4-й танковой армии и различных не попавших в окружение соединений новую группу армий «Дон», назначив ее командующим Манштейна, уже фельдмаршала.

В подчинении 6-й армии под командованием генерала Паулюса в окружении находилось (по данным Манштейна) «пять немецких корпусов в составе 19 дивизий (из которых 3 танковые и 3 мотопехотные. — Ю.М.), 2 румынские дивизии, большая часть немецкой артиллерии РКК (за исключением находившейся на Ленинградском фронте) и очень крупные части РКК» — всего около 300 тыс. человек.

Как истинный генерал сухопутный войск Манштейн, как видите, не упомянул входящую в Люфтваффе и тоже попавшую в окружение под Сталинградом дивизию ПВО. Поэтому, по советским данным, в окружение попало 22 дивизии, а по Манштейну — всего 21.

Остальные силы Манштейна были расположены на фронте, который почти прямым углом выдавался к Сталинграду. Вершина угла находилась на плацдарме немцев — на левом берегу Дона у станицы Нижнечирской. От вершины этого угла фронт шел в одну сторону примерно 70 км на запад, а потом сворачивал на север, а в другую — примерно 80 км на юг и сворачивал на восток. От вершины угла до Сталинграда было самое короткое расстояние — около 50 км — и проходила с немецкого тыла к окруженным железная дорога. Такова была ситуация, когда Манштейн принял командование и получил приказ деблокировать 6-ю армию.

Думаю, что любой другой генерал на его месте сосредоточил бы в вершине угла все имеющиеся силы и ударил бы вдоль железной дороги, заставив огромную 6-ю армию пробиваться навстречу. Соединил бы эти две территории, обеспечил 6-ю армию снабжением и, имея в распоряжении уже все силы группы армий «Дон», начал бы действовать дальше по обстановке.

Отвлечемся. Конечно, в этом месте фронта и у нас было много войск, но ведь они находились в голой степи, окоп выдолбить было трудно, батареи спрятать негде. А немцы проламывали любые обороны, ведя пехоту или танки за огненным валом своей артиллерии. Манштейн пишет, что и под Сталинградом, из-за больших потерь в 1941 г., наша артиллерия была существенно слабее немецкой, причем немцы превосходили нас не только по количеству и калибру орудий, но, главным образом, инструментальной и авиационной разведкой целей. Они не просто много стреляли, их артиллерия стреляла по нашим отцам очень точно. Оборонявшийся противник немцев не смущал.

Да, обычный генерал под Сталинградом пробивался бы к Паулюсу по кратчайшему расстоянию, но Манштейн был не простой генерал, а «лучший оперативный ум», поэтому просто соединить окруженных с фронтом он не мог. И, судя по тому, как он расположил войска и как действовал, Манштейн задумал совместить деблокирование 6-й армии с полным разгромом советских войск под Сталинградом.

Судите сами. Для деблокирования Паулюса у него было всего 11 дивизий (помимо тех, которые удерживали фронт) — 4 танковые и 7 пехотных. Но он их не ввел в бой в вершине угла — по самому короткому расстоянию к окруженным. (Этот вариант он предусматривал только как запасной).

Он разработал операцию «Зимняя гроза» и приказал 1 декабря 3 дивизиям в полосе 4-й танковой армии Гота «до 3 декабря сосредоточиться в районе Котельниково», а это не в 50, а в 130 км к югу от окруженных.

А дивизиям группы Голлидта приказал «быть в оперативной готовности к 5 декабря в районе верхнего течения Чира», а это не в 50, а в примерно в 150 км к западу от окруженных.

Задуман был и вспомогательный удар из вершины угла, но не на восток прямо к окруженным, а на север — на Калач для захвата моста

через Дон. А 6-я армия, в чем пытается убедить читателей Манштейн, якобы должна была из окружения нанести удар на юго-запад, навстречу войскам Гота, наступающим из Котельниково.

Если бы задумка Манштейна осуществилась, то в окружение могли бы попасть с десятков советских армий. Но события развивались так.

Пока немцы, запаздывая, сосредоточивались, наши 10 декабря ударили по вершине угла фронта у Нижнечирской, пытаясь отодвинуть внешний фронт в месте, где он ближе всего подходил к внутреннему фронту окружения 6-й армии.

Для немцев это была бы большая удача, если бы ими командовал не «лучший оперативный ум», а простой генерал. Создавалась ситуация, как в будущем под Курском, где наши войска измотали немцев на обороне, а потом погнажи. Немцам нужно было воспользоваться запасным вариантом и перебросить в это место 57-й танковый корпус (как и планировалось) из 4-й армии Гота и, дождавшись, пока наши войска обессилят себя, атаковать по прямой к Сталинградскому котлу, прорвать внутренний фронт окружения и задействовать в боях 22 дивизии Паулюса. Но в этом случае не получилось бы окружения наших войск...

И Манштейн 12 декабря упорно посылает 57-й танковый корпус армии Гота к Сталинграду преодолевать 130 км из района Котельниково. К 19 декабря Гот, успешно наступая, вышел на рубеж реки Мышкова в 50–40 км от окруженных. Но... Паулюс навстречу 57-му корпусу не ударил.

В мемуарах, на половине своей главы о Сталинграде, Манштейн пытается запутать вопрос о том, почему Паулюс, якобы вопреки плану «Зимняя гроза» и его приказу, не ударил навстречу Готу и почему 6-я армия и пальцем не пошевелила для своей деблокады: «Положение с горючим явилось последним решающим фактором, из-за которого командование армии все же не решилось предпринять прорыв и из-за которого командование группы армий не смогло настоять на выполнении своего приказа! Генерал Паулюс доложил, что для его танков, из которых еще около 100 были пригодны к использованию, у него имелось горючего не более чем на 30 км хода. Следовательно, он сможет начать наступление только тогда, когда будут пополнены его запасы горючего и когда 4-я танковая армия приблизится к фронту

окружения на расстояние 30 км. Было ясно, что танки 6-й армии — ее основная ударная сила — не смогут преодолеть расстояние до 4 танковой армии, составлявшее около 50 км, имея запас горючего только на 30 км. Но, с другой стороны, нельзя было ждать, пока запас горючего 6-й армии будет доведен до требуемых размеров (4000 т), не говоря уже о том, что, как показал накопленный опыт, переброска по воздуху таких количеств горючего вообще была нереальным делом.

...В конечном итоге этот вопрос оказал решающее влияние на оставление 6-й армии под Сталинградом, потому что Гитлер имел в котле своего офицера связи. Таким образом, Гитлер был информирован о том, что генерал Паулюс, ввиду отсутствия достаточных запасов горючего, не только считал невозможным предпринять прорыв в юго-западном направлении, но даже и произвести необходимую подготовку к этой операции».

Глупость и надуманность этого объяснения поражает. Оказывается, немцы предпочли сдохнуть от холода и голода в Сталинградском котле только потому, что последние 20 км им надо было пройти пешком!

Тут — с какой точки зрения ни посмотреть — сплошная глупость. 100 танков могут проехать 30 км, значит, слей горючее, и 60 танков пройдут 50 км. И т. д. и т. п.

Но давайте просто оценим цифру в 4000 т бензина, т. е. по 15 л на каждого оставшегося в котле солдата. Кому это надо? Давайте сами посчитаем за «лучший оперативный ум» Германии.

Если все 100 танков у Паулюса были самыми расходными и самыми тяжелыми на тот момент танками Т-IV, то они на 100 км дорог тратили 250 л, а на 100 км бездорожья сжигали 500 л бензина, значит на 20 км — 100 л. Итого, чтобы заправить эти танки, требовалось 10 т бензина. Чтобы залить им баки по горловину — 41 т.

Предположим, вместе с танками пошли бы на прорыв и 1000 бронетранспортеров, орудийных тягачей и других машин. Самые расходные — бронетранспортеры — жгли 80 л на 100 км бездорожья, на 50 км — 40 л. На 1000 машин требовалось 40 т.

Авиация Геринга за ночь переправляла в котел под Сталинградом минимум 150 т грузов, а обычно 300 т. Только раненых вывезли 30 тыс. человек, для чего требовалось минимум 2000 рейсов транспортного самолета Ю-52, которые рейсом в котел завезли не

менее 4000 т грузов. И при таком грузопотоке не смогли завезти 100 т бензина, чтобы двинуть на прорыв армаду из 100 танков, 1000 машин, сотен стволов артиллерии и 10 тыс. пехоты?! Видимо, у них в германском генштабе экзамена по арифметике не было.

Совершенно очевидно, что Манштейн даже не врет, а брешет. Зачем?

Еще вопрос. С каких пор в германской армии не заставляют исполнять приказы, а «настаивают» на их исполнении? В Крыму генерал Шпонек тоже не выполнил неисполнимый приказ об удержании Керчи и отошел. Манштейн немедленно отстранил его от должности, отправил в Берлин, там Шпонека судили и приговорили к смерти. Почему Манштейн не отстранил Паулюса немедленно, как только увидел, что тот не готовит 6-ю армию на прорыв? С 1 по 19 декабря Паулюс «не проводит» подготовку к деблокированию, а Манштейн с Гитлером на это спокойно взирают?!

Тут надо вспомнить — немцы, как правило, оборону противника прорывали танковыми дивизиями. Манштейн пишет, что танки — «основная ударная сила» 6-й армии. Если по плану «Зимняя гроза» Паулюс, как пытается убедить нас Манштейн, должен был прорываться на юго-запад навстречу 57-му корпусу, то и свои танковые дивизии он должен был расположить на юго-западе котла. Но у Паулюса здесь стояла только пехота, а танки — 14-й танковый корпус — к 19 декабря были сосредоточены на северо-западном участке. Получается, что Паулюс с самого начала игнорировал приказ от 1 декабря. Как это понять?

К своим мемуарам Манштейн приложил ряд документов, в том числе и планы операций. Но плана «Зимняя гроза» нет, и об этом плане, и о задаче 6-й армии по этому плану он рассказывает без цитат, так сказать, устно. Причем всячески навязывает мысль, что прорыв 6-й армии на юго-запад навстречу Готу был боевой задачей Паулюса по плану «Зимняя гроза» и именно эту задачу Паулюс не выполнил, чем обрек 22 свои дивизии на бездействие и гибель.

Только в одном месте он проговаривается:

«6-й армии приказ (от 1 декабря на проведение операции «Зимняя гроза». — Ю.М.) ставил следующие задачи: в определенный день после начала наступления 4-й танковой армии, который будет указан штабом группы армий, прорваться на юго-западном участке фронта

окружения в направлении на реку Донская Царица, соединиться с 4-й танковой армией и принять участие в разгроме южного или западного фронта окружения и в захвате переправ через Дон у Калача». (Выделено мной. — Ю.М.)

Если взять карту и карандаш и соединить вышеуказанные пункты, то у 6-й армии окажется следующий маршрут: на юго-запад (почти на юг) с форсированием реки Червленая и реки Донская Царица в среднем течении. Затем поворот почти на 180° и движение вместе с армией Гота на север с форсированием рек Донская Царица и Карповка в нижнем течении и выход к Калачу. Трудно определить несостоявшуюся точку встречи 6-й и 4-й армий, но вряд ли в этом петлянии с препятствиями расстояние меньше 80 км. А между тем, от северо-западного участка фронта окружения 6-й армии (от участка, на котором изготовился 14-й танковый корпус армии Паулюса) до Калача с мостом через Дон по ровному месту было около 25 км.

Совершенно очевидно, что в подлинном, а не фальсифицированном Манштейном, плане «Зимняя гроза» целью 6-й армии было наступление не на юго-запад к Готу, а на северо-запад — на Калач. Удар немцев от угла фронта у Нижнечирской вдоль западного берега Дона на север на Калач, удар 6-й армии с востока на Калач и соединение 57-го корпуса армии Гота с 6-й армией образовывали котел, в котором оказались бы в окружении 2-я гвардейская, 5-я ударная, 21-я и 57-я армии с кучей отдельных корпусов Сталинградского и Донского фронтов Красной Армии. А удар на Калач группы Голлидта с верховьев Чира образовывали еще котел с 3-й гвардейской и 5-й танковой армиями. Прямо скажем, губа у фельдмаршала была не дура.

О том, что в плане «Зимняя гроза» никакого прорыва Паулюса навстречу Готу не предусматривалось, свидетельствует приказ Манштейна Паулюсу и Готу, который «лучший оперативный ум» дал 19 декабря, в момент наибольшего успеха Гота, когда его 57-й танковый корпус еще не был остановлен нашими войсками. В тексте мемуаров Манштейн пытается трактовать этот свой приказ так, как будто «Зимняя гроза» — это удар 6-й армии на юго-запад для выхода из окружения, но мы этот приказ будем читать так, как он написан.

«Совершенно секретно. 5 экземпляров. Для высшего командования.

4-й экземпляр.

Передавать только с офицером.

Командующему 6-й армией.

Командующему 4-й танковой армией.

19.12.1942 г. 18.00.

1. 4-я танковая армия силами 57-го танкового корпуса разбила противника в районе Верхне-Кумский и вышла на рубеж реки Мышкова у Ниж. Кумский. Корпус развивает наступление против сильной группировки противника в районе Каменка и севернее.

Обстановка на Чирском фронте не позволяет наступать силами западнее реки Дон на Калач. Мост через Дон у ст. Чирская в руках противника».

В разделе приказа «Сведения о противнике и своих войсках», как видите, нет ни малейшего сомнения, что 57-й корпус, который за неделю прошел 80 км, пройдет и оставшиеся 40–50 км. Но подчеркивается, что наступление на Калач по западному берегу Дона пока невозможно. (Калач расположен на восточном берегу Дона). Далее ставится задача 6-й армии.

«2. 6-й армии в ближайшее время перейти в наступление «Зимняя гроза». При этом необходимо предусмотреть установление, в случае необходимости, связи с 57-м танковым корпусом через реку Донская Царица для пропуска колонны автомашин с грузами для 6-й армии».

До реки Донская Царица от окруженных около 10 км на юго-запад, тем не менее, как видите, в плане «Зимняя гроза» даже это небольшое наступление навстречу 57-му корпусу не предусмотрено. Манштейн даже прорыв на 10 км на узком участке (установить «связь») на юго-запад навстречу Готу предусматривает только «в случае необходимости», а не основной задачей. Основная задача — другая, в этом приказе она не упомянута, поскольку она поставлена в плане «Зимняя гроза». А поскольку ничего другого нам не остается, то приходится считать, что эта задача — взять Калач, т. е. наступать не на юго-запад, а на северо-запад. Только такое направление объясняет, почему частный удар на юго-запад должен наноситься исключительно в случае необходимости.

Смысл установления «связи» с 57-м корпусом в том, чтобы как можно скорее, не дожидаясь полного соединения 4-й танковой и 6-й армий, подать в 6-ю армию колонну с 3000 т грузов для окруженных и

колонну артиллерийских тягачей, которые следовали в тылах 57-го корпуса, т. е. сделать артиллерию 6-й армии подвижной как можно быстрее. (6-я армия частью съела своих артиллерийских лошадей, частью они пали от бескормицы).

Нет ни слова о выводе 6-й армии из занимаемого ею района под Сталинградом, который немцы называли «крепостью». По плану «Зимняя гроза», как видим, этот район должен был оставаться составной частью немецкого фронта.

Но Манштейн предусмотрел и возможную неудачу «Зимней грозы», поэтому ставит задачу на запасную операцию — операцию отхода 6-й армии от Сталинграда по направлению к фронту пока еще наступающей 4-й танковой армии Гота.

«3. Развитие обстановки может привести к тому, что задача, поставленная в пункте 2, будет расширена до прорыва армии к 57-му танковому корпусу на реке Мышкова. Условный сигнал — «Удар грома». В этом случае очень важно также быстро установить с помощью танков связь с 57-м танковым корпусом с целью пропуска колонны автомашин с грузами для 6-й армии, затем, используя нижнее течение Карповки и Червленую для прикрытия флангов, наносить удар в направлении на реку Мышкова, очищая постепенно район крепости».

Направление на Мышкову — это уже точно направление на юго-запад, но и название у этой операции другое — «Удар грома». И если в п. 2 прорыв для установления связи с 57-м корпусом осуществляется только пехотой (о танках ничего не сказано), то здесь уже предусмотрены и танки, что естественно. Предусмотрена и полоса отхода (указаны фланги).

Манштейна также заботит, чтобы в случае неудачи с «Зимней грозой» не было затрачено много времени на разворот 6-й армии для операции «Удар грома» — на перемещение складов, не используемых в «Зимней грозе» видов боевой техники и т. д. Он продолжает п. 3:

«Если позволят обстоятельства, операция «Удар грома» должна непосредственно следовать за наступлением «Зимняя гроза». Снабжение воздушным путем должно быть текущим, без создания значительных запасов. Важно как можно дольше удержать аэродром у Питомника.

Взять с собой все в какой-то мере способные передвигаться виды боевой техники артиллерии, в первую очередь необходимые для боя

орудия, для которых имеются боеприпасы, затем трудно заменимые виды оружия и приборы. Последние своевременно сконцентрировать в юго-западном районе котла».

Заметьте, в тексте мемуаров Манштейн плачется, что из-за плохого снабжения у Паулюса танки не могли пройти 50 км, а в этом приказе предписывает ему сократить прием грузов в котел. (И немудрено, потом с этими запасами Паулюс будет сражаться больше месяца, когда наши войска приступят к ликвидации окруженных.)

И наконец:

«4. Пункт 3 подготовить. Вступление его в силу только по особому сигналу «Удар грома».

5. Доложить день и час наступления к п. 2. Штаб группы армий «Дон»

Генерал-фельдмаршал *фон Манштейн*.

Оперативный отдел № 0369/42.19.12.1942 г.».

Как видите, Паулюс точно выполнял все приказы, выполнил бы и приказ «Удар грома», но этот приказ Манштейн не отдал, т. е. прорыв на юго-запад Манштейн Паулюсу не разрешил. Он приказал в п. 4 только «подготовить» такой прорыв и то — приказал это не 1 декабря, когда он давал приказ на «Зимнюю грозу», а только 19 декабря.

А 20 декабря наши войска нанесли удар по 8-й итальянской армии на левом фланге группы Голлидта, и итальянцев «как корова языком слизала». Затем наши ударили по 3-й румынской армии на правом фланге Голлидта, и румыны побежали. Голлидту не осталось ничего другого, как догонять румын. Чтобы закрыть образовавшийся на левом фланге прорыв, Манштейн стал забирать у 4-й танковой армии Гота войска с правого фланга, но тут наши вспомнили и о Готе.

25 декабря они ударили по Готу, не разузнав, подготовился ли Паулюс к прорыву или нет, дал ему Манштейн сигнал «Удар грома» или все еще медлил, мечтая окружить русских под Сталинградом. И если Гот от Котельниково до реки Мышкова шел 7 дней, то наши войска, начав 25-го форсирование этой реки, уже 29 декабря взяли Котельниково, перерезав Готу коммуникации. 4-й танковой армии Гота стала широко улыбаться судьба 6-й армии Паулюса, и Гот не стал испытывать судьбу — побежал. Всем войскам Манштейна как-то стало не до окружений и не до деблокирования Паулюса с его так и

оставшимися в бездействии 22 дивизиями и гениальным планом «Зимняя гроза».

Если бы Манштейн, не мудрствуя лукаво, отразил в начале декабря атаки наших войск на выступе фронта у станции Чирской и, собрав все силы, сам пошел на прорыв навстречу Паулюсу, то он, наверное, 6-ю армию деблокировал бы. Но он в своей книге учит, что генерал должен быть рискованным. Дорисковался.

В результате «лучший оперативный ум» Германии Манштейн обеспечил советскому командованию возможность разбить группу армий «Юг» по частям: сначала группу Голлидта, затем 4-ю танковую армию Гота, отогнать немцев от Нижнечирской, захватив у них последнюю переправу через Дон и аэродромы, и, на десерт, добить 6-ю армию. Гибель немецкой 6-й армии полностью на Манштейне. Он это знал, и поэтому в мемуарах врет, стараясь представить дело так, что это Паулюс, дескать, не выполнил его приказ, что это Гитлер, дескать, не хотел уходить из-под Сталинграда.

Не повезло Манштейну. Он ведь надеялся, что наши войска случайно окажутся такими, как в 1941-м, наше командование случайно окажется таким, как в Крыму, а у Гитлера случайно найдется в запасе танковая армия. Не обломилось. И это ведь не Фортуна от Манштейна отвернулась, «лучший оперативный ум» сам пристроился к ней сзади.

Кругом одни победы

Чтобы закончить о Манштейне, добавлю, что все генералы в мемуарах в той или иной степени выставляют себя гениями, но Манштейн и среди них выделяется. Он, по его писаниям, вообще никогда не имел поражений.

Скажем, злые языки утверждают, что под Курском немцы потерпели поражение. Это неправда, читайте Манштейна — на самом деле они одержали блестящую победу. Но вот беда — Гитлеру потребовалось для Италии 2 дивизии, поэтому Манштейн вынужден был вернуться на исходные рубежи, и лишь из-за маневрирования при отходе проскочил их и оказался на Днепре. Правда, как он пишет, из 42 командиров дивизий «группа потеряла 7» и еще «38 командиров полков и 252 командира батальонов», а «прибывающее пополнение

личного состава и техники даже приблизительно не покрывало потерь», но победил-то опять он!

Или, скажем, те же злые языки утверждают, что под Корсунь-Шевченковским в окружении погибла огромная группировка немецких войск Манштейна. Неправда! Личный состав 6,5 немецких дивизий, попавших в окружение, вышел полностью, правда, оставив всю технику, оружие, раненых и тело командовавшего ими генерала. Манштейн сам видел вышедшие из окружения войска, правда, не успел их пересчитать, так как они отправились в тыл на отдых, но думает, что вышло тысяч 30–32. Досадно только, что эти 6,5 дивизий больше никогда «не принимали участия в боях, что еще больше осложнило обстановку». А так — полная победа!

Справедливости ради надо сказать, что вторая половина мемуаров Манштейна сильно напоминает мне первую половину мемуаров Г.К. Жукова — все те же размышления на тему, как бы Манштейн наши войска в клочья порвал, если бы Гитлер дал ему резервы.

А в целом, мемуары Манштейна — это типичный образец «правдивости» немецких источников о войне.

Глава 5

БРЕХНЯ ВОЗДУШНЫХ ПОБЕД

Новые времена

Всеми «демократами по уму» лучшими летчиками-асами Второй мировой войны считаются немцы, и именно те из немецких летчиков, кто воевал у нас, на Восточном фронте, и сбивал наши самолеты. Причем цифры умопомрачительные. Если 15 наших лучших асов сбили каждый за войну от 41 до 62 немецких самолетов, то 15 немецких асов — от 203 до 352 советских самолетов. Надо сказать, что у советских историков эти цифры всегда вызывали сомнения, но для нынешних «демократов» — это «святая правда». Питаются «демократы» из источников, поступающих с Запада через Интернет и, как мне кажется, через Польшу и Эстонию. А эти источники хотя и русофобские, но дают попутно очень много фактов и о Люфтваффе — об организации немецких ВВС, традициях, особенностях и т. д. И если все эти произведения рассмотреть вместе, отстаиваемые ими цифры немецких «побед» начинают выглядеть, как шутовской колпак, что, впрочем, не мешает «демократам» носить его с большой гордостью.

Купил книгу, да не какую попало, а целую «Энциклопедию военного искусства. Военные летчики. Асы Второй мировой войны». И хотя издана она в Минске, но «россиянский демократизм» из нее так и прет. Очень часто, к примеру, используется даже не слово «русские», а «россияне».

К примеру: «Его заслуги оценили также и россияне, присвоив ему звание Героя Советского Союза» (а почему не Героя Россиянин?); или «В советской авиации служили не только россияне, но и представители других народностей СССР». Даже цитату из воспоминаний И.Н. Кожедуба скурвили: «Россияне применяли таран...»

И, конечно, у авторов «Энциклопедии...» никакого колебания в том, что немцы действительно сбили столько советских самолетов,

сколько сами себе записали. Но именно эта книга вызвала у меня сомнения в немецком искусстве. И вот почему.

Советские историки уже давно писали, что «сбитые» немецкими асами наши самолеты на самом деле являются самолетами, по которым немцы всего лишь стреляли.

В момент стрельбы их фотографировали. И кадры фотокинопулемета, установленного на немецких истребителях, фиксировали факт стрельбы, а не реального уничтожения. Без сомнения, именно поэтому в «Энциклопедии...» особенно старательно внушается мысль, что немцы не могли в этом вопросе соврать.

Оказывается, на каждый «сбитый» самолет немцы, помимо фотографий, сделанных фотопулеметом, должны были представить и анкету из 21 пункта. И в пункте

9 требовалось подтверждение свидетелей о том, что самолет сбит. Ну разве в таких условиях немцы могут приписать себе победу?

А тут дело обстоит так. У американцев и англичан самолет противника, сбитый в групповом бою, вероятнее всего, делился, потому что у их асов есть дробные результаты, скажем, 6,5 победы.

У нас такой самолет записывался отдельно всем участникам боя и в список личных побед не входил.

А у немцев он обязательно отдавался кому-то из участников боя. Немецкие истребители летали парами, и понятно, что в их менталитете уже было заложено, что сегодня я подтверждаю сбитый самолет тебе, а завтра — ты мне. То есть со свидетелями у немцев не должно было быть проблем. Единственным препятствием против приписок должна была служить лень летчика по заполнению 21 пункта анкеты. Но они не ленились. Анкеты на сбитие советских летчиков писали беспощадно.

Для примера немецкого трудолюбия приведу цитату из «Энциклопедии...», чтобы показать заодно и ее уровень: «6 ноября 1943 года во время 17-минутного боя над озером Ладога Рудорффер объявил о подбитых им 13 советских машинах. Это был, естественно, один из самых больших успехов в истребительной авиации и одновременно один из наиболее противоречивых боев. Апологеты (м.б., критики? — Ю.М.) Рудорффера указывают на тот факт, что на сегодняшний день нет документов, подтверждающих этот успех. С другой стороны, неизвестно, как Рудорфферу хватило амуниции (м.б.,

боеприпасов? — Ю.М.) и каким образом подтверждены эти успехи. В конечном счете, это дело можно подтвердить только наземными документами о потерях советских авиационных частей (если они в действительности существуют)». (Для этого надо, чтобы Рудорффер их действительно сбил. — Ю.М.)

Между тем за этот подвиг трудяга Рудорффер, набивший мозоли от авторучки, попал в Книгу рекордов Гиннесса, но черт с ней, дело-то в другом.

Смотрю на список из 324 лучших наших летчиков. Все сплошь русские, украинские, татарские, грузинские, армянские фамилии. Мухиных аж два. Сильно ли сегодня у наших летчиков изменен национальный состав? Ну как сегодня нашим летчикам с «ихними» драться, если «ихние» сбивали наших отцов чуть ли не в 10 раз больше? Одно остается нашему летчику — увидел самолет с «цивилизованным» немцем или американцем — поднимай руки вверх и кричи: «Путин капут!»

Награды

Однако, описывая подвиги любезных своему сердцу немцев, «демократы» не могут обойти и то, как Гитлер награждал своих асов. И вот в этом вопросе у «демократов» появляются первые трудности.

Награды могут быть разными, но у них обязательно есть общая цель — они должны стимулировать подвиги. Без этой цели они просто побрякушки и нет смысла их учреждать. Для осуществления цели наград должен осуществляться их главный принцип — **за равный подвиг**. Уничтожьте этот принцип при награждении, и награда обесценится.

Скажем, в СССР высшей наградой считался орден Ленина. Но так как он давался и заслужившей его доярке, и секретарю обкома к дню рождения, то в армии предпочитали его не иметь и стремились получить, казалось бы, более низкую награду — орден Боевого Красного Знамени.

Немцы тех лет были прирожденными военными. Можно сказать, что они любили войну и, соответственно, они очень точно понимали, что такое награда и зачем она. Основной их боевой наградой был

Железный крест разных рангов. Сначала давался крест второй степени, затем — первой, после этого на шею вешался Рыцарский крест. Затем к нему добавлялись Дубовые листья, далее — Мечи и в конце — бриллианты. И, разумеется, исходя из принципа равенства подвигов для награждения, кресты давали за примерно равные заслуги. Но что касается летчиков-истребителей, то эти равные заслуги численно сильно отличались от того, на каком фронте воевал летчик.

Этих фронтов было три. Первый — территория собственно Германии, окружавшие ее оккупированные страны и Англия, над которой тоже велись воздушные бои (Западный фронт). Второй — юг Италии, Греции и Северная Африка (Южный фронт). Третий — СССР (Восточный фронт).

Для того чтобы заслужить Рыцарский крест на Западном фронте, немецкий летчик должен был одержать около 40 «побед» в воздухе.

Немецкий ас, с 1939 года воевавший на Западном фронте командиром эскадрильи в 11-й и 1-й эскадрах, капитан Х. Кноке во время войны вел дневник, в котором описывал и суммировал все сбитая самолетов союзников. Эпизоды частью, мягко скажем, невнятные, но в дневнике у него в сбитых числятся не более 37 самолетов. Став после ранения инвалидом, Кноке в январе 1945 года, тем не менее, записывает: «Мне прислали бортжурналы, официальное подтверждение моих побед, и сообщили, что я награжден Рыцарским крестом. Журналы содержат записи о почти 2000 полетах, в том числе более 400 боевых вылетов. Я сбил 52 вражеских самолета». Кноке пишет, что один из его командиров подполковник Г. Шпехт получил Рыцарский крест еще майором 28 апреля 1944 года, а по итогам войны за Шпехтом числятся 35 сбитых самолетов, давших ему 50 «побед».

Кавалер всех наград, включая бриллианты, провоевавший до своей гибели исключительно на Западном фронте, Х. Лент (всего 113 побед) получил Рыцарский Крест за 16 сбитых самолетов (польских и английских). Г. Ябс (50 побед) получил эту же награду за 19 сбитых французских и английских самолетов. Г. Голлоб (152 победы) — за 42 «победы». Ф. Мюллер, сбивший до 9 мая 1945 г. 30 самолетов, был награжден Рыцарским Крестом в июле 1944 г.

А вот данные из независимого источника, вспоминает командир немецкой подводной лодки: «На этот раз, когда мы входили в Сен-Назер, воздушного сопровождения не было: люфтваффе

использовалось на других фронтах. Нас встретили только два маленьких корабля сопровождения. Участились воздушные налеты на базу. Рои четырехмоторных американских бомбардировщиков среди дня пролетали над головой на высоте 25 тысяч футов. Город горел: Мы видели, как летят немецкие истребители. Потом вспышка, открываются парашюты. Там в воде перчатка, здесь ботинок. Самолеты переворачивались и горели, иногда падали в пламени, некоторые взрывались в воздухе.

— Как в кино! — воскликнул молодой вахтенный офицер. — Вот это способ посмотреть войну. Я всегда хотел видеть настоящее воздушное сражение.

Один из наших летчиков плавал в море, не в состоянии освободиться от парашюта. Когда мы вытащили его, он рассказал, что сегодня его 24-й день рождения, и только что он сбил свой 24-й самолет. Он награжден Рыцарским крестом, четыре раза был сбит, а теперь собирается в отпуск. Было что отметить, и мы отмечали всю ночь».

Как видите, и из этого источника следует, что Рыцарским крестом награждали примерно за 20 сбитых самолетов. (Летчик, сбивший 24-й самолет, уже его имел.)

Однако и на Западном фронте приписывали себе сбитые самолеты в чрезвычайно больших количествах. Во-первых, просто приписывали. К примеру, 12 августа 1943 года 330 американских бомбардировщиков бомбили объекты в западной части Германии. Их атаковали 10 немецких истребительных авиагрупп (около 400 истребителей) и доложили о сбитии 37 бомбардировщиков, но на самом деле на базы в Англии не вернулось 25 «Летающих крепостей». 27 января 1943 года при налете американцев на Вильгельмсхафен немецкие летчики-истребители записали себе на счета 9 сбитых бомбардировщиков, а на самом деле на базы не вернулось только три. И т. д. и т. п.

Во-вторых, как следует из вышеприведенного счета, немецкие летчики-истребители на Западе нагло включали себе в счет и самолеты союзников, сбитые немецкой зенитной артиллерией. Надо немного о ней.

Сейчас публикуется достаточно фотографий из немецкой военной прессы той войны и в том числе фотографии немецких тяжелых зенитных орудий. Краской, иногда на щитах и всегда кольцами на

стволах этих орудий, отмечалось, сколько самолетов противника сбила батарея, в которую входило это орудие. Мне, к примеру, встречались фотографии батарей, имевших на стволах и 30, и 49 колец, т. е. эти батареи на момент фотографирования сбивали столько самолетов. А поскольку сбитые зенитчиками самолеты падают не очень далеко от батарей, то зенитчикам приписать себе победы довольно трудно.

В 1944 году на вооружении Германии находилось 2655 батарей зенитных орудий калибра 88 мм, 105 мм и 128 мм. Причем в составе ПВО Германии эти батареи имели 5–6 орудий, а в составе сухопутных войск — 4 орудия, и в составе сухопутных войск Германии в 1944 году было всего 574 зенитных пушки калибра 88 мм, т. е. около 140 батарей. Отсюда следует, что на Западе немецким летчикам-истребителям помогали увеличивать личные счета сбитых самолетов более 2,5 тысячи только тяжелых зенитных батарей.

Снаряды тяжелых зенитных орудий, предназначенные для поражения самолетов, имеют дистанционные взрыватели. Зенитчики, после сложнейших расчетов, устанавливали эти взрыватели так, чтобы снаряды рвались около самолета, по которому они стреляют, поскольку попасть прямо в самолет одиночным выстрелом и на расстоянии в 10–12 км практически невозможно. Взрыв снаряда немецкой 88-мм зенитной пушки надежно (немедленно) поражал самолет, если снаряд взрывался в 4–9 м от него. Далее 30 м этот снаряд становился для самолета практически безопасным, но на этой дистанции (9 — 30 м) он повреждал самолет, осколками пробивал бензобаки, выводил из строя двигатели и членов экипажа. (Я не знаю, сколько убойных осколков давал **88-мм немецкий снаряд** (вес 9,4 кг), но 105-мм (вес 15,1 кг) давал их 700 штук.)

Таким образом, немецкие зенитчики на один сбитый ими самолет очень много самолетов повреждали. Такие самолеты сбрасывали бомбы, чтобы не потерять скорость, но, тем не менее, многие из них отставали, выходили из строя и становились легкой добычей храбрых немецких асов. Это война, возразить против этого нечего, но надо иметь в виду, что таких «сбитых в бою» самолетов в списках немецких асов должно быть очень много.

Тем не менее, даже с этими сомнительными победами для получения Рыцарского креста немецкий летчик на Западном фронте должен был реально сбить не более 20 самолетов.

В это же время на Восточном фронте В. Батц (237 побед) получает Рыцарский крест за 101 заполненную анкету. Не менее разительна численная разница и для более высоких наград. На Западном фронте Х. Лент получает Дубовые листья к Рыцарскому кресту за 60 побед, Г. Ябс, сбивший за всю войну 50 самолетов, Дубовые Листья получает уже в марте 1944 г. А на Восточном фронте Э. Хартман (352 победы) получает Дубовые листья лишь после 200 «сбитых» самолетов, В. Новотны (258 побед) — после 190, Г. Баркхорн (301 победа) — после 175.

Бриллианты к Рыцарскому кресту на Западном фронте получают после 80 — 100 побед (В. Мельдерс, А. Голланд, Х. Лент), а на Восточном — после 250–300 побед (В. Новотны, Э. Хартман.)

Эти плохие советские летчики

Это дикое и очевидное несоответствие «демократы» поясняют изящно — дескать, советские летчики были настолько хуже английских, а их самолеты настолько несовершенны, что сбитие их мало ценилось немцами. Но эту мысль, так понятную «демократам», следовало бы подтвердить фактами. Однако этого никто не делает, так как факты говорят совершенно о другом.

Английские и французские летчики воевали в полтора раза больше по времени, чем советские. Кроме этого, до конца 1941 г. наши летчики не вели индивидуальных подсчетов, а самолеты, сбитые в свалке групповых боев, никому на личный счет не записывались. Поэтому, если бы английские и французские летчики были не то что лучше, а хотя бы не сильно хуже советских, то их лучшие летчики-истребители имели бы на личном счету гораздо больше побед, чем лучшие советские летчики. Но реально дело выглядит так. Лучший английский ас — полковник Д. Джонсон — совершил за войну 515 боевых вылетов, но сбил всего 38 немецких самолетов. Лучший французский ас — лейтенант (подполковник в английских ВВС) П. Клостерман — совершил за войну 432 боевых вылета и сбил всего 33 немецких самолета. А Иван Никитич Кожедуб, летая исключительно на советских самолетах, совершив с 1943 г. всего 330 боевых вылетов, сбил 62 немецких самолета. В Королевских воздушных силах

Великобритании всего 3 летчика сбили по 32 самолета и более. А в советских ВВС таких 39. Да и куда занести, скажем, А.Ф. Клубова, который лично сбил 31 самолет, и в групповых боях— еще 19? Или Л.Л. Шестакова, у которого на личном счету «всего» 29 немецких самолетов, и в групповых боях — 45? Даже если всего лишь треть из этих 45 сбита им лично, то и тогда Л.Л. Шестаков, занимающий 52-е место в списке советских асов, как летчик-истребитель превосходит самого лучшего английского аса.

Кроме того, если для британских или американских летчиков очень важно было, летают ли они на самолетах, лучших, чем у немцев, или нет, то для советских летчиков и это не имело определяющего значения для того, чтобы бить немцев.

Историк Андрей Сухоруков очень грамотно расспрашивал советского летчика Н.Г. Голодникова, провоевавшего всю войну во 2-м Гвардейском истребительном авиаполку Северного флота. Этим полком до своей гибели командовал советский ас Б.Ф. Сафонов, и в этом полку Н.Г. Голодников окончил войну командиром эскадрильи, а после войны и после окончания академии он служил на самых разных командных должностях, став к концу своей карьеры генерал-майором. То есть о Голодникове никак не скажешь, что он дилетант в авиации и в воздушных боях.

2-й Гвардейский защищал Мурманск, а туда как раз и приходилась основная часть импортной авиатехники, поэтому Голодников летал практически на всех типах английских и британских истребителей. И Сухоруков расспросил Николая Герасимовича Голодникова о них.

«А.С. По словам одного американского пилота, «кобра» была самолетом «годным для больших, низких и медленных кругов». Более того, если судить по справочникам, то по максимальной скорости «кобра» уступала даже Vf-109F, не говоря уже о более поздних немецких истребителях. Ее союзники и с вооружения сняли потому, что ни с «мессером», ни тем более с «фоккером» на ней драться было невозможно. Не держали ее за истребитель ни американцы, ни англичане.

Н.Г. Ну, не знаю. У нас она себя очень хорошо показала. Покрышкин на ней воевал, это о чем-то говорит? Видимо, все зависело от того, что ты хотел получить. Либо ты «мессеров-фоккером» сбиваешь, либо у тебя «Аллисон» 120 часов вырабатывает. Насчет

скорости «кобры» и «мессера». У меня была «кобра» Q-25 с фотокамерами для разведки. За двигателем стоял плановый АФА-3с и два перспективных АФА-21. Я запросто на ней уходил от группы Vf-109G, правда, со снижением. Может, одиночный «мессер» со мной и потягался бы, но от группы уходил.

А.С. Вот я процитирую вам М.Спика, это очень авторитетный военный авиационный историк: «...Частям ВВС, размещенным на Мальте и в пустынях Северной Африки, приходилось довольствоваться второсортными самолетами. Вначале это были бипланы Глостер «Гладиатор» и потрепанные в боях «Харрикейны I». Затем на вооружение поступили, соответственно в июне 1941 и в апреле 1942 года, истребители Кертисс Р-40 «Томахаук» и «Киттихаук». Признанные непригодными для выполнения своих истребительных функций в Европе, они были направлены в пустыню, где вполне могли противостоять большинству итальянских машин, ХОТЯ И НЕ ВЫДЕРЖИВАЛИ СРАВНЕНИЯ (выделено мной. — А.С.) с немецкими Vf 109E и F. То же самое относится и к истребителю «Харрикейн II С», который, несмотря на более мощный мотор «Мерлин» и исключительно сильное вооружение, состоящее из четырех 20-мм пушек «Испано», также уступал по летным характеристикам лучшим германским самолетам. Лишь в марте 1942 года начали поступать на фронт первые «Спитфайры V», сначала на Мальту, а затем в эскадрильи, расположенные в пустыне. Но к тому времени подразделения люфтваффе приступили к перевооружению на более совершенные машины — мессершмитты Vf 109G...» (цитирую по: М. Спик. «Асы люфтваффе». Смоленск. Русич. 1999. — А.С.) Про «харрикейн» вы все раньше рассказали очень хорошо, тут ваша оценка и М. Спика сходятся, но Р-40? Ведь, по словам М. Спика, «Р-40 — второсортный самолет». На ваш взгляд, почему такая различная оценка этого истребителя?

Н.Г. То, что союзники считают, что на Р-40 вести воздушный бой нецелесообразно и почти невозможно, я узнал еще во время войны. У нас же Р-40 считался вполне приличным истребителем. Когда мы стали эксплуатировать Р-40, то сразу выявили у него два недостатка, которые снижали его ценность как истребителя:

1) Р-40 был «туповат» на разгоне, медленно скорость набирал. Слабая динамика разгона, а отсюда и низковата боевая скорость. Не

успевал он требуемой в бою скорости набрать. Скорость же для истребителя — это главное;

2) слабоват на вертикали, особенно «томахаук».

И то, и другое было следствием недостаточной тяговооруженности. Мы поступили просто. Первый недостаток устранили тем, что стали держать обороты двигателя повыше и летать на повышенных скоростях, не предусмотренных инструкцией по его эксплуатации. Второй — облегчили самолет, сняв пару пулеметов. И все. Истребитель стал «на уровне». Теперь уже все от тебя самого зависело: главное не зевай да ручкой работай поинтенсивней. Правда, надо сказать, двигатели от наших непредусмотренных режимов у него летели: 50 часов работы — это был предел, а часто и меньше. Обычно двигателя хватало часов на 35, потом меняли.

А.С. И все-таки, уж очень серьезное расхождение в оценках получается. Может, все из-за разницы советской и союзнических тактик?

Н.Г. Да нет, тактика тут ни при чем. Основная разница в оценке боевых возможностей Р-40 идет оттого, что мы и союзники совершенно по-разному эксплуатировали самолеты. У них — вот как в инструкции написано, так и эксплуатируй, в сторону от буквы инструкции «ни-ни». У нас же, как я говорил выше, главное правило — взять от машины все, что можно, и еще немного. А вот про сколько его, этого «все», в инструкции не напишут? Об истинных возможностях истребителя часто даже и сам конструктор не догадывается. Это только в бою выясняется. Кстати, все сказанное и к «аэрокобре» относится. Если б мы летали на тех режимах, что американцы в инструкции указали, посбивали бы нас сразу — на «родных» режимах этот истребитель был никакой. А на наших режимах нормально вели бой хоть с «мессером», хоть с «фоккером», но бывало 3–4 таких воздушных боя и все — меняй двигатель!»

Упомянутый выше Майк Спик в своей книге дает коротенькие биографические справки на 260 немецких асов, имевших не менее 60 «побед». В некоторых случаях Спик указывает, когда и где погиб этот ас. Таких в списке 123, из которых 72 сложили головы на Восточном фронте, а 51 — на всех остальных фронтах. Причем в период наибольшего успеха фашистской Германии с 1941 по конец 1943 года на Восточном фронте погибли, пропали без вести или попали в плен

41 немецкий ас, а на всех остальных— 18. А ведь эти 41, словами В. Высоцкого, «если б не насмерть, ходили б тогда тоже в героях», как Хартман. И тот факт, что в решающие годы войны 70 % немецких асов похоронены у нас, никак не свидетельствует, что наши летчики были хуже английских или американских.

Издательство «Восточный фронт» выпустило сборник «Советские асы» анонимного автора. Судя по тексту, автор — поляк. Уж больно нескрываяемо у него презрение к «соколам Сталина». Но и он сквозь зубы вынужден все же писать, к примеру, следующее: «Бой с Me-262^[3] был не самым тяжелым боем за карьеру Кожедуба. Больше всего ему пришлось попотеть в конце лета 1944 года, когда на участке 3-го Прибалтийского фронта вдруг появилась добровольческая группа асов люфтваффе под командованием майора Вильха (130 сбитых самолетов). Эта группа успела так насолить противнику, что для ее нейтрализации в состав 14-й воздушной армии ввели эскадрилью из 176-го ГвИАП под командованием Кожедуба. Прибывшие летчики быстро разобрались с немцами и за несколько дней боев сбили 12 самолетов противника ценой двух Ла-7. Кожедуб, как сообщалось, лично сбил Вильха, хотя кто в действительности стал добычей советского аса точно неизвестно».

Англичане и американцы нещадно бомбили Германию, немцы постоянно маневрировали авиацией, стараясь прикрыть свои города. По их данным, они иногда оставляли на Восточном фронте не более 400 истребителей. И, тем не менее, на Западном и Южном фронтах в первую половину войны они теряли треть своей авиации, а две трети — на Восточном. Это что — оттого, что наши летчики и самолеты были хуже английских? Дурость подобных высказываний подтверждается еще и таким фактом. В начале войны немцам противостояли уже устаревшие бомбардировщики ТБ-3, СБ, штурмовик и разведчик Р-3ет, малоскоростные истребители И-16 и И-153 и, главное, — малоопытные летчики. Через год немцев уже встречали вполне адекватные истребители Як, Ла, ЛаГГ, МиГ. Бомбили их скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2 и штурмовик Ил-2. (О последнем немецкие летчики-истребители говорили, что его сбить все равно, что ежа в задницу укусить. Немецкого аса О. Киттеля (267 побед) успокоил навечно именно Ил-2.)

Штурмовик Ил-2 и его модификация Ил-10 к концу войны стали не только самыми распространенными бомбардировщиками советских ВВС, но и самыми массовыми самолетами войны. По идее, Ил-2 был главной целью немецких истребителей. Тем не менее из каждых трех потерянных штурмовиков два были сбиты огнем немецкой зенитной артиллерии и лишь один приходился на долю немецких асов. А те из наших летчиков-штурмовиков, кто совершил более 75 вылетов на штурмовку (за что полагалось звание Героя) и не погиб, как правило, имеют на своем счету и до 6 сбитых немецких истребителей.

Казалось бы, по этой причине именно в начале войны немецкое командование должно было давать награды за большее количество сбитых советских самолетов, а к концу — за меньшее, поскольку с ходом войны стало труднее сбивать советские самолеты. А на самом деле все наоборот! На Восточном фронте именно в начале войны Дубовые листья к Рыцарскому кресту давались летчику за 40 сбитых самолетов, но уже в 1942 г. — за 100, в 1943 — за 120, а к концу 1943 — за 190. Это как понять?

Интересно также посмотреть, сколько самолетов сбивал один и тот же немецкий летчик, но на разных фронтах. Немецкий ас Вальтер Новотны считался в люфтваффе любимцем. Начал воевать на Восточном фронте и к февралю 1944 г. заполнил анкеты на 255 сбитых советских самолета. В феврале переведен на Западный фронт, да еще и в полк реактивных истребителей. За 8 месяцев не сбил ни одного самолета противника! А 8 ноября навсегда сбили его. Правда, считается, что в этом последнем бою он «поразил» 3 американских бомбардировщика. Но от этого «поразил» веет чем-то «посмертным».

Герман Граф в люфтваффе с 1938 г., но до начала войны с СССР не сбил ни одного польского или английского самолета. Переведен на Восточный фронт в августе 1941 г. и тут до конца 1942 г. «сбивает» наши самолеты пачками, заполнив анкеты на 202 штуки (за 17 месяцев). С января 1943 г. — во Франции, и здесь до конца войны, за 29 месяцев, он сбивает всего лишь 10 самолетов. Почувствуйте разницу Востока и Запада: у нас сбивал более 10 самолетов в месяц, а на Западе — 10 самолетов за 29 месяцев!

Гюнтер Ралль. Начал бои в мае 1940 г. во Франции и сбил на Западном фронте до конца 1941 г. 4 самолета. С конца 1941 г. и до апреля 1944 г. (за 28 месяцев) «сбивает» на Восточном фронте 275

самолетов. С апреля 1944 г. по май 1945 г. на Западном фронте сбивает всего 2 самолета.

Карл Гейнц Вебер на Восточном фронте отчитался в сбитии 136 самолетов, переведен на Западный фронт, там, не сбив ни одного, пропал без вести возле Руана в июне 1944-го.

Генрих Штерр на Восточном фронте «сбил» 127 самолетов, на Западном — 3 и похоронен в ноябре 1944-го.

Вольф Эттель в СССР «сбил» 120 самолетов, на Западе 2 бомбардировщика, после чего его похоронили в июле 1943 года в Сицилии.

Вернер Лукас в СССР «сбил» 100 самолетов, на Западе сумел сбить 1 бомбардировщик и погиб в октябре 1943 года в Голландии.

Фридерик Ваховяк в СССР «сбил» 86 самолетов, переведен на Западный фронт и погиб в июле 1944 года в Нормандии, не сбив ни одного самолета.

Гельмут Мисснер в СССР имел 82 «победы», переведен на Запад, не сбил ни одного и в октябре 1944-го похоронен.

Йоган-Герман Мейер у нас «сбил» 76 самолетов, на Западном фронте никого сбить не сумел, похоронен в марте 1944 года.

Вильгельм Минк в СССР одержал 72 «победы», а на Западе целых 2. Похоронили в Дании в марте 1945 года.

Такое впечатление, что для асов Восточного фронта Западный фронт был чем-то вроде Бермудского треугольника. Легко «сбивая» самолеты в СССР, они оказывались неспособными защитить небо родной Германии, воюя с более слабыми летчиками союзников. В чем тут дело?

Пять пишу, один в уме

По-моему, ответ ясен — с целью пропаганды на Восточном фронте немецким летчикам разрешалось брехать. Причем не на какие-нибудь 10–20 %, а в несколько раз. А чтобы их Дубовые листья с мечами не называли на Западе Салатом с Ложкой и Вилкой, количество «сбитых» самолетов, необходимое для награды на Востоке, все время повышалось как по отношению к сбиваемым самолетам на Западе, так и просто по мере оценки командованием величины брехни.

Коэффициент приписок можно оценить. В середине войны в боях на Кубани наша авиация в воздушных боях от огня наземного противника и по другим причинам потеряла 750 самолетов (из них 296 истребителей). А немецкие асы в это время заполнили анкеты на сбитые ими на Кубани 2280 наших самолетов. Поэтому мы не ошибемся, если цифры «блестящих» побед немецких летчиков на Восточном фронте будем делить на числа от трех до шести, — ведь это и немецкое командование делало, когда их награждало.

Кстати, в далекой Африке с приписками тоже не было проблем. В предисловии к книге М. Спика «Асы люфтваффе» приводится такой пример: «На североафриканском театре военных действий известен случай, когда «звено экспертов» в составе командира эскадрильи 4/JG-27 обер-лейтенанта Фогеля и его ведомых менее чем за месяц в августе 1942 года сбило 65 самолетов противника. Действовали они просто: вылетали четверкой, расстреливали боезапас в песок, а после посадки докладывали о «сбитых» вражеских самолетах. В любой армии мира такие «победы» обернулись бы трибуналом, но в люфтваффе, когда их действия были раскрыты, пилотов всего-навсего разбросали по разным боевым частям, а «победы», утвержденные в Берлине, так и остались на их счету. Таким образом, обыкновенные приписки побед «экспертами-охотниками» выглядели детской забавой».

А на Западе с приписками дело обстояло непросто. Представьте, что упомянутый Рудорффер объявил бы, что он за 17 минут сбил 13 английских самолетов над Берлином, а Геббельс объявил бы об этом по радио. Его бы высмеяли как немцы, так и англичане в радиопередачах на Германию. На Западе прямо приписывать было рискованно, хотя этого риска немецкие летчики и на Западном фронте не боялись. Там поступали по-другому.

Немцы очень точно стимулировали летчиков, летавших на очень тяжелом для них по авиационной опасности Западном фронте. Что тут надо понять. У нас, в СССР и России, в гражданской среде (а возможно, и в военной) неправильно расставлены акценты почета. Непомерно большие куски славы отваливаются летчикам-истребителям. Между тем главная сила авиации, ее основная сила, — это бомбардировщики. Ради бомбардировщиков и существует авиация. И, кстати, именно летчикам-бомбардировщикам требуется самое большое мужество в бою. Во время Великой Отечественной войны на

1943 год средняя живучесть летчика-истребителя была 64 боевых вылета, бомбардировщика — 48, штурмовика — 11 и летчика торпедоносной авиации — 3,8. Поднимаясь в воздух для сопровождения штурмовика Ил-2, летчик-истребитель имел шансов вернуться из боя в 6 раз больше, чем сопровождаемый им летчик-штурмовик, а о торпедоносцах и говорить не приходится.

(Очевидец мне как-то рассказывал, что из 200 человек выпуска одной из школ бортовых авиационных стрелков, летавших на бомбардировщиках, с войны вернулся всего один стрелок, и тот без ног. Даже по мнению летчиков, профессия бортового стрелка была самой опасной профессией на войне. Андрей Сухоруков в ходе интервью с летчиком-бомбардировщиком Т.П. Пуневым спросил его о потерях экипажа. Пунев летал на Пе-2, там задачи бортовых стрелков исполняют штурман и радист. На Пе-2 Пунев сделал 43 успешных боевых вылета и 9 «возвратов» — вылетов без удара по цели. В ходе этих вылетов он потерял ранеными двух штурманов и двух радистов.)

А у нас у всех на слуху летчики-истребители, только среди них есть трижды Герои Советского Союза. У немцев все было наоборот. Самым почетным летчиком фашистской Германии был пилот пикирующего бомбардировщика Ju-87 Ганс Рудель. Через 9 месяцев после того, как ему выдали все награды рейха, лично для него Дубовые листья к Рыцарскому кресту были исполнены в золотом варианте. Такой награды не имел больше никто.

Немецкие генералы прекрасно понимали, что главная задача истребителей — не сбитие самолетов как таковое. Их главная задача — дать точно отбомбиться своим бомбардировщикам и не дать вражеским бомбардировщикам точно отбомбиться по своим целям. Да, конечно, если истребитель сбил вражеский бомбардировщик на подходе к цели, то он выполнил задачу очень чисто. Но если просто не дал бомбардировщикам точно сбросить на цель бомбы и пусть при этом не сбил ни единого — то тоже выполнил задачу. А вот если погнался за истребителем сопровождения и сбил его, а бомбардировщики в это время, точно отбомбившись, уничтожили завод по производству бензина, железнодорожную станцию, забитую войсками, и т. д., то истребитель не выполнил своей задачи, даже записав на личный счет еще один сбитый самолет.

Таким образом, личный счет сбитых самолетов стимулирует выполнение главной задачи истребительной авиации лишь отчасти, а иногда, как вы увидите дальше, просто препятствует ее исполнению. Ведь даже в воспоминаниях наших летчиков описываются случаи, когда истребитель, бросив атаковать бомбящие немецкие самолеты, гнался за легкой добычей — подбитым самолетом, чтобы записать его себе в счет. И немцы, упростив личным счетом подсчет заслуг летчиков, вели сложный подсчет отличий летчика-истребителя для представления его к награде. Для получения Рыцарского креста, к примеру, летчик должен был не сбить 40 самолетов, а одержать 40 «побед», фактически — набрать 40 баллов. А антисоветская пропаганда переделала баллы в самолеты.

Эти баллы начислялись так: за сбитие одномоторного самолета — 1 балл; двухмоторного — 2; четырехмоторного — 3 балла. Как видите, немцы стимулировали уничтожение, прежде всего, бомбардировщиков. Но...

В строю английских или американских бомбардировщиков, состоящем из сотен машин, можно было, конечно, сбить несколько крайних. Но остальные все равно точно сбросили бы бомбы на цель. А можно было ворваться в строй и, не утруждая себя надежным поражением, поджечь хотя бы по одному мотору у как можно большего количества машин. Эти самолеты начнут отставать, начнут сбрасывать бомбы, облегчая себя, строй развалится и точного бомбометания не получится.

Поэтому за поврежденный двухмоторный самолет немецкому летчику-истребителю полагался 1 балл, а за четырехмоторный — 2 балла. Кстати, за уничтожение уже поврежденного четырехмоторного самолета давался всего 1 балл, то есть вдвое меньше, чем за его повреждение. В сумме — 3 балла, как и полагается за этот тип самолета, сам же сбитый самолет записывался на лицевой счет кому-нибудь одному.

Рассматривая биографии летчиков-истребителей Западного фронта, можно оценить количество сбитых самолетов в количестве «побед». Я уже писал, что для награждения Рыцарским крестом требовалось 40 «побед». А упомянутые мной выше летчики Западного фронта Х. Лент и Г. Ябс получили эти кресты, сбив 16 и 19 самолетов. Это действительно самолеты, а не баллы, поскольку в биографиях

даны их марки. Скажем, Х. Лент со 2 сентября до награждения Рыцарским крестом сбил 2 польских самолета (истребитель PZPP.11 и бомбардировщик «Лось»), затем 2 английских «Веллингтона», 2 норвежских истребителя «Gloster Gladiator», летающую лодку «Sunderland», двух «Гладиаторов», затем еще 2 «Веллингтона» и еще 5 самолетов, о которых известно, что 2 были четырехмоторными бомбардировщиками «Стирлинг». То есть 40 баллов или 40 «побед» реально означали 16–19 сбитых самолета. Отсюда, для того чтобы узнать, сколько же самолетов реально сбили немецкие асы на Западном фронте, нужно число их «побед» делить на 2–2,5.

Но Лент получил бриллианты к Рыцарскому кресту за 100 «побед», а лучший ас «всех времен и народов», воевавший на Восточном фронте, Э. Хартман — за 300 заполненных анкет. Между этими цифрами коэффициент — 3. Поэтому, чтобы оценить реальное число самолетов, сбитых Э. Хартманом, его 352 анкеты следует разделить на 3 и на 2–2,5, то есть на 6–7,5. Поскольку все же наши бомбардировщики в подавляющем большинстве были не четырех-, а двухмоторными, то остановимся на коэффициенте 6. Получится, что реально Э. Хартман сбил около 60 наших самолетов.

Это хотя и много, но, конечно, обидная для наших «демократов» оценка заслуг этого аса. Поэтому попробуем найти ей другое подтверждение.

Э. Хартман (352 «победы»), Г. Баркхорн (301), Г. Ралль (275), Г.Граф (212), Х. Линнерт (203) служили в одной авиаэскадре JG 52, в которой по штату было около 100 самолетов.

В битве над Прутом эта эскадра нанесла потери нашим авиационным соединениям, и тогда для ее усмирения была переброшена 9-я гвардейская авиадивизия А.И. Покрышкина (тоже около 100 самолетов). После этих боев Х. Линнерт жаловался, «что никогда раньше не сталкивался с таким сильным и требовательным противником». Был сбит второй ас этой эскадры Г. Баркхорн (301 победа).

Выше я уже упоминал, как эскадрилья И.Н. Кожедуба разобралась с эскадрилей немецких асов с соотношением потерь 6:1 в нашу пользу.

Так вот что характерно. Немцы знали о полках и соединениях наших асов, но никогда не посылали своих асов «разобраться» с

нашими. Более того, широко известен немецкий сигнал «Внимание! В воздухе Покрышкин!», предупреждавший своих летчиков о появлении в воздухе истребителя с цифрой «100» на борту и о необходимости побыстрее убраться из этого района. Да, наших новичков немецкие асы били охотно, но вступать в бой с нашими асами не спешили. А ведь у Покрышкина в списке «всего» 59 сбитых самолета, а не 352, как у Хартмана.

Кстати, о сбитиях. Покрышкина сбивали всего лишь 2 раза в самом начале войны. Кожедуба в первых боях подбили. И все. А Хартмана сбивали 4 раза, причем даже брали в плен, но он, хитрец, притворившись раненым, сбежал. Баркхорна — 9 раз, Г. Берра (221 победа) — 18 раз, Рудорффера из Книги рекордов Гиннеса — 18 раз. (Я уже не помню, где читал, но один из двух последних имел в люфтваффе кличку «парашютист».) Можно сказать, что немцев сбивали больше потому, что они провели больше боев. Не похоже. У Баркхорна одно сбитие приходится примерно на 123 боя, у Рудорффера — одно на 17 боев. А у Кожедуба ни одного за все его 120 боев. У Хартмана один прыжок с парашютом на 200 боев, но все равно — как его сравнить с отсутствием прыжков у Кожедуба?

Вот в предисловии к книге о Хартмане ошалевший от света западной правды переводчик пишет: «И еще вспомните то нескрываемое раздражение, которое сквозит в мемуарах наших летчиков по поводу тактики немецких асов. Свободная охота! И никак ему бой не навяжешь! Такая беспомощность, очевидно, оттого, что Як-3 был лучшим истребителем в мире. Недостатки наших лучших истребителей показали и авторы российского фильма «Истребители Восточного фронта», недавно прошедшего на экранах. О предельном потолке в 3–3,5 км для наших истребителей пишет во всех своих книгах А. Яковлев, выдавая это за большой плюс. Но только после просмотра фильма я вспомнил постоянно мелькающую строчку воспоминаний самого Хартмана. «Мы подходили к району боя на высоте 5,5–6 км». Вот! То есть немцы в принципе получали право первого удара. Прямо на земле! Это определялось характеристиками самолетов и порочной советской тактикой. Какова цена такого преимущества, догадаться нетрудно». На ссылку переводчика на Яковлева не обращайтесь внимания — это переводчик не сумел понять, о чем писал авиаконструктор. На самом деле все истребители Яковлева

имели потолок выше 10 км, но в ту войну мы воевали не с Богом, а с немцами, и делать на такой высоте нашим летчикам было абсолютно нечего. Второй ас фашистской Германии Герхард Баркхорн, видимо, не успев посмотреть по российскому телевидению фильм «Истребители Восточного фронта», пишет: «Я сражался против всех типов советских самолетов, и в том числе полученных русскими по ленд-лизу. Лучшим истребителем считаю Як-9... В начале войны русские были неосмотрительными в воздухе, действовали скованно, и я их легко сбивал неожиданными атаками, но все же нужно признать, что они были намного лучше, чем пилоты других европейских стран, с которыми нам приходилось сражаться. В процессе войны русские пилоты становились все более умелыми воздушными бойцами. Приведу пример. Однажды, в 1943 году, так получилось, что мне пришлось на «Ме-109-г» сражаться с одним русским на ЛаГГ-3. Кок его машины был выкрашен в красный цвет. Это был летчик из гвардейского полка. Это мы знали по данным нашей разведки. Бой продолжался около 40 минут, и я не мог его одолеть. Мы вытворяли на своих машинах все, что только знали и могли, и все же были вынуждены разойтись. Да, это был настоящий мастер!» (Из книги Р. Толивера и Т. Констейбла «Хорридо», вышедшей в США в 1976 году, с 136).

Баркхорн, как видите, хотя бы попробовал сражаться с советским летчиком, а Хартманн и не пытался — сидел на своих 6 км высоты как гриф-стервятник и наблюдал сверху, как мужчины воюют.

Вот эти обстоятельства — то, что немецкие асы не стремились к боям с нашими асами, и то, что, даже имея инициативу в бою с нашими рядовыми летчиками, они были нещадно биты, — являются косвенным подтверждением того, что их объявленные победы следует уменьшить в 6–7 раз, чтобы получить число реально сбитых ими самолетов.

Как видите, в статистике немецких «побед» очень много откровенной пропагандистской брехни и разумнее всего поставить на ней крест. Рыцарский. С Дубовыми Листьями, Мечами и Бриллиантами.

Американский акцент геббельсовщины

Заканчивая тему главы, надо остановиться и на учителях Гитлера — на извращениях англосаксонской антисоветской пропаганды. Майк Спик в области истории авиации мира считается «серьезным исследователем», но посмотрите, что он творит с опубликованным в своей книге списком лучших немецких асов. По идее, он «честно» внес в этот список всех, у кого число побед было более 60, и «честно» указал тех, кто был убит или взят в плен в ходе войны. Но у меня есть данные по 54-й истребительной авиаэскадре немцев, и из них видно, что Спику стало обидно от того, что подавляющее большинство немецких асов окончили свою карьеру (в лучшем случае) на Восточном фронте, посему Спик как может маскирует это обстоятельство.

К примеру. В его списке нет гауптмана Фрица Эккерле (61 победа), которого 14 февраля 1942 года успокоил старший лейтенант Кузнецов. Нет унтер-офицера Хайнца Бартлинга (67 побед), которого 12 марта 1942 года загнал в землю старший лейтенант Голубев, нет обер-лейтенанта Хаакона фон Бюлова (61 победа), которого 6 мая 1942 года утопил в Ладожском озере тот же Голубев, нет оберфельдфебеля Герхарда Беютина (60 побед), сбитого 19 января 1943 года группой летчиков 3-го ГИАП, лейтенанта Карла Фукса (67 побед), сбитого летчиком Мануилиным 10 октября 1943 года. То есть только с поправками по 54-й эскадре список асов Спика должен был бы состоять не из 230, а из 235 летчиков. Само собой, нет и упомянутого выше майора Вильха (130 побед), которого отправил на тот свет И. Кожедуб.

Часть немецких асов, чтобы только не упоминать, где они погибли или пленены, оставлена Спиком в числе живых на конец войны, к примеру, обер-лейтенант Ганс Бейссвенгер (152 победы), которого сбил подполковник Попов 17 марта 1942 года, или майор Рейнхард Зейлер (109 побед), которого вместе с ведомым сбילה пара капитана Харченко и лейтенанта Сморчкова 5 июля 1943 года.

Ну а часть сбитых на Восточном фронте немецких асов Спик нагло записывает за американскими и английскими летчиками и за кем угодно, но только не за русскими. Лейтенанта Хорста Ханнинга (98 побед), сбитого старшим лейтенантом Давыдовым 1 мая 1943 года западнее Старой Руссы, числит сбитым в каком-то Кане, а не на Восточном фронте. Обер-лейтенант Герхард Лооз (92 победы) 6 марта

1944 года был сбит майором Голубевым над Финским заливом, а числится у Спика сбитым стрелками американских бомбардировщиков под Ольденбургом. А обер-лейтенант Цвайгард (69 побед), сбитый в июне 1944 года летчиками 927-го ИАП, числится погибшим в Нормандии. Это с каких пор Нормандия стала районом Псковской области? 19 июня 1944 года старший лейтенант Потемкин сбил лейтенанта Хельмута Гроллмуса (75 побед) при попытке немцев атаковать корабли Балтийского флота, а Спик пишет, что Гроллмус погиб в Финляндии. Он что — против финнов воевал? И т. д. и т. п.

В результате после соответствующей корректировки «списка асов Спика» получается, что из 236 немецких асов, имевших свыше 60 «побед», минимум 87 асов погибли или пленены на Восточном фронте, а 46 частично погибли и на Западном.

И чтобы закончить тему с американцами, давайте забежим вперед и рассмотрим работу американской пропаганды во время войны в Корее, поскольку по примеру Гитлера и Геббельса пропаганда США точно так же брешет и извращает итоги боев в Корее в 1951–1953 гг., где наши летчики напрямую встретились в бою с самыми «цивилизованными» летчиками самой «цивилизованной» страны.

Сегодня без тени смущения американцы пишут («Энциклопедия авиации», Нью-Йорк, 1977 г.), что их летчиками во время войны в Корее было сбито 2300 «коммунистических» самолетов, а потери американцев и их союзников составили всего 114 самолетов. Соотношение 20:1. Наши «демократы» этот бред радостно повторяют — разве могут «цивилизованные» американцы врать? (Хотя остальным пора бы уже привыкнуть к мысли, что если «цивилизованные» что и могут хорошо, так это брехать.)

Но врать нужно всем одновременно, а это технически невозможно. И поэтому, когда своими успехами начинают хвастаться другие службы США, то правда время от времени появляется в документах самих американцев. Так, служба спасения 5-й американской воздушной армии, воевавшей в Корее, сообщает, что ей с территории Северной Кореи удалось выхватить более 1000 человек летного состава американских ВВС. А ведь это только тех, кто не погиб в воздушном бою и кого не успели пленить северные корейцы, которые, кстати, захватывали в плен не только летчиков, но и группы

самих спасателей вместе с их вертолетами. Это что, со 114 самолетов столько летного состава напало?

С другой стороны, убыль самолетов за Корейскую войну составила у американцев 4000 единиц по их же данным 50-х годов. Куда они делись?

Наши летчики летали в узкой полоске Северной Кореи, ограниченной морем, и им засчитывали только те сбитые самолеты, которые падали на эту полоску. Упавшие в море и даже подтвержденные самими американцами — не засчитывались.

Вот пример из сборника «Воздушная война в Корее», Полиграф, Воронеж, 1997 г.: «... К охраняемому объекту 913-й ИАП подошел, когда бой был уже в разгаре. Федорец услышал по радио призыв: «Помогите, меня подбили... помогите!» Окинув пространство взглядом, Семен Алексеевич увидел дымящийся «МиГ», которого преследовал, не переставая бить по нему в упор, «Сейбр». Федорец развернул свой истребитель и пошел в атаку на увлеченного охотой противника. С дистанции 100–300 м советский летчик ударил по американцу, и тот вошел в свое последнее пике.

Однако, придя на выручку попавшему в беду коллеге, Федорец оторвался от ведомого и ведомой пары и потерял их из виду. Одинокий «МиГ» — заманчивая цель. Этим не преминули воспользоваться американцы.

Четверка «Сейбров», ведомая капитаном Макконнеллом, тут же атаковала самолет Федорца.

Семен Алексеевич только оторвался от прицела, сбив назойливого «Сейбра», как по кабине хлестанула очередь. Вдребезги разлетелось остекление фонаря и приборная доска, однако сам самолет остался послушен рулям. Да, это был удар аса! Так обычно повергал противника капитан Макконнелл, но и мастерство советского летчика было не хуже. Он тут же среагировал на удар и резко бросил самолет вправо на атакующий «Сейбр». F-86 Макконнелла проскочил «МиГ» и оказался впереди и слева. Американский ас, по-видимому, несколько успокоился, наблюдая, как задергался советский истребитель. Это была нормальная реакция «обезглавленного» (т. е. с убитым летчиком) самолета. Когда же МиГ-15, находясь сзади, стал выворачивать в сторону «Сейбра», Макконнелл удивился, стал выпускать закрылки и щитки, гася скорость и пытаясь пропустить противника вперед. Но

было уже поздно — Федорец навскидку ударил (а удар у МиГ-15 хороший!) по американцу. Очередь пришлась по правой консоли, ближе к фюзеляжу, вырвав из крыла кусок в добрый квадратный метр! «Сейбр» кувырнулся вправо и пошел к земле.

Опытному Макконнеллу удалось-таки дотянуть до залива и там катапультироваться.

А на подбитый «МиГ» тут же накинулись оставшиеся F-86. В результате этой атаки были перебиты тяги управления, и советскому летчику пришлось катапультироваться.

Так закончился этот драматический поединок двух асов в небе Кореи.

Это была 5-я и 6-я победы Федорца, а у капитана Макконнелла — 8-я. Правда, из-за того, что самолет американского аса упал в море, а пленка фотоконтроля сгорела вместе с «МиГом», победу Семену Алексеевичу не зачли как неподтвержденную».

Вот обратите внимание, американскому асу зачли как сбитый самолет Федорца, хоть он его и не сбил, сбили ведь другие — им, наверное, тоже записали по самолету. А Федорцу не зачли и то, что сбил, — обломки утонули.

Тем не менее, даже при таком скупом счете итоги таковы. Советские летчики провели 1872 воздушных боя, в ходе которых 1106 американских самолетов упали на территорию Северной Кореи.

Это официально, по рассекреченным данным Генштаба ВС России. (По данным командовавшего нашей авиацией генерал-лейтенанта Г.А. Лобова, было сбито 2500 самолетов.) Наши боевые потери составили 335 самолетов и еще 10 небоевых. Соотношение 3:1 в пользу советских летчиков, а по реактивной технике 2:1 в нашу пользу. Лучший ас Америки сбил 16 наших самолетов (капитан Д. Макконнелл), а лучший советский ас Корейской войны — 23 американских самолета (капитан Сутягин Н.В.). Соответственно у американцев 40 человек сбilo более 5 наших самолетов, а у нас 51 человек сбил более 5 американских.

Итак, потери советских ВВС были 335 самолетов, и еще Китая и Кореи — 231. (Корейские и китайские летчики, кстати, сбили 271 американский самолет.) Итого 566 самолетов. А американские летчики, как уже указывалось, записали себе на лицевые счета 2300 сбитых «коммунистических» самолетов. То есть лицевые счета

американских асов тоже следует для порядка в статистике сократить в 4 раза. Все же в лицевые счета асов надо записывать те самолеты, которые они сбивали, а не сфотографировали кинофотопулеметом.

Вся статистика воздушных боев у наших противников является пропагандистской брехней и к реальности отношения не имеет.

В реальности наши летчики были и гораздо профессиональнее, и гораздо мужественнее и немецких, и американских. Если их, необученных и малоопытных, не успевали сбить в первых же боях. Для военного успеха и сегодня дух наших отцов и дедов надо сохранить обязательно. А в остальном, если нам это подходит, то нужно перенимать лучшее, что нашли в военном деле наши противники. Тем более что это лучшее было на нас же и испытано.

* * *

Итак, даже беглый взгляд на «достижения» немецких летчиков во Второй мировой войне показывает, что эти достижения не более чем брехня и продукт немецкой пропаганды. Западные историки уже давно бы с ними разобрались и высмеяли, но с 1946 года началась «холодная война» с СССР, и антисоветская пропаганда Геббельса потребовалась и Западу. Цель этой пропаганды очевидна: воодушевить летчиков Запада (немцы сбивали русских сотнями) и подорвать боевой дух тогда советских, ныне — российских летчиков.

Глава 6

БРЕХНЯ ТУПОГО «РЫЦАРЯ РЕЙХА»

В заголовке этой главы нет ни малейшего намека на кавычки — речь действительно пойдет об очень тупом, но при этом действительно очень храбром рыцаре Германии, в связи с чем он заслуживает безусловного уважения, — о Гансе-Ульрихе Руделе. Жаль, конечно, что этот сукин сын в начале войны не встретился в воздухе с 85-мм зенитным снарядом, да и как человек он малосимпатичен, но есть какая-то справедливость в том, что боги войны оставили этого образцового немецкого солдата в живых.

Итак, краткая ориентировка на Руделя, которая сегодня смакуется всеми «демократическими» историками, поскольку они по определению с трепетом относятся ко всей немецкой брехне.

«Rudel Hans-Ulrich. Oberst. StG2. Всего выполнил 2530 боевых вылетов. Уничтожил 519 танков, свыше 800 автомобилей различных типов, 50 позиций артиллерийских батарей, 4 бронепоезда. Он потопил линкор «Марат», лидер «Минск», эсминец «Стерегущий» и около 70 различных десантных судов. Сбил 9 советских самолетов — 7 истребителей и 2 Ил-2. Сам был сбит зенитным огнем свыше 30 раз, но ни разу истребителями, пять раз был ранен. Шесть раз совершал посадку за линией фронта, чтобы вывезти сбитые экипажи».

Однако, прежде чем заняться Руделем, я должен пояснить читателям, что сегодня у нас появилась проблема, откуда не ждали.

Переводчики, на фиг

Во время перестройки в СССР был поднят шум, что тоталитарный режим угнетает-де истинные таланты, и когда придет свобода, то эти таланты расцветут. Свобода пришла — в прессе, журналистике и в издательском деле свободные таланты действительно расцвели и теперь уже не знаешь, что и делать.

Рудель написал воспоминания, которые у нас больше известны под названием «Пилот «Штуки» («Штука» — немецкий пикирующий

бомбардировщик Ю-87). По этим воспоминаниям мне необходимо исполнить портрет Руделя, но вот в чем вопрос. У меня три русских текста мемуаров Руделя и, как я написал выше, у нас есть проблема, которой не было в тоталитарном СССР, — я не уверен, что в этих переводах дано то, о чем писал Рудель.

Один перевод выполнил Л.А. Игоревский из издательства «Центрополиграф». Второй перевод воспоминаний Руделя, из тех, которым я пользовался, выполнен М.В. Зефиром в статье о Руделе в книге «Штурмовая авиация люфтваффе». Этот перевод достоин вышеупомянутого, но о самом М.В. Зефирове я буду говорить ниже. И третий перевод текста «Пилот «Штуки» мне вынули из Интернета. Его автор — Е. Ковалев.

Вот посмотрите, что сделали наши доблестные умельцы с одним и тем же эпизодом воспоминаний Руделя. В версии «Центрополиграфа» он звучит так.

«По телефону мы договариваемся с истребительной эскадрильей встретиться в определенное время в 45 километрах от цели на высоте 2,5 километра выше заметного поворота Днестра. Но очевидно, в Одессе возникли какие-то трудности. Мой эскорт на место встречи не явился. Поскольку наша цель была ясно видна, мы, естественно, атаковали. В моей эскадрилье появилось несколько новых экипажей. Их мастерство было не так высоко, как требовалось. Лучший человеческий потенциал уже давно воевал на фронте, к тому же для учебных целей сейчас выдавали очень ограниченное число литров бензина на человека. Думаю, если бы меня готовили в подобных условиях, моя подготовка была бы не лучше новичков. Мы находились еще в 20 километрах от нашей цели, когда я предупредил: «Вражеские истребители». К нам приближалось более 20 советских самолетов «Ла». Бомбы на борту снижали нашу маневренность. Мы перестраиваемся в оборонительный круг, поскольку легче всего сбить замыкающий самолет. Несмотря на бой, этот круг медленно перемещается к нашей цели. Отдельных русских, которые пытаются идти на меня в лобовую атаку, я разочаровываю исключительно мобильной тактикой: при близком сближении в последний момент ухожу вниз, чтобы потом уйти в набор высоты. Если новые экипажи сегодня выберутся из этой заварухи, они смогут многому научиться.

— Приготовьтесь к атаке. Все вместе. Ближе друг к другу — атака!

И я перехожу в атаку на мост. Пикируя, я вижу вспышки зенитных орудий. Мимо моего самолета летят снаряды. Хеншель говорит, что небо напоминает массу ваты, — так ему представляются облака разрывов. Наш строй нарушается, что делает его более уязвимым для истребителей. Я предупреждаю следующих за мной:

— Продолжайте полет, догоняйте, нам так же трудно, как и вам.

Ни одного бранного слова с моего языка. Я поворачиваю назад и пикирую с высоты 400 метров, так что моя бомба падает совсем рядом с мостом. По всей видимости, дует сильный ветер.

— Ветер с правого борта, внесите поправку направо.

Прямое попадание нашего третьего номера уничтожает мост. Делая круг, я определяю местоположение все еще ведущих огонь зенитных орудий и отдаю приказ атаковать их».

Все бы ничего, но Рудель не мог написать, что он пикировал с высоты 400 м, потому что на этой высоте не начинают пикировать, а уже выходят из пике. Даже с выпущенными воздушными тормозами скорость Ю-87 в пикировании — 420 км/час, или 116 м/сек. Начав пикировать с высоты 400 м, Рудель не то что прицелиться, он и глазом не успеет моргнуть, как через менее чем 3,5 секунды его самолет будет торчать из земли. Ввиду этой глупости беру перевод Зефинова. У того этот эпизод изложен так:

«По телефону мы договариваемся, что встретимся на высоте 2500 метров приблизительно в 50 км перед целью.

Однако в Одессе, вероятно, возникли какие-то трудности, и к назначенному времени истребители не появляются.

Цель нам ясна, и, само собой разумеется, мы продолжаем полет. При этом в составе моей группы летят несколько новых экипажей. Качество их подготовки уже не такое хорошее, как было раньше. Нехватка горючего заставляет сильно сокращать время их обучения.

До цели остается 20 километров, когда появляются советские истребители. Нас атакуют свыше 20 Ла-5, но мы продолжаем лететь вперед. Когда сзади ко мне в хвост заходит очередной русский истребитель, я жду, а затем в последний момент резко ухожу вниз или в сторону. Сегодня новички научатся многому!

Я передаю: «Приготовиться к атаке!» «Атака!» — и пикирую на мост. Я вижу, как на земле вспыхивает множество огней, это стреляют зенитки. От разрывов снарядов небо вокруг как будто покрывается клочками ваты. Проклятье! Дистанция между самолетами, пока мы отбивались от истребителей, увеличилась, и я передаю отставшим, чтобы они подтянулись.

Я вижу, что моя бомба падает в 400 метрах справа от моста. Ветер! Я передаю всем: «Ветер слева, ветер дует слева!» И бомба, сброшенная с третьего самолета, прямым попаданием уничтожает мост. Я отдаю приказ остальным машинам атаковать позиции зенитных батарей».

Выясняется, что если в тоталитарном СССР переводчики переводили на русский только слова, то демократия их продвинула далеко вперед — теперь они переводят на русский и цифры: у одного расстояние до цели было 45 км, у второго. — 50. «Центрополиграф» утверждает, что советские истребители шли на Руделя в лоб, а «Издательство АСТ» — что в хвост. У «Центрополиграфа» ветер дует справа, а у АСТ — слева, и вообще это не Рудель начал пикировать с высоты 400 м, это бомбы упали в 400 м от цели. Снайпер, блин!

Начинаю жалеть, что по-немецки ничего, кроме «хенде хох», не знаю. Но у меня же еще есть в запасе перевод из Интернета. Там этот эпизод звучит так.

«Мы договариваемся по телефону о randevу в определенное время в 45 км от цели на высоте 5000 метров, прямо над приметной излучиной Днестра. Но, скорее всего, в Одессе возникают какие-то трудности. В точке встречи эскорта нет. Цель обозначена ясно, поэтому мы, естественно, решаем продолжать полет. В моей эскадрилье несколько новых экипажей. Качество их подготовки не такое высокое, как раньше. По-настоящему хорошие летчики к тому времени уже давно находятся на фронте, горючее для тренировочных полетов строго рационировано и составляет определенное количество литров на каждого человека. Я твердо верю, что если бы я сам был ограничен таким малым количеством, то не смог бы летать лучше, чем эти молодые пилоты. Мы все еще находимся в тридцати километрах от нашей цели, когда я предупреждаю: «Вражеские истребители». К нам приближается более двадцати советских Ла-5. Наш груз бомб затрудняет маневрирование. Я летаю оборонительными кругами,

чтобы в любой момент можно было зайти в хвост истребителям, поскольку они намереваются сбить мой замыкающий самолет. Несмотря на воздушный бой, я постепенно приближаюсь к цели. Отдельных русских, которые пытаются сбить меня, заходя спереди, я разочаровываю своей мобильной тактикой, затем в последний момент я пикирую через самую их гущу и начинаю карабкаться вверх. Если молодые экипажи смогут продержаться до конца сегодняшнего дня, они многому смогут научиться.

«Приготовиться к атаке — сомкнуть строй — атака!»

И я пикирую на мост. Во время пикирования я вижу вспышки зенитных орудий, защищающих мост. Снаряды с визгом проносятся мимо моего самолета. Хеншель говорит, что небо как будто покрыто клочками шерсти, так он называет разрывы зенитных снарядов. Наш строй теряет свою монолитность и разваливается, это делает нас более уязвимыми для атаки истребителей. Я предупреждаю тех, кто ковыляет позади:

«Скорее догоняйте, мы боимся не меньше вашего».

Ни одного ругательства не срывается с моего языка. Я закладываю вираж и с высоты 300 метров вижу, как моя бомба взрывается рядом с мостом. Значит, дует ветер.

«Ветер слева, поправка влево».

Прямое попадание бомбы с нашего третьего по счету самолета уничтожает мост. Кружась вокруг, я обнаруживаю позиции зенитных батарей и отдаю приказ атаковать их».

Расстояние до цели опять сократилось до 45 км, но зато высота полета увеличилась вдвое: если у первых двух переводчиков она 2,5 км, то у Ковалева — 5 км, видать, он переводит не просто на русский, а сразу на новый русский... Ковалев, если самолеты летят по кругу, то какой из этих самолетов будет замыкающим и замыкающим чего? Круга? Полный суверенитет языка от мозгов!

Ветер, правда, по-прежнему дует слева, но зато пропали 400 метров, вместо них появились 300 метров, с которых Рудель оценивает точность своего бомбометания.

А Рудель, видишь ли, писал, старался. Получи от наших переводчиков, фашистский гад, за то, что бомбил Сталинград! Трое умельцев взялись переводить текст Руделя и добились приличного успеха — перевели. На фиг!

Редакторы от них не отставали. Рудель пишет, что их атаковали советские истребители И-16 и, демонстрируя свою осведомленность, указывает, что эти истребители еще с войны в Испании носят кличку «Рата». Редактору «Центрополиграфа» Л. Глебовской это почему-то не понравилось, и в изделии этой фирмы написано: «Единственным самолетом, которым располагали Советы, был И-15 — «Рата» много хуже нашего «Ме-109»». Тетя! Ну чего вы суетесь не в свое дело? «Рата» — это И-16, а И-15 задолго до войны был снят с вооружения истребительной авиации Красной Армии.

По версии «Центрополиграфа», Рудель вспоминал о своей учебе следующее: «Я бросаю бомбы так, что они отклоняются от цели не больше чем на десять метров. При стрельбе из бортового оружия получаю девяносто очков из возможных ста». А. Зефиров (правда, от себя) пишет: «Из 100 бомб, сбрасываемых им, 90 попадали точно в десятиметровый круг мишени». И так далее, так далее, так далее.

Поэтому мне из этих переводов воспоминаний Руделя придется извлекать только то, что наиболее достоверно. Скажем, в трех приведенных вариантах одного и того же эпизода достоверным является то, что Рудель пытался разбомбить мост, но у него бомбы ветром снесло. В какую сторону снесло, и с какой высоты он бомбил — это, спасибо переводчикам, выяснить невозможно.

Меня могут упрекнуть, что я не совсем вежливо в данной главке отозвался о переводчиках и редакторах. Видите ли, я обменял их изделия в книжном магазине на настоящие деньги и имел право получить за эти деньги книгу, а не крашенные в типографии листки бумаги, сшитые вместе. Как еще я должен о них отозваться?

Щенячий восторг

Итак, немецкие ветераны и любят брехать, и просто обязаны брехать, а на брехню тех, кого героем сделал Геббельс, накладывается еще и брехня боевой немецкой пропаганды. Рудель именно такой герой, как же можно ему слепо верить?

А вот упомянутый мною Зефиров мало того, что слепо верит любой брехне Руделя, так еще и пытается своим читателям эту брехню обосновать и приукрасить, невзирая на то, что порою сам же ее и

опровергает. К примеру. Оба остальных переводчика уверяют, что бомбы Руделя во время учебы не отклонялись от цели далее 10 м, т. е. падали в круг диаметром 20 м. А Зефилов, как вы видели выше, уверяет читателей, что Рудель попадал в круг 10 м. Ну хорошо, убедил Зефилов нас, что Рудель был исключительно метким, но тогда зачем же самому писать, что при бомбежке реального моста бомбы Руделя упали в 400 метрах от цели?

Немецкая пропаганда, делая из Руделя героя, приписала ему потопление нескольких советских кораблей, которые на самом деле были потоплены другими немецкими летчиками. Рудель с этими приписками согласился, но дело стало щекотливым — если он в мемуарах прямо скажет об этом, т. е. назовет названия и класс кораблей, то оставшиеся в живых ветераны в глаза назовут его подлым брехуном. И Рудель в воспоминаниях выкручивается — он делает намеки на то, что он, типа вместе с другими, потопил еще некие советские крейсера, но не сообщает ни их названия, ни даты подвига. Услужливый Зефилов взялся это дело исправить.

Он пишет: «21 сентября Руделю удалось прямым попаданием потопить эсминец «Стерегущий»». Да, действительно, эсминец «Стерегущий» был потоплен 21 сентября 1941 года, но не прямым попаданием бомбы Руделя. Эсминец вел обстрел немецких войск, когда его атаковали 15 немецких бомбардировщиков, одна бомба попала в район кормового зенитного орудия, но она не нанесла «Стерегущему» повреждений, от которых корабль бы утонул. Однако несколько бомб упали у борта, разрушив его в носовой и средней частях, через пробоины начала поступать вода. Уцелела одна машина, и экипаж попробовал с ее помощью выбросить эсминец на мель, но корабль не успел дойти до нее и через 15 минут, опрокинувшись, лег на грунт. При чем тут Рудель с его «прямым попаданием»?

Сам Рудель об этом периоде пишет так: «21 сентября на наш аэродром прибывают тонные бомбы. На следующее утро разведка сообщает, что «Марат» стоит у причала Кронштадтской гавани. Очевидно, они устраняют повреждения, полученные во время нашей атаки 16-го числа. Вот оно! Пришел день, когда я докажу свою способность летать!»

Из этих его слов следует, что, во-первых, 21 сентября, в день, когда погиб «Стерегущий», у Руделя не было никаких более

значительных событий, кроме прибытия 1000-килограммовых бомб, во-вторых, и на 22 сентября у Руделя не было не только никаких мало-мальски значимых побед, но он еще и не доказал эскадрилье, что умеет просто летать. Спросите себя, что толкает Зефирова из шкуры вылазить, чтобы убедить своих читателей, что у Руделя настоящие, а не липовые победы?

Зефинову, однако, «Стерегающего» мало, ему хочется подтвердить абсолютно все победы Руделя, выдуманные тому Геббельсом. И имиджмейкер Руделя пишет: «23 сентября III./StG2 еще несколько раз атаковал Кронштадт, и Рудель сумел потопить лидер эсминцев «Минск»».

Сам же Рудель и об этой своей «победе» молчит, и на то у него есть две веские причины. Во-первых, день 23 сентября был для Руделя самым светлым, в этот день он одержал единственную свою реальную победу — попал 1000-килограммовой бомбой в линкор «Марат» и потопил его, но это отдельная песня. Он описывает этот день очень подробно и, само собой, ни о каком потоплении «Минска» в этом описании и слова нет. Дело в том, что после своего удачного налета на «Марат» авиагруппа Руделя получила команду бомбить крейсер «Киров». Зефилов понимает деликатность момента и предпочитает не цитировать Руделя, а пересказать его рассказ почти дословно. Но только «почти». Зефилов делает это так: «23 сентября «Штуки» III./StG2 снова поднимаются в воздух, чтобы еще раз атаковать Кронштадт. На этот раз их целью должен был стать крейсер «Киров», стоявший недалеко от уже выведенного из строя «Марата». Однако Рудель не смог принять участия в этом вылете, так как вынужден был «отдать» свой самолет гауптману Штеену. Дело было в том, что после предыдущего вылета Ju-87 Штеена во время рулежки по раскисшему от дождей аэродрому неожиданно завяз в грязи и «ткнулся носом» в землю. Рудель пытался протестовать, но Штеен ответил, что должен всегда лично возглавлять свою группу, когда она вылетает на такие трудные задания. Вместе с ним полетел бортстрелок Руделя фельдфебель Шарновски».

Из этого рассказа дело представляется так, что в третьей авиагруппе 2-й эскадрильи пикировщиков немцев свободных самолетов было полно, но капитан Штеен отобрал у Руделя самолет и не пустил того в полет бомбить «Киров» из зависти. На самом деле

Зефирова «упустил» один момент — капитан Штеен сначала сел на единственный запасной самолет группы, находившийся в 7-й эскадрилье, но при взлете разбил и его. И только после этого забрал самолет и, заметим, именно у Руделя. Таким образом, 23 сентября Рудель больше никуда не летал, а если бы и захотел, то не смог бы, поскольку, как продолжает Зефиров: «Через полтора часа самолеты III./StG2 вернулись обратно, и Рудель сразу же увидел, что его «Штуки» с зеленым коком нет среди них. Возвратившиеся пилоты доложили, что видели, как во время атаки прямым попаданием зенитного снаряда на самолете Штеена был выведен из строя руль высоты. Вероятно, понимая, что ему все равно не удастся выйти из пике, Штеен не стал сбрасывать 1000-килограммовую бомбу, а, действуя одними элеронами и рулем направления, попытался протаранить «Киров». Однако это у него не получилось, и самолет врезался в воду рядом с бортом крейсера. Раздался мощный взрыв, в результате которого «Киров» все же получил повреждения. Гауптман Штеен и фельдфебель Шарновски погибли».

(Вы посмотрите, какие герои эти немцы, прямо не герр Штеен, а Штеен-сан. У Руделя больше 30 раз подбивали самолет, а у него и мысли не было направить его куда-нибудь.)

Но, как вы поняли, 23 сентября самолет Штеена и запасной самолет авиагруппы были сломаны, а самолет Руделя — сгорел. Летать ему было не на чем, и он по этой причине о «потоплении» «Минска» молчит. Молчит он и по другой причине. После получения 1000-килограммовых бомб Рудель летал только с ними, а лидер эсминцев «Минск» получил попадания в корму двух бомб и бомбу в вываленную за борт дежурную шлюпку. И это были бомбы весом 100 кг, т. е. не бомбы Руделя. Был бы час времени, и команда заделала бы образовавшиеся надводные пробоины, но какой-то фашистский трус сбросил недалеко от «Минска» 1000-килограммовую бомбу, предназначенную линкору или крейсеру (водоизмещение линкора — 26 тысяч тонн, а «Минска» — 2,6 тысячи тонн). Волна от взрыва раскачала «Минск», он зачерпнул воды пробоинами и сел на грунт в 5 метрах от причальной стенки. При чем тут Рудель, и зачем Зефинову приписывать ему победы других немецких летчиков?

Повторю, сам Рудель о потоплении им «Минска» (Зефиров уверяет, что это его Рудель называет «крейсером») пишет очень

невнятно: «До конца сентября мы делаем множество вылетов в район Финского залива и достигаем нового успеха, потопив еще один крейсер. Однако с линкором «Октябрьская революция» нам не везет. Он поврежден бомбами небольшой мощности, но не очень сильно. В тот день, когда во время вылета нам удастся сбросить 1000-килограммовую бомбу прямо на корабль, ни одна из тяжелых бомб не взрывается. Несмотря на самое серьезное расследование, не удастся определить, имело ли место вредительство. Так или иначе, но Советы сохраняют один из своих линкоров».

Само собой, что Зефилов почти дословно пересказывает этот идиотизм и даже ставит восклицательные знаки там, где Руделю не пришло в голову их поставить: «До сентября Ju-87 из III./StG2 неоднократно атаковали Кронштадт, но все попытки Руделя потопить второй линкор Балтийского флота — «Октябрьскую революцию» потерпели неудачу. Корабль уже несколько раз был поврежден, когда наконец 1000-килограммовая бомба, сброшенная Руделем, попала точно в него и не взорвалась! При этом все оставшиеся бомбы этого калибра, сброшенные пилотами StG2 в ходе этого вылета, тоже не взорвались. Что это было, технический дефект или сознательный саботаж при изготовлении бомб, так и осталось до конца не выясненным».

Это надо же — немецкие бомбы не взорвались! Линкор «Октябрьская революция» все время оставался в строю, его офицеры фиксировали все бои и повреждения корабля. После 23 сентября немцы осмелились только на один авианалет на него, это было 27 сентября. Было одно попадание 500-килограммовой авиабомбой, которая взорвалась у барбета башни главного калибра № 2. И все. Никакие невзорвавшиеся бомбы весом в 1000 кг в него не попадали, Рудель врет, как сивый мерин, и не хочет признаться, что его 2-я эскадра мочилась в штанишки от одной мысли о налетах на Кронштадт и поэтому сбросила свои 1000-килограммовые бомбы еще на подлете и атаковать линкор «Октябрьская революция» побоялась. А начальству повесили на уши лапшу про «невзрывающиеся бомбы».

Ведь и то сказать: немцам было чего бояться. Рудель в воспоминаниях бодро вякает, как они чуть ли не с песнями и плясками шли к Ленинграду, и советские зенитчики и истребители им были нипочем. Однако перед первым налетом на Кронштадт он вскользь

сообщает подробности первого вылета (в переводе Е. Ковалева): «Весь полк поднимается и берет курс на север. Сегодня у нас 30 самолетов, согласно штатному расписанию мы должны иметь 80 машин, но цифры не всегда являются решающим фактором». То есть меньше чем через три месяца после начала войны полк потерял не менее 70 % своих экипажей (ведь приходило и пополнение). А тут им предстояла новая радость — бомбить Ленинград, который защищали 1000 стволов зенитной артиллерии (правда, при очень плохом обеспечении снарядами, даже Рудель отмечает, что наши зенитки открывали заградительный огонь только тогда, когда немецкие самолеты шли в атаку). И если на 30 стволов «Октябрьской революции» приходится 5 сбитых самолетов и 6 подбитых, то сколько это будет в пересчете на 1000 стволов? И ведь истребители Балтфлота без дела не сидели. Немудрено, что в отчетах у летчиков появились «невзрывающиеся бомбы». Еще 23 сентября все взрывались, а 27-го ну ни в какую!

Вообще-то до чтения книги Зефинова я полагал, что немцы загнали наш Балтфлот в Кронштадт и Ленинград и там его раздолбали авиацией. Но теперь мне так уже не кажется. Немцы совершили на базы Балтфлота 20 налетов, частью силами до 200 бомбардировщиков сразу. А результат? Один потопленный линкор и несколько миноносцев. Второй линкор и три броненосных крейсера (включая купленный у немцев недостроенный «Лютцов») уцелели и вели огонь в поддержку сухопутных войск всю блокаду Ленинграда. Вел огонь и севший на мель линкор «Марат», но это, конечно, не вина Люфтваффе — в открытом море он утонул бы. При таком расходе военно-воздушных сил успехи немцев, скажем прямо, не впечатляют.

Их даже близко нельзя сравнить с успехами японских летчиков 7 декабря 1941 года. Тогда 40 японских торпедоносцев и 129 пикирующих бомбардировщиков, 103 бомбардировщика и 79 истребителей за один налет на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор вывели из строя 8 линкоров, утопив пять из них, три крейсера и три эсминца. Мне могут сказать, что нападение японцев было внезапным. Не надо ля-ля! О нападении было известно за несколько часов, а японские самолеты были обнаружены радаром за 250 км от базы. А то, что американцы все это время ковырялись в носу, то это их проблемы. И потом, через три дня, когда о внезапности уже

глупо было и говорить, 50 японских пилотов утопили два британских линкора и эсминец за один налет.

Отдадим должное и нашим союзникам в той войне. В начале ноября 1940 года 20 британских тихоходных бипланов с бомбами и торпедами атаковали хорошо защищенную базу итальянского флота в Таранто и, потеряв два самолета, утопили три итальянских линкора.

На фоне этих побед достижения люфтваффе в Ленинграде, даже сопровождаемые громогласным пропагандистским воплем, явно не стоят того щенячьего восторга, с которым они воспринимаются в сегодняшней России.

И я должен в это верить?

Количество боевых вылетов, сделанных Руделем за войну, на первый взгляд подозрений не вызывает — он воевал всю войну и, делая в день по три вылета, смог бы столько налетать даже с учетом отпусков и ранений. А в периоды ожесточенных боев (на Курской дуге, к примеру) немецкая штурмовая авиация действительно в некоторые дни делала до 4 вылетов в день, правда, и летать ей надо было только до линии фронта.

Рудель летал на Ю-87, а это самолет того же класса, что и наш Пе-2, — те же цели для бомбежки, тот же вес бомб. Более того, наш Пе-2 имел в полтора раза выше скорость, т. е. быстрее долетал до цели, и штурмана, т. е. меньше времени находился в районе цели. Андрей Сухоруков расспросил о времени, требующемся на боевой вылет, А.П. Аносова, летчика, совершившего на Пе-2 139 боевых вылетов.

«А.С. Какое максимальное количество боевых вылетов делали за день?»

А.А. Три. Это максимум. На большее количество просто времени не хватит. Вот смотри — подвеска бомб, получение задачи, вырливаем. Взлетаем, собираемся в группу, идем по маршруту, перестраиваемся в боевой порядок, пикируем-бомбим, собираемся, возвращаемся домой, садимся — это только один боевой вылет, 1–2 часа времени. А ведь еще между вылетами самолеты обслужить надо. Это еще от 40 минут до 1,5 часа. Так что три вылета — это предел. Да

и физически, и психологически больше трех вылетов совершить очень тяжело. Тут и один вылет выматывает, а уж три...»

А Рудель делал в день и 8, и 12, и 17 боевых вылетов! Мне что — нужно верить, что у него в сутках было 96 часов? Или и его вылеты — это пропагандистская туфта?

Теперь по поводу Руделя-противотанкиста. Как вы видели из ориентировки на него, за ним числится 519 уничтоженных советских танков — чуть ли не целая советская танковая армия. Если учесть, что кроме Руделя в люфтваффе было еще 306 кавалеров Рыцарского креста, а также несколько тысяч кавалеров просто Железных крестов, и пусть каждый из них уничтожил танков хотя бы на пять процентов от списка Руделя, то остается только удивляться — на чем же это наши старички в мае 1945 года доехали до Берлина? Неужто на подержанных японских «Тойотах»?

В первый период войны, очень неудачный для нас, большинство наших подбитых танков оставалось на полях боев, захваченных немцами, и нашим инженерным службам редко случалось выяснить, от чего они вышли из строя. Но с конца 1942 года ситуация поменялась и появилась статистика боевых повреждений наших танков. На сегодня наиболее знающим и квалифицированным историком в области артиллерии является А. Широкопад, он проанализировал эту статистику и суммировал ее данные по некоторым позициям. Средневзвешенные цифры потерь таковы.

В 1943–1945 годах немецкая артиллерия (включая орудия немецких танков и САУ) выводила из строя 88–91 % наших танков, от мин и фугасов получали повреждения 4–8 %, от бомб и пушечного огня авиации — 4–5 %. По отдельным операциям эти числа могут иметь существенные отклонения. Так, к примеру, в 1944 году на Карельском фронте потери от мин составили 35 % от всех боевых потерь. В некоторых операциях потери от авиации достигали 10–15 %, а в некоторых боях и того больше.

Так что недооценивать частные успехи немецкой авиации в борьбе с нашими танками не приходится как в начале войны, так и позже. Но Красная Армия в ходе войны потеряла 83,5 тысячи танков, доля немецкой авиации в 5 % от этого числа составит 4175 танков. Для оценки значения этих потерь сообщу, что в 1944–1945 годах Красная Армия потеряла увязшими в болотах 3537 танка, застрявшими в грязи

— 1420 машин и утонувшими в реках — 538. Итого — 5495 танков. Родной бардак все же был поэффективней немецкой авиации.

В принципе летчику пикирующего бомбардировщика в ту войну вывести танк из строя было не очень сложно. Даже советская небольшая 50-килограммовая авиабомба при падении от танка не далее 6 м повреждала его ударной волной и осколками — могла отбить пушку, сорвать гусеницы, выбить катки. А Рудель, по уверениям Зефинова, без проблем попадал бомбой в круг радиусом 5 м, так что с пикирования он мог уничтожить и наши танки. А поскольку у него 2530 боевых вылетов, то и количество уничтоженных им танков на первый взгляд не выглядит чрезмерным. Но дело в том, что Рудель бомбами с пикирования наши танки не уничтожал.

В 1942 году его послали служить в экспериментальную эскадрилью, в которой опробовалась установка под крылья Ю-87 двух контейнеров с 37-мм зенитными пушками. Самолет после этого уже не мог пикировать и по идее должен был расстреливать советские танки с горизонтального полета или максимум под углом 20–30 градусов.

Мысль эта, конечно, заманчивая: вместо того чтобы бросать на танк сотню (сотни) килограмм бомб, вывести его из строя точно посланными несколькими 37-мм снарядами весом по 623 грамма. Однако было одно «но». Этот снарядик с начальной скоростью 914 м/сек пробить лобовую и бортовую броню наших танков не мог, стрелять надо было очень точно в корму танка сверху — в сетку, прикрывающую радиатор двигателя. А попасть из самолета точно в цель площадью меньше квадратного метра — это ой какая проблема!

Наводчик орудия наводит его, вращая руками маховики, и он может замедлить их вращение при подводе прицельной марки к точке прицеливания и точно остановить движение ствола, когда они совместились. Стрелок или пулеметчик может точно так же до микрона навести ствол орудия в цель. Но в те времена такая наводка летчику была недоступна. Его оружие было жестко вмонтировано в самолет, и летчик мог наводить стволы этого оружия в цель только изменением направления полета всей машины. Технически наводка в цель осуществлялась поворотом рулей самолета, а они поворачивали самолет и не подводили стволы к цели, как это делают стрелки и наводчики, а проводили их по точке прицеливания, т. е. нужно было вернуть рули в исходное положение, когда прицельная марка еще до

цели не дошла, в надежде, что инерция машины ее доведет. Уже с этим мороки у летчика полный рот, плюс самолет быстро сближается с целью и нужно в голове решать задачу по дальности, плюс атмосфера не однородна, с более теплых участков земли идут восходящие потоки, самолет произвольно снижается и поднимается и т. д. и т. п.

В связи с этими трудностями самолеты при такой установке оружия не рассчитываются на попадание одним снарядом точно в цель, поскольку это просто невозможно. Преодолевают эту трудность установкой на самолете большого количества пушек и пулеметов и большой их скорострельностью. И летчик стреляет не точно в цель, а в район цели, а цель уничтожается несколькими снарядами, попадающими в нее по теории вероятностей.

Поэтому выдумка немцев с установкой под крылья Ю-87 двух пушек с целью очень точно стрелять по танкам заведомо неубедительна. Да еще и пушки были разнесены на 5 м, а ширина наших танков 3 м, то есть оси стволов пушек на этом Ю-87 нужно было сводить вместе где-то в 400–500 м впереди самолета, чтобы пушки стреляли в одну точку, но тогда навести самолет на танк и открыть огонь нужно было точно с этого расстояния. А такое, знаете, и на полигоне не всегда получается.

Нашим конструкторам тоже пришла в голову мысль точно стрелять по танкам с самолетов. На истребитель ЛаГГ и штурмовик Ил-2 установили соответствующие пушки и апробировали их на полигоне. Более маневренный ЛаГГ сумел попадать по танкам (не в слабое место танка, а вообще по нему) 3 снарядами из 35, а Ил-2 тремя снарядами из 55. Затея была изначально дохлой, и в советских ВВС для борьбы с немецкими танками поставили на вооружение очень эффективные бомбы ПТАБ.

При стрельбе из самолетной пушки по танкам есть и еще проблема. Если танкисты увидели самолет и они не трусы (а такое тоже бывало, чего греха таить), то Ю-87 со своими двумя 37-мм пушечками и 12 снарядами к каждой в горизонтальном полете замордуется танк жечь. Механик-водитель будет разворачивать танк на месте, подставляя самолету лобовую броню (Рудель, как вы увидите, пишет, что наши танкисты именно так и делали), и самолет не сумеет его облететь, чтобы зайти танку с кормы.

Немудрено, что и немцы быстро отказались от этой затеи с Ю-87, и их штурмовики (ФВ-190, Хеншель-129, Ме-410) имели, как правило, по шесть огневых пулеметно-пушечных точек вперед, с возможностью пикировать сверху и обстреливать крышу башни и силового отделения танка. Но Рудель до конца войны летал только на Ю-87, хотя вся его эскадра уже летала на «Фокке-Вульф 190», и на охоту за нашими танками лично только он вылетал именно на Ю-87 с двумя этими мандолинами под крыльями.

Рудель начал охоту за нашими танками под Белгородом за месяц до начала Курской битвы и в мемуарах рапортует о своих сногшибательных успехах. Ему поддакивают: да, 5 июля, в день начала Курской битвы «командир Pz.Jag.St./StG2 капитан Рудель уничтожил за несколько боевых вылетов, выполненных в тот день, 12 советских танков». Я человек доверчивый, и я бы ему поверил, если бы он поменьше давал подробностей своих подвигов. А то ведь вот что он пишет о боях на Курской дуге.

«Во многих случаях танк взрывался, как только огонь доходил до боеприпасов, что обычно находились в каждом танке. Это было очень опасно для нас, когда самолеты летали на высоте 5—10 метров над танками. В первые несколько дней такое случалось со мной дважды. Я летел сквозь внезапно взметнувшееся вверх пламя и думал: «На этот раз тебе конец».

Однако оба раза я вылетал из пламени живой и невредимый — даже когда обугливалась зеленая краска на обшивке, а в самолете оставались дыры от осколков».

В объективке на Руделя говорится, что его ни разу не сбивали истребители, думаю, это потому, что в начале войны наших истребителей было мало, а с середины войны он стал героем рейха и его вылеты практически всегда очень плотно прикрывали немецкие истребители, в том числе и 52-я истребительная эскадра немцев, в которой воевали такие асы, как Хартман и Бакхорн. А у истребителей действительно бывает ситуация, когда их огонь с близкого расстояния по самолету противника приводит к его взрыву, и истребитель пролетает и сквозь облако взрыва, и сквозь обломки самолета. Думаю, что Рудель наслушался подобных рассказов от знакомых летчиков-истребителей и по дурости применил эти рассказы в своих байках про охоту на танки.

Танк — далеко не самолет, и почему Руделю это не объяснили, непонятно. От начала пожара в танке до момента, когда боеприпасы нагреются до температуры, вызывающей их взрыв, проходят многие минуты. Во-первых, танк, в силовое отделение которого попали 37-мм снаряды Руделя, никак не мог взорваться через пару секунд, и Рудель ни в каких случаях не мог пролетать над взрывом танка. Во-вторых, при взрыве танка образуется два осколка: один — это корпус танка, остающийся на земле, второй — башня танка, взлетающая в воздух. Если бы в самолете Руделя хоть раз осталась дыра от этого осколка, то мы бы мемуаров Руделя никогда не читали. Ведь брешет, сукин сын, а зачем? Не затем ли, что реальных подвигов маловато?

И еще одно. Рудель пишет: «Мы всегда пытались попасть в одно из уязвимых мест танка. Передняя его часть всегда лучше всего укреплена, потому танкисты и стремятся поставить свой танк передней частью к противнику. Боковые же стороны танка имеют более тонкую броню. Но лучшей целью для нас являлась корма».

Против этого трудно возразить, поскольку на Курской дуге во множестве было и легких советских танков Т-60 и Т-70, а у них бортовая броня была всего 15 мм, и 37-мм пушка вполне могла ее пробить. Но после Курской битвы наши инженерные службы осмотрели все наши подбитые танки, замерив диаметр пробоин в них. И установили, что 33,5 % пробоин оставлены 50-мм снарядом немецких противотанковых пушек и танков Т-Ш, 40,5 % пробоин оставлены 75-мм снарядом противотанковых пушек и танков Т-IV и Т-V, и 26,0 % пробоин оставлены 88-мм снарядом немецких зениток и танков Т-VI. Как видите, сумма получается 100 %. А где же танки, подбитые пушками эскадрильи Руделя? До конца 1942 года немцы еще использовали для борьбы с нашими танками свои 37-мм противотанковые пушки, танков, с пробоинами от 37-мм снарядов, тогда было 10 % (и 4,7 % с пробоинами от 20-мм пушек). А под Курском — ноль. Кстати, Курская битва интересна тем, что в ней советские танковые войска понесли очень большие потери, но их потери от немецкой авиации были меньше, чем в среднем за войну. К примеру, в 1-й танковой армии из 530 выведенных из строя единиц бронетехники немецкая авиация подбила 7 танков Т-34, 2 танка Т-80 и один танк Т-60.

В связи со всей этой брехней надо понять, что Рудель загнал немецкую пропаганду в условия, при которых она вынуждена была приписывать и приписывать ему победы, даже если она эти победы должна была забрать у других летчиков, как это было с лидером «Минск» и эсминцем «Стерегающий».

Вот Зефиоров с гордостью сообщает некоторые подробности о летчике своей мечты: «Тем временем вышел очередной номер журнала «Дер Адлер» («Der Adler»), в котором много места было уделено 1000-му вылету Руделя. В нем были приведены следующие статистические данные. Оказалось, что за 1000 боевых вылетов Рудель:

- пролетел расстояние в 300 тысяч километров, что равнялось 7 оборотам вокруг Земли вдоль экватора,
- израсходовал 20 железнодорожных цистерн с топливом,
- сбросил на противника 500 тонн бомб, для перевозки которых потребовалось 35 железнодорожных вагонов,
- его бортстрелки израсходовали 3 железнодорожных вагона 7,9-мм патронов к пулемету MG81».

То есть в обеспечение боевых вылетов Руделя на фронт шли эшелоны бензина и боеприпасов, а что толку? Где результат? Вот и приходилось Геббельсу выдумывать. К примеру, слово «бронепоезд» встречается в воспоминаниях Руделя в единственном эпизоде: «Советский бронепоезд пускает тяжелые снаряды в наши редкие атакующие цепи. Этот бронепоезд действует умело. Сделав огневой налет, он, словно дракон, уползает в свое логово. Этим логовом является туннель в горах неподалеку от Туапсе. Когда мы вылетаем, он стрелой уносится в туннель, и мы видим лишь его хвост. Однажды мы его почти накрыли. Почти. Мы подкрались к нему, но в последний момент он, похоже, получил предупреждение. Бронепоезд удалось накрыть, но повреждения не были серьезными; через несколько дней, починенный, он появляется снова. Но теперь этот стальной монстр был донельзя пуглив — мы больше его не видим. Тогда мы пришли к следующему решению: если мы не можем поймать этого стального монстра, мы хотя бы поквитаемся с его ангелом-хранителем — туннелем! Мы блокируем выходы из туннеля с помощью специальной бомбы, которая не дает бронепоезду выбраться из туннеля».

Но даже в этом случае Рудель, упоминая не об уничтожении, а лишь о блокировании нашего бронепоезда, употребляет не

местоимение «я», а местоимение «мы». А в его «боевом списке» значится, что он **лично** уничтожил 4 бронепоезда. Если бы он действительно разбомбил 4 бронепоезда, то надо ли было ему вспоминать про то, как у него это не получилось? Брешет! А кого стесняться? Не Зефинова же...

Командир Рудель

На какой бы должности ни служил солдат, но война требует от него ума, и когда читаешь мемуары, написанные солдатами, то этот ум обязательно виден. Солдаты, как правило, объясняют, какими соображениями они руководствовались, планируя бой, какие мысли подвигли их на то или иное. Когда я в первый раз просматривал мемуары Руделя, цепляясь глазом только за боевые эпизоды, меня все больше и больше удивляло отсутствие в его воспоминаниях хоть какой-то интеллектуальной составляющей, идущей от него самого. Вот выше я привел цитату Руделя, в которой он рассуждает, с какой стороны атаковать советские танки. Во-первых, это плод не его ума, а его инструкторов — это они заставили Руделя запомнить, с какой стороны нужно к танку подлетать. Во-вторых, даже этот эпизод чуть ли не единственный.

Если бы Рудель всю войну был рядовым летчиком, то это бы еще куда ни шло, но он окончил войну полковником, командиром авиаэскадры, в связи с чем, по меньшей мере, странно, что в его мемуарах и намек нет на то, что он как-нибудь обдумывал или планировал бои того подразделения, которым командовал.

Чтобы вам было понятно, о чем я говорю, сначала дам ответ Т.Н. Пунева вот на такой вопрос А. Сухорукова.

«А.С. А вот немецкие пикировщики в своих мемуарах пишут, что они чуть ли не попадали танку в башню.

Г.П. Ага. А водителю в нос. Это он дома за рюмкой шнапса может подобные байки рассказывать. Попробовал бы мне рассказать, я б его на чистую воду вывел.

А.С. Вы считаете, что Пе-2 был более эффективен как бомбардировщик?

Т.П. Ну конечно! У Пе-2 идет двойное прицеливание. Первое прицеливание ведет штурман. Наводит машину на расчетный угол сноса на боевом курсе, устанавливает БУР — боевой угол разворота прицела. Если этот угол не учесть и не установить, то при прицеливании летчиком (уже в пикировании) бомбардировщик снесет, и по цели не попадешь. Кроме того, штурман контролирует высоту и дает сигнал сброса, поскольку летчик смотрит в прицел и за высотомером следить не может.

Вот летят, и штурман «меряет ветер». Существует такой прибор — ветрочет, — с его помощью определяют угол сноса, т. е. определяют направление, скорость ветра и под каким углом надо повернуть самолет на боевом курсе, чтобы его не снесло (нечто похожее летчик делает при посадке, где тоже доворачивают самолет в сторону ветра). С учетом определенного угла сноса перед пикированием летчик разворачивает коллиматор своего прицела. Поэтому, когда летчик на пикировании осуществляет второе прицеливание через свой прицел, то из-за сноса он не ошибется, поскольку прицеливанием штурмана и разворотом оптической оси прицела летчика снос машины уже скомпенсирован.

На истребитель можно навесить сколько угодно бомб (дело не хитрое), но точности сброса на пикировании достигнуть не удастся, поскольку у летчика-истребителя нет возможности определить угол сноса на боевом курсе.

Тот, кто этих тонкостей не знает, думает, что для попадания бомбой в пикировании нужно летчику только цель в прицел поймать, а дальше само пойдет. Никуда оно не пойдет! Даже если поймаешь, то без учета угла сноса и точной высоты сброса никуда не попадешь. Даже если сумеешь выдержать высоту сброса (например, установишь автомат сброса), то от ошибки определения угла сноса никуда не денешься. А ошибка в определении угла сноса в один градус уже дает отклонение попадания от точки прицеливания в 40–50 метров, а ты ошибешься на куда больший угол. Можно, конечно, попытаться скомпенсировать погрешности в снесе малой высотой сброса и малой скоростью, как на немецком Ju-87. Не спорю, «лаптежник» — пикировщик великолепный, но это ж вчерашний день! Тихоход и слабо вооружен. Вот у нас появилось зениток в достатке, и все — кончился «юнкерс». Летать еще долго летал, а как пикировщик кончился —

перестал попадать, поскольку высоту сброса пришлось увеличить. А стало у нас больше истребителей, вообще перестал в небе появляться, такое старье нашему истребителю на один зуб.

Это они сейчас, в мемуарах, все снайпера, а попробовал бы он мне рассказать, как он на «юнкерсе» в башню танка попадал, то я только бы ему один вопрос задал: «А как ты учитываешь снос?» — и на этом бы все закончилось.

Что касается FW-190, то там та же история, так же снос не учтешь, да и «фоккер» машина раза в два более скоростная, чем «юнкерс». Видел я эти «фоккеры» — сыпанет бомбы абы куда и «За Родину!» — в облака, от наших истребителей.

Ты пойми, Пе-2 по праву являлся основным фронтовым бомбардировщиком наших ВВС. По праву, а не потому, что ничего другого не было».

А вот рассказ А.П. Аносова, летчика Пе-2.

«А.А. Я был в Новой Ладоге. Прилетел, переночевал, а на следующее утро, где-то в часов 10, налет на мост через реку Волхов. Когда блокаду Ленинграда прорвали, то проложили в город железнодорожную ветку, которая и проходила через этот мост. Ударом по мосту немцы хотели прервать снабжение города.

Поначалу они зашли как бы мимо цели, а потом с переворотом в сторону и почти отвесно вниз, а перед атакой один из немецких самолетов над целью круг дымом «выложил». Погода была тихой, этот круг долго держался. И вот все Ю-87 отвесно пикировали в этот круг. Тут так, если в этот круг впишешься, то считай на 50 % в цель попал. Но 50 % — это не 100 %. Вначале «юнкерсам» устроили веселую жизнь наши зенитчики. Слушай, я сам летчик-бомбардировщик и плотность зенитного огня оценить могу! Поверь, здесь огонь был — о-го-го! А потом налетели наши истребители Ла-5. Надо сказать, что прикрывала этот мост целая истребительная авиадивизия, причем не какая-нибудь, а очень известная, и летчики там были настоящие «звери». Как начали они этих «лаптежников» бить! Разогнали их моментально. Нескольких сбили. А тут вторая волна «юнкерсов». И опять все по новой: зенитки, истребители, разгон. На следующий день та же самая история. Несколько волн «юнкерсов» — эффект нулевой. На третий день я из Волхова улетел и не знаю, что там было дальше, но, кажется, немцы в этот мост так и не попали.

А.С. Вы видели атаку Ju-87 «в подробностях». Как летчика пикирующего бомбардировщика, что вас в этой атаке впечатлило, что не очень?

А.А. Мастерство летчиков впечатлило. Это надо все очень хорошо рассчитать и точно цель разведать, чтобы вот так — переворотом в сторону — атаковать такую маленькую по площади цель, как мост. Опять же в круг попасть тоже надо уметь, не говоря уже о том, чтобы точно над мостом этот круг вывести. Да вдобавок под зенитным огнем такой плотности. Этот летчик, что круг дымом «выложил», был настоящий ас.

А.С. А с какой высоты немцы пикировали, на какой высоте был круг?

А.А. С земли тяжело определить. На мой взгляд, пикировали где-то с 2000 метров, «круг» был метрах на 1500, а вывод — метрах на 1000. Но я могу и ошибаться.

А.С. А что не впечатлило?

А.А. Как сама операция была спланирована. Шаблонно до невероятности. Два дня одно и то же. Чуть ли не в одно и то же время, с одного направления, несколькими волнами. Ничего интересного. При таком мастерстве пилотов такая шаблонность в планировании... Это очень удивило».

Как вы увидели из рассказа Т.Н. Пунева, при бомбометании с Ю-87 существовала проблема, вызванная отсутствием в экипаже штурмана, некому было определить силу и направление ветра над целью. Но эту проблему можно было частично компенсировать, если еще на земле выяснить этот вопрос, чтобы затем при пикировании наводить самолет с учетом параметров ветра над целью. Немцы в целом, как вы видели из рассказа Аносова, не были дураками, и штабы их авиагрупп, прокладывая самолетам маршрут на бомбежку, делали все, чтобы те отбомбились точно, и, конечно, сообщали летчикам и о силе, и о направлении ветра над целью. Так, описывая день вылета для бомбардирования «Марата», Рудель описывает и свою подготовку к этому вопросу: «От разведчиков в штабе я получаю всю необходимую информацию о ветре и всем прочем».

Но вот майор Рудель стал командиром третьей группы 2-й эскадры, командиром 40 летных экипажей. Ранее я трижды описывал эпизод, как группа под его руководством бомбила мост через Днестр.

Все три переводчика в этом эпизоде данный момент перевели согласованно: о том, что над мостом дует ветер, Рудель узнал по тому, что сброшенная им бомба в цель не попала. То есть майор Рудель перед вылетом не утруждал себя никакой мозговой работой. Да, конечно, определять силу и направление ветра так, как это сделал Рудель, тоже можно, просто для этого, вместо сложного разговора с метеорологом и штабом, нужно рискнуть самолетом, бортстрелком и бомбой — и будешь знать, откуда ветер дует. Кроме этого, такой способ дает возможность советским зенитчикам пристреляться к точке, с которой остальные самолеты авиагруппы Руделя будут пикировать на мост, поскольку при таком способе учета ветра они должны заходить на цель точно с того направления, что и Рудель. (В этом вылете в группе Руделя были сбиты два самолета даже по его рассказу.)

Этот эпизод имел продолжение: один из сбитых самолетов сел у нас в тылу, и Рудель решил его спасти. Я уже приводил слова Зефинова: «...Рудель шесть раз сажал свой самолет за линией фронта, чтобы вывезти с вражеской территории экипажи сбитых самолетов». На самом деле это не так — он взлетал со спасенными шесть раз, а сажал самолет для этого семь раз. Седьмая посадка была такой.

«Вместе с лейтенантом Фишером, который пилотирует второй штабной самолет, я разворачиваюсь и иду назад на низкой высоте, над самым Днестром. Река течет здесь между высокими обрывистыми берегами. Впереди в направлении моста я вижу русские истребители, которые патрулируют на высоте от одного до трех километров. Но здесь, в речной долине, меня трудно разглядеть и, кроме того, моего возвращения никто не ожидает. Как только я поднимаюсь над кустарником, которым поросли берега, справа, в трех-четыре километрах я замечаю наш самолет. Он совершил вынужденную посадку в поле. Экипаж стоит рядом с машиной, и когда я пролетаю мимо них на низкой высоте, начинает яростно жестикулировать. «Если бы вы только обратили на меня внимание раньше, этой деликатной операции можно было бы избежать», — бормочу я себе под нос и разворачиваюсь, чтобы определить, пригодно ли это поле для посадки. Да, сесть можно. Я подбадриваю себя: «Тогда все в порядке... продолжай. Это будет седьмой экипаж, который я вытаскиваю из-под носа русских». Я отдаю команду Фишеру оставаться в воздухе и

отвлечь на себя истребители, в том случае, если они нападут. После бомбежки моста я знаю, откуда дует ветер. Выпустить закрылки, убрать газ, я приземлюсь в одно мгновение. Но что происходит? Я промахиваюсь, и должен вновь дать газ и зайти еще раз. Прежде со мной такого никогда не случалось. Или это дурное предзнаменование? Ты очень близко к цели, которую только что атаковал, далеко за линией фронта. Трусость? Еще раз убрать газ, выпустить закрылки — я приземляюсь... и немедленно замечаю, что почва очень мягкая, мне даже не нужно тормозить. Мой самолет останавливается точно перед двумя моими коллегами. Это экипаж новичков, сержант и ефрейтор. Хеншель поднимает фонарь и я показываю им знаками быстро залезать внутрь. Двигатель ревет, они карабкаются в кабину к Хеншелю. Над головой кружат Красные соколы, они нас еще не заметили.

«Хеншель, готовы?»

«Да». Я даю газа, нажимаю левый тормоз — намереваясь вырулить так, чтобы взлететь в том же направлении, откуда я появился. Но мое правое колесо завязло в земле. Чем больше я даю газа, тем больше мое колесо погружается в грунт. Мой самолет отказывается трогаться с места, возможно потому, что между обтекателем и колесом набилось много грязи.

«Хеншель, вылезай и сними обтекатель, может быть, тогда нам удастся взлететь».

Крепление обломилось, обтекатель остается на месте, но даже без него мы не смогли бы взлететь, мы застряли в грязи. Я тяну ручку на себя, отпускаю ее и даю реверс. Ни малейшего намека на то, что это поможет. Возможно, удастся спарашютировать, но это тоже не помогает. Фишер пролетает над нами и спрашивает по радиотелефону:

«Мне приземляться?»

После секундного размышления я говорю себе, что если он приземлится, то тоже не сможет взлететь, и отвечаю:

«Нет, не садись. Ты должен лететь домой».

Я оглядываюсь. К нам толпой бегут Иваны. Они уже в трехстах метрах. Прочь из кабины! «За мной», — кричу я — и вот мы уже несемся на юг так быстро, как только можем. Когда мы селились, я увидел, что мы примерно в пяти километрах от Днестра. Мы должны будем переправиться через реку, несмотря ни на что, или станем

легкой добычей преследующих нас красных. Бежать не так просто. На мне высокие меховые унты и подбитая мехом куртка. На пот лучше не обращать внимания! Никого не надо подгонять, мы не собираемся оказаться в советском лагере для военнопленных, для пилотов пикирующих бомбардировщиков это равносильно верной смерти.

Мы бежим так уже полчаса. Кто бы видел это со стороны! Иваны отстали от нас на добрый километр. Неожиданно мы оказываемся на краю почти отвесного обрыва, который омывают воды реки. Мы бегаем туда и сюда, ищем тропинку чтобы спуститься... но это невозможно! Иваны уже наступают нам на пятки. Затем неожиданно одно детское воспоминание наводит меня на мысль. Когда я был мальчишкой, мы спускались с вершины дерева, скользя по веткам, и добирались до земли в целостности и сохранности. На каменном склоне в изобилии растут большие колючие кусты. Один за другим мы скользим вниз и приземляемся у самой воды. Наши руки и ноги исцарапаны, а одежда превратилась в лохмотья. Хеншель испуган. Он кричит:

«Ныряем! Лучше утонуть, чем попасть в плен к русским».

Я прибегаю к помощи здравого смысла. Мы задыхаемся от бега. Короткая передышка, и затем мы срываем с себя верхнюю одежду. Тяжело дыша, Иваны тем временем подбегают к обрыву. Нас не так-то просто увидеть. Они бегают взад и вперед и никак не могут сообразить, куда мы делись. Я уверен, они считают, что мы не могли спрыгнуть с обрыва. Днестр бурлит, снег тает и мимо плывет много льдин. Ширина реки здесь, на глаз, примерно полкилометра, температура воздуха на три-четыре градуса выше точки замерзания. Остальные уже в воде, я избавляюсь от унт и меховой куртки. Я следую за ними, на мне только рубашка и брюки, под рубашкой моя карта, в кармане брюк — медали и компас. Когда я дотрагиваюсь до воды, я говорю себе: «Ни за что на свете», затем я думаю об альтернативе, и вот я уже плыву.

Проходят мгновения, и меня парализует холод. Я хватаю ртом воздух, я уже больше не чувствую, что плыву.

Сконцентрируйся, думай о плавании и сохраняй ритм. Далекий берег приближается почти незаметно. Остальные плывут впереди. Я думаю о Хеншеле. Он сдал свой экзамен по плаванию вместе со мной, когда мы находились в резервной части в Граце, но если сегодня он выложится полностью в этих более трудных условиях, он сможет

повторить рекордное время или, возможно, подойдет к нему очень близко. На середине реки я оказываюсь рядом с ним, в нескольких метрах позади стрелка с другого самолета, сержант плывет далеко впереди, похоже, он отличный пловец. Постепенно мы становимся невосприимчивыми к ощущениям, нас спасает инстинкт самосохранения, согнуться или сломаться. Я удивлен выносливостью остальных, поскольку я, как бывший атлет, привык к перенапряжению. Мой мозг погружается в воспоминания. Когда я занимался десятиборьем, то всегда заканчивал бегом на полтора километра, после того как я стремился показать все, на что я способен в девяти других упражнениях. На этот раз тяжелые тренировки воздаются мне сторицей. Сержант вылезает из воды и падает на берег. Немного позднее добираемся до берега мы с капралом. Хеншелю осталось проплыть еще метров сто пятьдесят. Двое других лежат неподвижно, промерзшие до костей, стрелок бормочет что-то как в бреду. Бедняга! Я сижу на берегу и вижу, как Хеншель пытается добраться до берега. Еще 80 метров. Неожиданно он вскидывает вверх руки и кричит: «Я не могу, я больше не могу» и погружается в воду. Он тотчас же всплывает, но затем погружается снова и больше не показывается. Я вновь прыгаю в воду, расходуя последние десять процентов энергии, которые, как я надеялся, мне удалось сохранить. Я достигаю того места, где Хеншель погрузился в воду. Я не могу нырять, потому что для этого я должен глубоко вздохнуть, но из-за холода я никак не могу набрать достаточно воздуха. После нескольких неудачных попыток я едва могу добраться до берега. Если бы я как-то ухватил Хеншеля, то скорее всего оказался бы вместе с ним на дне Днестра. Он был очень тяжел, и такое напряжение было бы никому не под силу. Вот я лежу на берегу, разбросав руки... слабый... истощенный... и где-то внутри глубокая скорбь по моему другу Хеншелю. Мы читаем молитву за упокой души нашего товарища.

Карта насквозь промокла, но я все держу в голове. Один дьявол знает, как далеко в русском тылу мы находимся. Или все еще есть шанс, что рано или поздно мы натолкнемся на румын? Я проверяю наше оружие. У меня револьвер калибром 6.35 с шестью патронами, у сержанта 7.65 с полным магазином, ефрейтор потерял свой револьвер в воде, и у него только сломанный нож Хеншеля. Мы идем на юг, сжимая наше оружие в руках. Слабохолмистая местность знакома по

полетам. В окрестностях находится несколько деревень, в 35 км к югу с запада на восток проходит железная дорога. Я знаю на ней только две станции — Балта и Флорешти. Даже если русские и проникли так далеко, мы можем рассчитывать на то, что эта железнодорожная линия все еще свободна от противника.

Время около 3 часов дня, солнце стоит высоко. Первым делом мы входим в небольшую долину, окруженную холмами. Мы окоченели от холода, капрал все еще бредит. Я прибегаю к благоразумию. Мы должны попытаться избежать любых населенных мест. Каждый из нас получает определенный сектор для наблюдения.

Я умираю от голода. До меня внезапно доходит, что целый день я ничего не ел. Мы делали наш восьмой вылет и не было времени перекусить между заданиями. После возвращения из каждой миссии должен быть написан отчет и направлен в группу, а по телефону уже поступают инструкции о проведении следующей операции. Тем временем наши самолеты заправляются, оружейники загружают боеприпасы, подвешивают бомбы, и мы взлетаем снова. Экипажи могут немного отдохнуть и даже что-то проглотить, но мне не приходится на это рассчитывать.

Я предполагаю, что мы идем уже больше часа, солнце начинает садиться и наша одежда начинает постепенно замерзать. Вот что-то показалось впереди, или я ошибаюсь? Нет, там и впрямь что-то виднеется. В нашем направлении прямо на фоне солнечного сияния — из-за этого трудно рассмотреть детали — движутся три фигуры. Они уже в 300 метрах от нас. Эти люди, конечно же, нас уже заметили. Возможно, они занимали позицию на вершине одного из холмов. Рослые парни, без сомнения — румыны. Сейчас я могу рассмотреть их получше. Те, кто идет справа и слева, несут за плечами винтовки, тот, кто в середине, вооружен автоматом с круглым диском. Это молодой парень, двое других сорокалетнего возраста, должно быть, резервисты. Они одеты в коричнево-зеленую форму. Не делая никаких враждебных жестов, они подходят к нам ближе. Я внезапно соображаю, что на нас теперь нет никакой формы, и поэтому они не могут разобрать, кто мы такие. Я спешно советую капралу убрать револьвер и сам прячу свой, на тот случай, если румыны занервничают и начнут стрелять. Трио останавливается в метре перед нами и разглядывает нас с любопытством. Я начинаю объяснять нашим союзникам, что мы —

немцы, сделали вынужденную посадку и прошу их помочь нам с одеждой и едой, добавляя, что мы хотели бы вернуться в свою часть как можно скорее.

Я повторяю: «Мы немецкие летчики, сделали вынужденную посадку», — но их лица мрачнеют и в тот же самый момент я вижу три дула, направленных мне в грудь. Молодой парень мгновенно хватается за мою кобуру и вытаскивает оттуда револьвер. Они стояли спинами к солнцу. Сейчас я могу рассмотреть их получше. Серп и молот — значит, русские. Я ни на секунду не собираюсь сдаваться в плен, я думаю только о побеге. У меня один шанс из ста. За мою голову в России, должно быть, назначено хорошее вознаграждение, а если меня захватят живым, то награда, наверное, будет еще больше».

(Рудель сбежал, получил пулевое ранение в плечо, но сумел спрятаться в поле, а затем все же выйти к своим.)

Давайте представим себе обстановку. Юг черноземной Украины, 20 марта. Описывая, почему немецкие истребители их в этом вылете не прикрывали, Рудель сообщил, что три дня шли дожди, и аэродром в Раховке раскис настолько, что истребители вынуждены были перелететь на бетонную полосу в Одессу. Много ли надо было ума, чтобы понять, что, посадив семитонный самолет на паханом поле, поднять его будет невозможно? У Руделя столько ума не оказалось.

Если они были в 35 км к северу от участка железнодорожной линии Балта-Флорешти, то находились в глубоком тылу советских войск, более того, чтобы дойти до этой железнодорожной линии, им надо было пересечь дорогу, мост на которой они только что бомбили. Много ли надо было ума для понимания, что никаких румынских войск здесь в принципе не может быть? Рудель уже три года воевал на Восточном фронте, много ли надо было ума, чтобы запомнить, как выглядят солдаты Красной Армии, их форму и оружие?

Причем Рудель ведь написал это уже в Аргентине после войны, и, само собой, даже в этом эпизоде врет он безбожно. Дело было как-то совершенно не так, поскольку его бортстрелок Хенчель (переводчик Ковалев называет его Хеншелем) был заслуженным воином, кавалером Рыцарского креста, и биографическая справка о нем так сообщает о его смерти: «Hentschel Erwin. Obfw. StG2. С октября 1941 г. летал бортрадистом-стрелком на Ju-87 Ханса-Ульриха Руделя. Выполнил 1490 боевых вылетов, из них 1200 с Руделем. 20.03.1944 г. Рудель

совершил посадку за линией фронта, чтобы вывезти экипаж сбитого самолета, но его собственный Ju-87D-5, застряв в грязи, не смог взлететь. На следующий день, 21.03.1944 г., при попытке переплыть Днестр Хенчель утонул».

То есть на самом деле Рудель с экипажами двух самолетов еще сутки пробыл на левом берегу Днестра, и только 21-го они начали переправляться. И раз Рудель это скрывает, то значит, действительность поступков майора Руделя была, видимо, еще более идиотской, нежели он описал их в мемуарах.

Поэтому немудрено, что во всей своей книге Рудель не дает ни единого момента личной командирской работы — он рассказывает только о том, как сам летал. И у меня, естественно, возник вопрос: а кто же тогда действительно командовал полком, командиром которого числился Рудель? И Рудель на этот счет проговаривает, когда описывает перелет в 1945 году на новый аэродром.

«По пути мы заправляемся в Ольмюце. Когда мы летим над Веной, командир противотанкового звена сообщает по радиотелефону: «Мне придется сесть... двигатель отказывает».

Я очень недоволен этим, не столько из-за близких к истине подозрений, что неполадки связаны с фактом проживания его невесты в Вене, сколько потому, что вместе с ним летит мой операционный офицер лейтенант Вейсбах. Это означает, что Вейсбах будет отсутствовать, когда мы приземлимся на нашем новом аэродроме, и мне самому придется сидеть на этом проклятом телефоне!»

Из этих попыток переводчика перевести на русский должность лейтенанта Вейсбаха можно сделать вывод, что этот Вейсбах и командовал эскадрой «Иммельман», т. е. получал сообщения от пехотных дивизий, приказы из штаба авиакорпуса, заказы на бомбежку от авианаводчиков и давал команды группам и эскадрильям на боевые вылеты — то есть делал то, чем должен был бы быть занят Рудель большую часть своего времени, а Рудель увеличивал и увеличивал счет своим боевым вылетам.

Меня заинтересовал этот феномен, и я снова, уже более внимательно, прочел «Пилот «штуки». И пришел к выводу, что Рудель от рождения был, мягко скажем, глуповат. У нас таких называют «тупой». И если это учитывать, то тогда воспоминания Руделя становятся понятны во всех своих эпизодах.

Так, к примеру, Э. Хартман, переезжая с родителями в Китай и обратно, тем не менее, закончил гимназию в день своего 18-летия, а Рудель — в 20 лет. Его мать писала о его детстве, когда его называли Ули: «Ули решил стать крепче духом и телом, принялся закалять себя физическими упражнениями. Но, несмотря на достижения в этом, его школьные дела шли из рук вон плохо, и Ули не решался показать дневник для подписи отцу до самого последнего дня каникул. Когда я спросила его классного руководителя: «Как успехи моего мальчика?» — тот ответил: «Он очаровательный ребенок, но ученик отвратительный».

После гимназии Рудель поступил в военно-воздушные силы, чтобы выучиться на пилота, и вскоре у летных инструкторов целого ряда училищ начала появляться заветная мечта — мечта избавиться от курсанта Руделя. Сначала, воспользовавшись организацией школы пилотов пикирующих бомбардировщиков, его выталкивают из школы летчиков-истребителей. В новой школе, воспользовавшись организацией школы летчиков-разведчиков, его выталкивают туда, но и летчика-разведчика из Руделя не получилось, и он войну с Польшей летает наблюдателем-фотографом самолета-разведчика. И хотя за эту успешную войну Рудель получает Железный крест 2-го класса и звание оберлейтенанта, ему проваливают очередной экзамен и на летчика-наблюдателя, и из разведывательной эскадрильи снова переводят в учебный полк, где Руделя, учитывая его звание, делают адъютантом командира. Тот, не подумавши, решил слетать по делам с Руделем в качестве пилота, и они чуть не разбились. После этого в учебном полку решили, что Рудель уже достаточно подготовлен как пилот, и отправили его в боевой полк пикирующих бомбардировщиков (2-ю эскадру), но там Руделя хорошо знали, и самолет ему никто давать не собирался. Итак, если немецкая система подготовки готовила летчиков за 1–2 года, то Руделя начали готовить в 1936 году, а к середине 1941 года он все еще не умел летать. При этом сам Рудель всеми силами стремился стать летчиком! Как это объяснить?

Сам Рудель объясняет это тем, что его нигде не любили за то, что он вместо вечерних выпивок за картами с товарищами выпивал стакан молока и шел заниматься спортом. Поклонники Руделя это объяснение принимают за чистую монету, а я бы хотел заметить, что Гитлер тоже не пил спиртного, но если его в Германии кто-то и не любил, то отнюдь не за это. Причина в другом — Рудель был туп, но чрезвычайно амбициозен. Немецкий летчик-истребитель Г. Раль в плену у англичан жил в одной комнате с Руделем и свое впечатление выразил так: «Хоть я и знал его до этого, я тогда был удивлен, насколько это эгоцентричный человек. Он действительно считал себя великим. Это было малоприятно».

Из-за тупости Руделя, из-за неспособности его выучиться летать товарищи наверняка подсмеивались над ним (этим славится казарма), а он, болезненно самолюбивый, не мог этого переносить и весь уходил в спорт, в котором он имел достижения и в котором превосходил своих товарищей. Так что не в молоке тут дело. (Кстати, в люфтваффе у Руделя была кличка «Штрудель». Штрудель—национальное немецкое сладкое блюдо, что-то вроде рулета с яблоками или с маком.)

Но началась война с СССР, и немцам стало не до жиру, им теперь и Штрудель начал казаться пилотом. На Восточном фронте ему, наконец, доверили боевой самолет, но самый поганый, о чем он с обидой вспоминает. Интересно, что Зефилов, свято веря всему, что Рудель пишет, с восхищением сообщает о том «летном мастерстве», которое Рудель достиг к войне с СССР: «Наконец, в одном из тренировочных вылетов Рудель внезапно понял, что теперь он может заставить самолет делать все, что он захочет. С этого момента уже ни один инструктор не мог оторваться от него в воздухе. Какие бы маневры они ни делали, на какой бы высоте ни летали, самолет Руделя всегда оставался на своем месте позади инструктора». Зефилов не понимает, какому мизеру пытались научить Руделя инструкторы, так и не научив, о чем чуть ниже.

То есть к началу войны с Советским Союзом инструкторы пытались научить Руделя элементарному — держаться в строю, не упускать из виду хвост ведущего самолета, иначе, вывалившись из строя, он в него не сможет вернуться и будет сбит. Однако то, чему Рудель на самом деле выучился, можно понять из эпизода лета 1941 года. Рудель вспоминает о характерном полете, ведущим в котором

был капитан Штеен (Стин, в переводе Ковалева), а Рудель должен был держаться у хвоста его самолета.

«Когда мы приближаемся к цели, на горизонте встает черная грозовая стена. Перед целью она или за ней? Я вижу, как Стин изучает свою карту, и сейчас мы летим через густое облако — часового грозового фронта.

Я не могу найти цель. Она где-то там, внизу, под грозовыми облаками. Если судить по часам, мы сейчас очень близко от нее. В этом монотонном ландшафте лоскутные облака затрудняют ориентировку на глаз. Несколько секунд мы летим в темноте, затем снова свет. Я приближаюсь к Стину на расстояние в несколько метров, чтобы не потерять его в облаках. Если я потеряю его, мы можем столкнуться. Но почему Стин не поворачивает обратно? Мы, конечно же, не сможем атаковать в такую бурю. Самолеты, летящие за нами, тоже начинают перестраиваться, наверное, им пришла в голову та же мысль, что и мне. Возможно, командир пытается найти вражескую линию фронта с намерением атаковать там несколько целей. Он спускается ниже, но облака на всех уровнях. Стин отрывает взгляд от своей карты и неожиданно резко накреняет машину. Скорее всего, он принял наконец в расчет плохую погоду, но не обратил внимания на близость моей машины. Моя реакция молниеносна: я резко бросаю самолет в сторону и закладываю глубокий вираж. Самолет накренился на такой угол, что он уже летит почти вверх колесами. Он несет 700 кг бомб, и сейчас этот вес тянет нас вниз с непреодолимой силой. Я исчезаю в облачном чернильном слое.

Вокруг меня абсолютная чернота. Я слышу свист и удары ветра. Дождь просачивается в кабину. Время от времени вспыхивает молния и освещает все вокруг. Яростные порывы ветра сотрясают кабину, и корпус самолета дрожит и трясется. Земли не видно, нет горизонта, по которому я мог бы выровнять самолет. Игла индикатора вертикальной скорости прекратила колебаться. Шарик со стрелкой, которая указывает на позицию самолета по отношению к его продольной и поперечной оси, прижат к краю шкалы. Индикатор вертикальной скорости указывает в ноль. Индикатор скорости показывает, что с каждой секундой самолет движется все быстрее. Я должен сделать что-то, чтобы привести инструменты в нормальное положение и как

Можно быстрее, поскольку альтиметр показывает, что мы продолжаем нестись вниз.

Индикатор скорости вскоре показывает 600 км в час. Ясно, что я пикирую почти вертикально. Я вижу в подсвеченном альтиметре цифры 2300, 2200, 2000, 1800, 1700, 1600, 1300 метров. При такой скорости до катастрофы остается всего несколько секунд. Я весь мокрый, от дождя или от пота? 1300, 1100, 800, 600, 500 метров на альтиметре. Постепенно мне удается заставить другие приборы функционировать нормально, но я по-прежнему ощущаю тревожащее давление на ручку управления.

Я продолжаю пикировать. Индикатор вертикальной скорости продолжает стоять на максимуме. Все это время я полностью во тьме. Призрачные мерцающие вспышки пронзают темень, делая полет по приборам еще более трудным. Я тяну обеими руками на себя ручку управления, чтобы привести самолет в горизонтальное положение. Высота 500, 400 метров! Кровь приливает в голову, я с всхлипом втягиваю в себя воздух. Что-то внутри меня просит прекратить борьбу с разбушевавшейся стихией. Зачем продолжать? Все мои усилия бесполезны. Только сейчас до меня доходит, что альтиметр остановился на 200 метрах, но стрелка слегка колеблется. Это означает, что катастрофа может последовать в любой момент. Нет, полет продолжается! Внезапно раздается тяжелый удар. Ну, теперь я точно покойник. Мертв? Но если бы это было так, я не мог бы думать. Кроме того, я слышу рев двигателя. Вокруг такая же темень, как раньше. И невозмутимый Шарновски говорит спокойно: «Похоже, мы с чем-то столкнулись».

Невозмутимое спокойствие Шарновски оставляет меня немым. Но я знаю одно: я все еще в воздухе. И это знание помогает мне сосредоточиться. Верно, что даже при полной тяге я не могу лететь быстрее, но приборы показывают, что я начинаю карабкаться вверх, и этого уже достаточно. Компас показывает строго на запад, совсем неплохо. Нужно надеяться, что эта штука еще работает. Я не отрываю глаз от приборов, как будто гипнотизирую их силой воли. Наше спасение зависит от них. Я должен тянуть ручку со всей силы, иначе «шарик» опять соскользнет в угол. Я управляю самолетом осторожно, как будто это живое существо. Я упрашиваю его вслух, и внезапно вспоминаю о Верной Руке и его лошади.

Шарновски прерывает мои мысли.

«У нас две дырки в крыльях, и из них торчит пара березок. Мы также потеряли кусок элерона и закрылок».

Я оглядываюсь назад и понимаю, что вышел из самого нижнего облачного слоя и сейчас лечу уже над ним. Снова дневной свет! Я вижу, что Шарновски прав. Две большие дыры в каждом из крыльев доходят до главного лонжерона, и в них торчат куски березовых веток. Я начинаю понимать: дырки в крыльях объясняют потерю скорости, отсюда и трудности с управлением машиной. Как долго доблестный Ю-87 сможет это выдержать? Я догадываюсь, что нахожусь, должно быть, в 50 км от линии фронта. Сейчас и только сейчас я вспоминаю о моем грузе бомб. Я сбрасываю их, и лететь становится легче. Во время каждой вылазки мы встречаемся с истребителями противника. Сегодня одному из них даже не понадобится стрелять в меня, чтобы сбить, ему достаточно просто посмотреть недружелюбно в мою сторону. К счастью, я не вижу ни одного истребителя. Наконец я пересекаю линию фронта и медленно приближаюсь к нашему аэродрому».

Как видите, как только ведущий самолет капитана Штеена начал делать разворот, чтобы вернуться на свой аэродром, доблестный Рудель немедленно потерял хвост, у которого он обязан был держаться.

Я позвонил Василию Ивановичу Алексеенко, авиаинженеру и летчику-испытателю с еще довоенным стажем, зачитал ему этот эпизод, не говоря, кто был летчиком, и спросил, что произошло, и что нужно было делать. Алексеенко ответил, что случай, в общем-то, обычный — при отсутствии видимости летчик часто теряет ориентировку, где верх, где низ, и в этом случае ему нужно лететь по приборам. Но это, сказал Василий Иванович, какой-то странный летчик, поскольку любой курсант авиационного училища в этих условиях (видя, что самолет пикирует с большой скоростью) немедленно выпустил бы воздушные тормоза и сбросил бы бомбы.

Кстати, при выпущенных тормозах после сброса бомб автомат пикирования сам бы вывел самолет из пике, и Руделю не надо было бы изо всех сил тянуть ручку на себя. Но, как вы видели, про тормоза Рудель и в Аргентине не вспомнил, а то, что нужно сбросить бомбы, до него дошло минут через 10 после того, как он из-за них чуть не разбился. В результате Рудель хотя и благополучно сел на свой аэродром, но его самолет надолго вышел из строя. То есть как летчик

Рудель в 1941 году был несчастьем 2-й штурмовой авиаэскадры немцев.

О, счастливчик!

Вообще-то Рудель о своих боевых эпизодах сообщает невнятно, скороговоркой, а об этой аварии написал очень подробно, и, думаю, это неспроста, поскольку, судя по всему, она имеет непосредственное отношение к его наиболее выдающемуся подвигу— попаданию 1000-килограммовой бомбой в наш линкор «Марат». Руделю было важно показать, что его физическая сила позволяла ему вывести из пике даже самолет без воздушных тормозов. Сам Рудель свой подвиг описывает так.

«Ярко-синее небо, ни облачка. То же самое — над морем. Над узкой прибрежной полосой нас атакуют русские истребители, но они не могут помешать нам дойти до цели. Мы летим на высоте 3 км, огонь зениток смертоносен. С такой интенсивностью стрельбы можно ожидать попадания в любой момент. Дорль, Стин и я держимся на курсе. Мы говорим себе, что Иван не стреляет по отдельным самолетам, он просто насыщает разрывами небо на определенной высоте. Другие пилоты полагают, что, меняя высоту и курс, они затрудняют работу зенитчиков. Один самолет даже сбросил бомбу за несколько минут до подхода к цели. Но наши два штабных самолета с синими носами идут прямо сквозь строй. Дикая неразбериха в воздухе над Кронштадтом, опасность столкновения велика. Мы все еще в нескольких милях от нашей цели, впереди я уже вижу «Марат», стоящий у причала в гавани. Орудия стреляют, рвутся снаряды, разрывы образуют маленькие кудрявые облачка, которые резвятся вокруг нас. Если бы все это не было так убийственно серьезно, можно было бы даже подумать что это воздушный карнавал. Я смотрю вниз, на «Марат». За ним стоит крейсер «Киров». Или это «Максим Горький»? Эти корабли еще не участвовали в обстрелах. То же самое было и в прошлый раз. Они не открывают по нам огонь до тех пор, пока мы не начинаем пикировать. Никогда наш полет сквозь заградительный огонь не казался таким медленным и неприятным. Будет ли Стин пользоваться сегодня воздушными тормозами или,

столкнувшись с таким огнем, не будет их выпускать? Вот он входит в пике. Тормоза в выпущенном положении. Я следую за ним, бросая последний взгляд в его кабину. Его мрачное лицо сосредоточенно. Мы идем вниз вместе. Угол пикирования должен быть около 70–80 градусов, я уже поймал «Марат» в прицел. Мы мчимся прямо к нему, постепенно он вырастает до гигантских размеров. Все его зенитные орудия направлены прямо на нас. Сейчас ничего не имеет значения, только наша цель, наше задание. Если мы достигнем цели, это спасет наших братьев по оружию на земле от этой бойни. Но что случилось? Самолет Стина вдруг оставляет меня далеко позади. Он пикирует гораздо быстрее. Может быть, он убрал воздушные тормоза, чтобы увеличить скорость? Я делаю то же самое. Я мчусь вдогонку за его самолетом. Я прямо у него на хвосте, двигаюсь гораздо быстрее и не могу погасить скорость. Прямо впереди я вижу искаженное ужасом лицо Лемана, бортового стрелка у Стина. Каждую секунду он ожидает, что я срежу хвост их самолета своим пропеллером и протараню их. Я увеличиваю угол пикирования. Теперь он наверняка почти 90 градусов. Я чудом проскакиваю мимо самолета Стина буквально на волосок. Предвещает ли это успех? Корабль точно в центре прицела. Мой Ю-87 держится на курсе стабильно, он не шелохнется ни на сантиметр. У меня возникает чувство, что промахнуться невозможно. Затем прямо перед собой я вижу «Марат», больший, чем жизнь. Матросы бегут по палубе, тащат боеприпасы. Я нажимаю на переключатель бомбосбрасывателя и тяну ручку на себя со всей силы. Смогу ли я еще выйти из пикирования? Я сомневаюсь в этом, потому что я пикирую без тормозов и высота, на которой я сбросил бомбу, не превышала 300 метров. Во время инструктажа командир сказал, что тонная бомба должна быть сброшена с высоты одного километра, поскольку именно на такую высоту полетят осколки и сброс бомбы на меньшей высоте означал бы возможную потерю самолета. Но сейчас я напрочь забыл это — я собираюсь поразить «Марат». Я тяну ручку на себя со всей силы. Ускорение слишком велико. Я ничего не вижу, перед глазами все чернеет, ощущение, которое я не никогда не испытывал прежде. Я должен выйти из пикирования, если вообще это можно сделать. Зрение еще не вернулось ко мне полностью, когда я слышу возглас Шарновски: «Взрыв!».

Бомба Руделя попала в линкор перед носовой башней и вызвала взрыв порохового погреба. У линкора «Марат» оторвало носовую часть, он сел на грунт, команда, оставив зенитчиков, сошла с корабля. Погибло 326 офицеров и матросов, включая командира линкора.

Это была мощная победа люфтваффе, и герою, который ее обеспечил, полагалась высокая награда. Она последовала немедленно: как только в немецкий штаб поступили с самолета-разведчика снимки разрушенного «Марата», командование люфтваффе позвонило командиру 3-й авиагруппы 2-й штурмовой эскадры капитану Штеену и приказало летчика, сбросившего смертельную для «Марата» бомбу, представить к награждению Рыцарским крестом. Капитан Штеен отказался это сделать. И, думаю, вот почему.

Это нам, читателям, Рудель может пудрить мозги всякими техническими деталями, а своему командиру он этого сделать не мог.

Давайте разбираться. Когда самолет пикирует, т. е. летит к земле под углом в $70\text{--}80^\circ$, то его скорость начинает резко возрастать до значения, при котором сила притяжения к Земле и тяга винта уравниваются сопротивлением воздуха, которое пропорционально квадрату скорости. Для немецкого пикирующего бомбардировщика Ю-87 с неубирающимися шасси эта предельная скорость была 650 км/час, для советского, более скоростного и, соответственно, более обтекаемого пикирующего бомбардировщика Пе-2 предельной скоростью пикирования были 720 км/час.

Когда пикировщик сбрасывает бомбы на цель, то автомат пикирования и летчик начинают выводить самолет в горизонтальный полет, но это не делается сразу — самолет из пике выводится по радиусу, и этот радиус тем больше, чем больше была скорость пикирования. То есть после сброса бомб и начала вывода из пикирования самолет продолжает терять высоту, на жаргоне летчиков — «проседает». И эта просадка, как я только что написал, зависит от скорости пикирования. Так, по инструкции самолет Пе-2 начинал пикирование с высоты 3000 м, сбрасывал бомбы и начинал выходить из пикирования на высоте 1800 м, но в горизонтальный полет Пе-2 переходил на высоте 900—1200 м, т. е. проседал на 600—900 м. Таким образом, если Пе-2 начнет выходить из пике на высоте 600—900 м, а летчик будет слабосильный, не способный при такой скорости сильно отклонить рули высоты, то Пе-2 просто разобьется о землю.

Отсюда следует, что чем выше скорость самолета при пикировании, тем с большей высоты нужно бросать бомбы и выходить из пике, и, соответственно, тем меньше будет точность бомбометания. Поэтому на пикирующих бомбардировщиках устанавливаются воздушные тормоза — нечто вроде щитков на крыльях, которые выпускаются при пикировании. Они увеличивают собой поперечное сечение самолета и, следовательно, сопротивление его воздуху. Скорость пикирования падает, конкретно — у Ю-87 с выпущенными воздушными тормозами она не превышала 420 км/час. Помимо прочего, возрастает время пикирования, и летчик имеет возможность более тщательно прицелиться, но, главное, он может спикировать ниже — ближе к цели и нанести более точный бомбовый удар, но при этом не разбить самолет о землю. Минимальная высота, с которой Ю-87 мог выйти из пикирования не разбившись — 500 м. (Есть сообщения, что физически сильные летчики могли спикировать на Ю-87 до 400 м.)

Теперь смотрите, что вещает Рудель. Он убрал воздушные тормоза, его самолет развил скорость 650 км/час, а бомбу он сбросил с высоты 300 м. Его товарищи, спускаясь на тормозах со скоростью всего в 420 км/час, сбрасывали бомбы с высоты 1500, минимум 1000 м, а он с 300?! Думаю, что у Руделя язык не повернулся такую хреновину рассказать товарищам.

Полагаю, что произошло вот что. Рудель и Штеен начали пикировать крылом к крылу, помните: «...Бросаю последний взгляд в его кабину. Его мрачное лицо сосредоточенно». Но у Руделя это уже далеко не первый вылет, и он расхрабрился — решил оторвать взгляд от самолета Штеена и посмотреть в бомбовый прицел. Но пока он смотрел, то ли он ослабил давление на педаль газа, то ли Штеен прибавил газку, но самолет Штеена ушел далеко вниз. Рудель оторвал взгляд от прицела и, когда увидел, что упускает самолет ведущего, запаниковал. Ему уже не до «Марата», он сдуру убирает воздушные тормоза и наводит свой самолет на хвост самолета Штеена, но после уборки тормозов «Юнкерс» Руделя начал сближаться с этим хвостом с неожиданной для Руделя скоростью. Бедный Рудель едва успевает толкнуть ручку управления вперед, при этом угол его пикирования увеличивается до 90°, и он все же проскакивает мимо Штеена, не зацепив его.

Тут интересна техническая подробность бомбометания с Ю-87: «В районе цели пилот включал полуавтоматический прибор, так называемый Abfanggerat, и после выставления на нем высоты, с которой планировалось сбросить бомбу, переводил самолет в пики. В продолжение всего пикирования в наушниках шлемофона пилота был слышен постоянный сигнал. При достижении самолетом запрограммированной высоты сигнал выключался, и в этот момент пилот должен был нажать на рычажок сброса бомб, размещенный на ручке управления. Устройство для выведения самолета из режима пикирования (Abfanggerat) переставляло триммеры руля высоты и изменяло шаг винта, облегчая находившемуся под действием перегрузки пилоту выход из пики».

Когда Рудель во время грозы чуть не разбился, ему, нет сомнений, в эскадрилье объяснили (и, возможно, пинками), что нужно было выпустить тормоза и сбросить бомбы. И все равно, пикируя на «Марат» с огромной скоростью, до тормозов Рудель додуматься не успевал, но про бомбу ему напомнил автомат, и он сбросил ее, а далее уцепился за ручку управления изо всех сил и стал тащить ее на себя, ведь поскольку воздушные тормоза не были выпущены, то и автомат вывода из пикирования не включался. А бомба упала куда надо (или куда не надо — это уж с какой стороны смотреть).

Еще момент. Если верить Руделю, то при угрозе столкновения с самолетом Штеена он отклонил свой самолет по углу пикирования где-то на 15° и, возможно, отклонил по курсу. Если это произошло на высоте 1,5–2 км, то значит, бомба Штеена упала от бомбы Руделя не ближе чем в 200–300 метрах. То есть, если бы Рудель продолжал лететь за Штееном, к чему он стремился, то он бы в «Марат» не попал!

Во время перестройки ходил поганый анекдот: «Опять гололед!» — воскликнул Александр Матросов, падая на амбразуру пулемета». А ведь по уму этот анекдот надо было бы рассказывать так: «...Опять потерял хвост ведущего!» — в отчаянии воскликнул Рудель и сбросил бомбу, чтобы догнать самолет Штеена». Вот эта анекдотичность ситуации и привела к тому, что Руделю отказали в награждении Рыцарским крестом. Этот крест тогда давали еще немногим, репутация этой награды еще была незапятнанной и наградить этим крестом за победу по ошибке было бы для Рыцарского креста явным оскорблением.

Но чем хороши подвиги, не придуманные писателями, в штабах или тщеславными журналистами в своих редакциях, а реально совершенные, давай Руделю крест или не давай, а линкор-то утопил он! И Рудель в одночасье из гадкого утенка превратился в орла люфтваффе. Теперь-то уж отказать Руделю в боевом самолете было нельзя. И Рудель начал совершать боевые вылеты, и начал их совершать как проклятый. 24 декабря 1941 года он уже совершил свой 500-й боевой вылет, а поскольку столько вылетов в люфтваффе мало кто имел даже из тех, кто летать начал с сентября 1939 года, то Рудель наконец стал кавалером Рыцарского креста. В целом, думаю, он, наконец, научился летать, но только на «штуке» — на пикировщике Ю-87.

Пилот «штуки»

Вообще-то, по идее, летчики, научившись летать, должны впоследствии без проблем переучиваться летать на всех самолетах, но вот это переучивание, судя по мемуарам, никак не давалось Руделю. К 1943 году Ю-87 безнадежно устарел, в 1944 году его сняли с производства, 2-я штурмовая эскадра, которой к концу войны командовал Рудель, пересела на скоростные Фокке Вульф-190, а Рудель летал и летал на Ю-87!

Вообще-то он ненавязчиво дает понять, что ему-де запросто было летать и на ФВ-190 и на «мессере», но в это очень слабо верится. Геринг чуть ли не на коленях просил его пересесть на суперсовременный в то время Ме-410. Сравните: у Ю-87 даже последних модификаций скорость была до 400 км/час, одна 20-мм пушка, два 7,92-мм пулемета впереди и один 7,92-мм пулемет у стрелка, а у Ме-410 четыре 20-мм пушки и два 7,92 пулемета по курсу, два 13-мм пулемета у стрелка и 500 кг бомб при скорости 620 км/час! Рудель наотрез отказался! После войны все известные асы либо служили в бундесвере ФРГ, либо летали, и только Рудель больше не сел ни на один самолет. Могут сказать, что у него была ампутирована нога. Это так, но он на протезе делал боевые вылеты во время войны, а после нее прославился как альпинист и горный лыжник (4-е место на чемпионате мира!), однако в этих видах спорта нагрузка на ноги

многократно превышает нагрузку, возникающую при давлении на педаль самолета.

Думаю, что Рудель из-за своей популярности и, мягко скажем, умственной заторможенности был в люфтваффе источником массы разных анекдотов, о которых он в мемуарах предпочел не молчать, а кое-что рассказать в своей интерпретации, не дожидаясь, пока их расскажут другие (что вообще-то правильно).

У немцев перед войной был создан самолет-разведчик Фи-156 «Шторх» который, правда, в ходе войны использовался только как самолет связи и санитарный. Легкий (860 кг), при нагрузке в 400 кг имел скорость до 175 км/ час, при этом в спокойную погоду взлетал с площадки в 60 м, пробег при посадке у него был 40 м, а при встречном ветре в 3 м/сек. он «мог сесть на обеденный стол» — у него пробег был 10 м. Это был более совершенный аналог нашего учебного У-2 (По-2), который в ходе войны был основным самолетом связи и ночным бомбардировщиком. Очень простой самолет в управлении. И в конце войны Рудель рискнул взлететь на нем из Берлина, а по пути залететь в штаб люфтваффе, возле которого, естественно, был оборудован аэродром для самолетов связи. Рудель так описывает это путешествие.

«Мне вновь «везет» в первые дни мая. Я отправляюсь на встречу с фельдмаршалом Шернером, но хочу заглянуть по дороге в штаб-квартиру люфтваффе в замке Херманштадтель, примерно в семидесяти пяти километрах от нас. Я лечу туда на «Шторхе» и вижу, что замок окружен высокими деревьями. В центре находится парк, на территории которого я могу, как мне кажется, приземлиться. Со мной в самолете находится верный Фридолин. Посадка проходит благополучно, после короткой остановки для того, чтобы взять некоторые карты, мы вновь взлетаем по направлению к высоким деревьям, набирая высоту. «Шторх» медленно набирает скорость, для того, чтобы облегчить взлет, я выпускаю закрылки прямо перед опушкой леса. Но самолет не может подняться выше самых высоких деревьев. Я тяну ручку на себя, но у нас недостаточно скорости. Тянуть на себя бесполезно, нос самолета словно наливается тяжестью. Я слышу какой-то страшный треск. Сейчас я окончательно разбил культю, если только не хуже. Затем все вдруг стихает. Я лежу на земле? Нет, сижу в кабине, и рядом со мной Фридолин.

Мы застряли в развилке ветвей на самой верхушке огромного дерева и весело раскачиваемся взад и вперед».

Штаб люфтваффе вынужден был вызвать местную пожарную команду, которая осторожно, как спелую грушу, сняла лучшего аса Германии с дерева. Так что Рудель действительно был пилотом только «штуки».

Поскольку я уже имею опыт анализа военных мемуаров, в том числе и немецких, то уверен, что сегодня найдется масса читателей, которые будут меня попрекать тем, что я из лучшего аса войны сделал дурака. Да, я мог бы сократить книгу и не писать о Руделе того, что написал выше, но мне важно вот что.

Храбрец

Обыватель никогда не отличался храбростью, а сегодня он стал исключительно труслив. Но поскольку обывательские массы заполнили офицерские и генеральские должности, поскольку обыватель стал писателем и журналистом, то в умы людей вкладывается мыслишка, что сегодня трусость не только позволительна и одобряема, но она же и является главной принадлежностью умного человека. Обыватель, боясь малейшей опасности, боясь вступить не только за близких, но и за свои собственные интересы, всякий раз успокаивает себя мыслишкой, что с его стороны это был не трусливый поступок, а очень умный — типа все равно ничего бы не получилось, типа остальные люди недостойны, чтобы из-за них рисковать, типа пусть дураки воюют, а умные в тылу нужны и т. д. и т. п.

А теперь оцените, сколько вас, умников, в ту войну бросалось бежать при виде немецкой атаки, и скольких немцы расстреляли в спины, поскольку у них преследование было главным элементом наступательного боя. Г. Гудериан писал: «Наступление танков становится бесцельным, если оно не переходит в преследование», — ибо только при преследовании противник несет наиболее тяжелые потери при минимуме собственных потерь.

Оцените, сколько вас, умников, сдохло от голода в пересыльных лагерях у немцев, когда они вас, умников, сдавшихся в плен, не

способны были накормить, да и не пытались этого сделать.

Оцените, сколько вас, умников, было позорно расстреляно за трусость и дезертирство или было убито в штрафных ротах и батальонах.

Однако вы, умники,дохнете, но все равно трусите, считая себя умными. А вот Рудель был дурак и в точном соответствии с вашим умным суждением о том, что храбрыми бывают только дураки, был неимоверно храбр. Но он прошел всю войну и остался жив! А вы сдохли!

По мере того как Рудель становился главным героем рейха, его гибель на Восточном фронте нанесла бы неимоверный ущерб пропаганде, и Гитлер с Герингом предпринимают неоднократные усилия, чтобы вытащить Руделя с фронта в тыл. Рудель, судя по некоторым проговоркам, очень ценил военные награды, но он дважды отказывался принимать их у Гитлера, если тот не вернет его на фронт. Когда Гитлер Руделю, уже инвалиду с протезом на еще незажившей культе, приказом запретил летать на боевые задания, то Рудель летал тайно, заносил свои победы в списки остальных летчиков.

Причем мистика в неуязвимости Руделя присутствовала лишь отчасти. Уверен, что благодаря своей храбрости Рудель на поле боя находился зачастую в более безопасной обстановке, нежели тот, кто трусил. Вы видели, что ему трудно было попасть бомбой в цель с большой высоты, а ведь он был болезненно самолюбив и свои промахи на глазах других наверняка переживал болезненно. Учитывая его большую физическую силу и способность выдерживать перегрузки при выводе самолета из пике с малым радиусом, Руделю, чтобы попасть бомбой в цель, оставалось пикировать очень низко и выходить из пике над самой землей. Но при этом угловая скорость его самолета относительно наших малочисленных зениток была столь высока, что они не успевали навести на него стволы, если он не летел прямо на них. Его храбрость его спасла!

А по тем немецким умникам, кто, в отличие от Руделя, соблюдал инструкцию и сбрасывал бомбы с высоты 1 км, нашим зенитчикам было значительно удобнее стрелять. Когда же зениток у нас стало побольше, и они загнали немцев на еще большую высоту, то Рудель пересел на «штуку» с двумя 37-мм противотанковыми пушками и стал летать в 10–15 метрах над землей.

Вспомните Клаузевица: моральное подавление противника в бою — это важнейший фактор победы. Немцы в начале войны на свои «штуки» даже сирены цепляли, чтобы их воем подавить волю тех, кто стреляет по ним с земли. Таким образом, храбрость Руделя существенно повышала его шансы на выживание по сравнению с более трусливыми коллегами.

Выше мы видели, что немецкая пропаганда немилосердно приписывала Руделю победы, которых он в принципе и сам стеснялся. Но это тот случай, когда приписки не сильно позорят, поскольку Рудель и без них был героем, — приписки делали его подвиги более зримыми для обывателя, и только. Ну не подбил он 519 танков, но пусть 19, это что — мало? А он подбил больше, поскольку наши прадеды превосходили прадедов нынешних немцев только в среднем. И среди наших танкистов было достаточно трусливых негодяев, которые могли запросто отдать Руделю свой танк на сожжение.

Но, конечно, для Руделя дело обстояло скверно, если он наткнулся на земле на такого же солдата, как сам. Тогда ему приходилось менять самолет, а порой и отлеживаться в госпитале. Он рассказывает, как в конце войны попытался атаковать наш танк ИС-2. Танкисты, вместо того чтобы спрятаться и дать Руделю обстрелять их танк, залезли на башню, зарядили крупнокалиберный зенитный пулемет ДШК и вмазали Руделю прицельно очередь в борт. Рудель едва перетянул подбитую «штуку» через линию фронта, а его самого с двумя пулевыми ранениями бедра отправили в госпиталь. Но на то и война — раз на раз не приходится.

И все же, как видите, храбрость на войне — вещь весьма практичная, но в везениях Руделя есть, повторю, и какая-то мистика. Более 30 раз его сбивали, и ни разу пуля не попала туда, куда надо — в тупую голову Руделя! История сдачи Руделя в плен тоже изумляет. Была объявлена капитуляция немецкой армии, 2-я штурмовая авиаэскадра немцев была в Чехословакии, но ее личный состав хотел сдаться американцам. Немцы разоружились, но как добраться до американцев? Поскольку кое-какие немецкие войска вели бои невзирая на капитуляцию, воздух кишел истребителями союзников, перелетать на аэродром, занятый американцами, было безумием. Рудель, естественно, на это безумие решился, янки прохлопали ушами, и Рудель благополучно сел на аэродром, забитый американскими

самолетами. А умная часть 2-й штурмовой авиаэскадры немцев отправилась к американцам без оружия на автомобилях. Но поскольку немцы сдались и разоружились, то чешские партизаны стали необычайно воинственными, в связи с чем они перехватили и храбро перестреляли умных безоружных товарищей Руделя.

Интересно и то, что Рудель в детстве был очень трусливым мальчиком, даже в подвал дома спускался не просто с матерью, а держась за ее руку. Сестры над ним смеялись и дали ему девичье имя Ули, в результате самолюбивый Рудель стал воспитывать в себе отвагу и довел свою храбрость до совершенства. Мать Руделя утверждала, что его девизом было: «Погибает тот, кто смирился с поражением». Действительно ли эта аксиома была девизом Руделя или ее приписали ему позднее, но мысль эта очень точная.

Военная пропаганда лжет очень часто, и с этим ничего поделать нельзя. Но есть случай, когда она говорит правду, а подавляющая часть людской массы уверена, что она лжет. Парадокс! Откровенную брехню толпа воспринимает как святую правду, а правду о том, что на войне нужно быть храбрым (да и в мирной жизни это нелишнее), обыватель считает наглой ложью.

Война — дело очень специфическое, на войне поведение, обычное в мирной жизни, может оказаться самоубийственным. Да, храбрость в бою не гарантирует жизни, но она безусловно способствует выживанию больше, чем трусость, которая, собственно говоря, никогда ничему не способствует.

Глава 7

БРЕХНЯ ТРУСЛИВОГО «РЫЦАРЯ РЕЙХА»

Война: спорт или работа?

Американцы Р.Ф. Толивер и Т.Д. Констэбл написали книжку «Эрих Хартман — белокурый рыцарь рейха» Эта биография, надиктованная им самим, заставляет по-иному взглянуть на некоторые аспекты войны в воздухе.

В предисловии американцы хвалят Хартмана: «Источники силы Эриха Хартмана...воспитание в духе свободы, естественное мужество... Он был отличным спортсменом и приверженцем честной игры... Его религией была совесть... Таких людей можно назвать религиозными. Или вы можете назвать их джентльменами». В этой характеристике, в принципе, нет ничего удивительного — и наши летчики, знакомясь со сбитыми ими немцами, тоже отличали ненормальность отношения немцев к войне как к спорту. Когда Андрей Сухоруков подробно расспросил Н.Г. Голодникова о немецких летчиках-истребителях, то и тот отметил это:

«А.С. Известно, что у немцев группа истребителей часто делилась на аса и его «команду обеспечения и прикрытия». Насколько часто немцы применяли этот метод, и какие, на ваш взгляд, есть недостатки у этого метода ведения боя?

Н.Г. В первую половину войны немцы очень широко применяли тактику «один-два бьют, а шестеро их прикрывают». Было такое и в конце войны, но значительно реже. Из самых известных немецких асов, работающих с «группой прикрытия», у нас на Севере был Мюллер.^[4]

Потом, когда люфтваффе стали испытывать серьезную нехватку истребителей, то они от этого метода были вынуждены отказаться. Уж очень он затратен по количеству задействованных машин. Ведь

летчики, занятые на прикрытии аса, уже ничего другого делать не могут.

Вот атакуют они наши «бомберы», мы, естественно, прикрываем. Мы когда поопытнее стали, с группой прикрытия уже не связывались, а сразу организовывали атаку на аса. И тут же вся его команда бросает бомбардировщики и атакует нас, а нам только это и надо. Наша-то основная задача «бомберов» прикрыть, и получается, что немцы своей тактикой сами помогают нам ее выполнить. Конечно, личный счет таким методом, с помощью команды, можно «настрелять» астрономический, но с точки зрения стратегии этот метод порочен.

Вообще-то этот метод можно применять, но только если у тебя серьезное численное превосходство, точно так же как и свободную охоту. Мы ведь тоже под конец войны стали много на свободную охоту летать, у нас было численное преимущество, и мы могли себе это позволить. Идем четверкой, как правило, на бреющем полете. Уже знали, где коммуникации проходят, где транспортные самолеты летают. Подходим, ударили и сразу уходим. Когда нас мало было, на свободную охоту не летали.

А.С. Скажите, Николай Герасимович, а 1942 году хоть какие-то слабые стороны немецких летчиков-истребителей были?

Н.Г. Вот таких, чтоб в глаза бросались, не было. Очень расчетливые были, не любили рисковать. Сбивать очень любили. Они этим зарабатывали.

А.С. Это недостатки?

Н.Г. Часто да. Нам тоже за сбитые платили, но у нас заработок на последнем месте стоял, а у немцев не так... Сбил — получи денежку, баки подвесные не сбросил — тоже заработал.

А.С. Вообще баки не сбрасывали?

Н.Г. Да, было такое. Нас несколько раз атаковали немецкие истребители с несброшенными подвесными баками, и мы не могли понять, почему перед атакой летчик баки не сбросил? Потом пленные объяснили, что за привезенные обратно баки летчику чего-то выплачивают — то ли их полную стоимость, то ли ее часть. Вот так они и бои вели, чтоб наверняка сбить, а самому целым остаться.

А.С. А что в этом плохого?

Н.Г. Часто, чтобы бой выиграть, надо сильно рискнуть и переломить бой в свою сторону, а немцы рисковать не любили. Они

если чувствовали, что бой равный или только начинает не в их пользу складываться, то предпочитали из боя выйти побыстрее.

А.С. Ну, правильно. В следующий раз верх возьмут.

Н.Г. Тут уж когда как — раз на раз не приходится. Есть такие бои, где надо драться до последнего, никакого «следующего раза».

А.С. Ну, например?

Н.Г. Защита объекта или конвоя от атаки бомбардировщиков, прикрытие своих «бомберов». Здесь умри, а прикрытие обеспечь, без всякого «следующего раза».

И все-таки был у немецких летчиков-истребителей один крупный недостаток. Серьезный, на мой взгляд, недостаток. Могли немцы в бой ввязаться, когда это совсем не нужно. Например, при прикрытии своих бомбардировщиков. Мы этим всю войну пользовались: у нас одна группа в бой с истребителями прикрытия ввязывалась, на себя их отвлекала, а другая атаковала бомбардировщики. Немцы и рады — шанс сбить появился. «Бомберы» им сразу побоку и плевать, что другая наша группа эти бомбардировщики бьет, насколько сил хватает.

А.С. Не думал, что у немцев прикрытие так халатно было поставлено.

Н.Г. Ну, а как бы мы на «харрикейнах» немецкие бомбардировщики сбивали? Прикрывали бы их по-нашему, мы бы до их «бомберов» не добрались. Вообще у меня сложилось впечатление, что бомбардировщики не были приоритетны в люфтваффе. Там приоритет был за истребителями и разведчиками. Одним невероятная свобода действий, другим самое лучшее прикрытие. А бомбардировщики — это так, утюги. Мол, у них стрелки есть — отобьются, а не отобьются — сами виноваты. Формально, немцы свои ударные самолеты прикрывали очень сильно, но только в бой ввяжутся, и все — прикрытие побоку. Довольно легко отвлекались, причем на протяжении всей войны. А в начале войны немцы в такие отвлекающие бои ввязывались невероятно легко, поскольку наши истребители всегда были в меньшинстве и по ТТХ наши машины уступали. То есть шанс сбить кого-нибудь у немецких летчиков был большой. Они и рады были в любой бой ввязаться, только повод дай. Видно, очень хорошие деньги за каждый сбитый платили. Меня эта легкость до сих пор удивляет.

А.С. А как действовали у нас на прикрытии бомбардировщиков?

Н.Г. У нас группе непосредственного прикрытия ударных самолетов, бомбардировщиков или штурмовиков, всегда задача ставилась строго определенным образом. Мы должны были не сбивать, а отбивать. Прикрытие — основная задача. У нас правило такое было, что лучше никого не сбить и ни одного своего «бомбера» не потерять, чем сбить трех и потерять один бомбардировщик. У нас за потери у бомбардировщиков или штурмовиков с истребителями прикрытия разбирались очень серьезно. Если хоть один бомбардировщик сбили, то назначается целое расследование: «Как, где и почему сбили? Кто допустил, что его сбили?» И т. д. У немцев, судя по всему, такого не было, видать, совсем другое отношение к этим случаям было, поскольку они всю войну свои бомбардировщики бросали, если шанс сбить появлялся.

А.С. Скажите, а был приказ о том, что при невыполнении боевой задачи бомбардировщиками истребителям прикрытия боевой вылет не засчитывался?

Н.Г. Нет, такого не было. Был приказ, по которому истребители прикрытия строго наказывались, если они потеряли бомбардировщики. Это было. Вплоть до суда. У нас в полку не было случаев, чтоб мы бомбардировщики бросили, но бывало, «бомберы» сами отрывались. Немцы тоже не дураки. Одна группа нас боем вяжет, а другая выжидает. «Бомберы» уходят на максимальной скорости, а мы пока туда-сюда, пока одного, другого отбил, все — уже догнать бомбардировщики не можем. Ну, а как только бомбардировщики от группы прикрытия оторвались, то сразу становятся хорошей добычей для истребителей противника. В этом случае мы по радио призывали уменьшить скорость всей группы бомбардировщиков, чтобы истребители заняли свои места. Со временем мы взаимодействие с бомбардировщиками наладили очень хорошее, и такие случаи отставаний стали редкостью. Научились и с летчиками бомбардировщиков взаимодействовать — стали они требуемую скорость выдерживать, и со стрелками — кто какую полусферу защищает. Обычно делали так: мы защищаем верхнюю полусферу, стрелки — нижнюю. Немцы пытаются атаковать сверху — мы их гоним. Они вниз и снизу — их стрелки поливают. Они вверх — там их снова мы встречаем. Хорошо получалось.

А.С. Николай Герасимович, вот у вас проскочило, что к концу войны немецкие летчики часто откровенно пренебрегали своими обязанностями по прикрытию войск и объектов. В чем это выражалось?

Н.Г. Например, прикрываем мы штурмовики. Появляются немецкие истребители, крутятся, но не атакуют, считают, что их мало. «Илы» обрабатывают передний край, и немцы не нападают, концентрируются, стягивают истребители с других участков. Отходят «илы» от цели, вот тут и начинается атака. К этому времени немцы сконцентрировались и заимели численное превосходство в три раза. Ну, а какой в этой атаке смысл? «Илы»-то уже отработали. Только на личный счет. И такое было часто.

Немцы могли вот так прокрутиться вокруг нас и вообще не атаковать. Они ж не дураки, разведка у них работала. «Красноносые «кобры» — 2-й ГИАП ВМС КСФ. Ну что, они совсем безголовые с элитным гвардейским полком связываться? Эти и сбить могут. Лучше дождаться кого-нибудь попроще. Очень расчетливые.

А.С. Николай Герасимович, на ваш взгляд, чем объясняется такая тяга немецких летчиков к увеличению личного счета?

Н.Г. Для нас такое было в диковину. Знаешь, когда Мюллера сбили, его ведь к нам привезли. Я его хорошо помню: среднего роста, спортивного телосложения, рыжий. Удивило то, что он был всего лишь обер-фельдфебелем, это-то при больше чем 90 сбитых! Еще, помню, удивился, когда узнал, что его отец простой портной. Так вот, Мюллер, когда его спросили о Гитлере, заявил, что на политику ему наплевать, собственно к русским он никакой ненависти не испытывает, он «спортсмен», ему важен результат — настрелять побольше. У него группа прикрытия бой ведет, а он, «спортсмен», захочет — ударит, захочет — не ударит. У меня сложилось впечатление, что многие немецкие летчики-истребители были вот такими «спортсменами». Ну и опять же — деньги, слава.

А.С. Ну допустим, немецкие летчики-истребители — спортсмены, для них война была разновидностью спорта. Чем война была для наших летчиков, для вас лично?

Н.Г. Для меня лично тем же, чем и для всех. Работа. Тяжелая, кровавая, грязная, страшная и непрерывная работа. Выдержать

которую можно было только потому, что Родину защищаешь. Спортом тут и не пахнет».

С исключительным уважением к советским летчикам-истребителям пишет летчик-штурмовик Г.М. Рябушко.

«Взаимодействие штурмовиков и истребителей у нас в полку было отработано великолепно. Когда мы подходили к цели, то уже точно знали, что наши истребители есть и над нами и вокруг нас. В основном так бывало, что мы только по радио слышали, что идет воздушный бой, а немцев даже и не видели. Уж когда истребителям совсем тяжело приходилось, то только тогда они нам передавали: «Горбатые» уходите, мы заканчиваем!» — значит, горючее и боеприпасы у них на исходе. И мы тогда уже старались лишнего захода не делать. Истребителям ведь в укор ставили потерю штурмовика, ну и зачем ребят подставлять?

Летчики народ такой, им подначить друга" — хлебом не корми. Мы любили братьев-истребителей дразнить. Слетаем на задание и истребителям вопрос: «Вам боевой вылет записали?» — «Записали». — «Молодцы! А когда был бой?» Это у штурмовиков каждый, подчеркиваю, каждый боевой вылет «с огнем и дымом», т. е. атакой противника. А у истребителей? Воздушный бой на один вылет из пяти, а то и реже. Мы это прекрасно знали, потому и подначивали, но это было совершенно беззлобно, по-дружески. Мы четко знали, что в бою истребители наизнанку вывернутся, сами подставятся, но штурмовиков сохранят. Бывало, что истребители вместе с нами штурмовали (это если воздушного противника не было). Перед заходом смотришь, в стороне пара истребителей пикирует, зенитки бьет. Понимали, что, видать, ребятам было совсем тяжело бездельничать».

А вот характерный эпизод из воспоминаний летчика редкой в ту войну специальности — летчика разведывательно-корректировочной авиации Якова Ильича Борейко. Осенью 1943 года ему поставили задачу, которая «заклучалась в разведке перевозок войск по железной дороге от узловой станции Василевичи до станции Хойники, среднее удаление которых от линии фронта 45–50 километров. Каждый день в течение недели разведчик ранним утром в одно и то же время должен установить, сколько и каких эшелонов находятся на каждой станции и перегонах между ними, в каком направлении движутся. Сведения

докладывались в письменном виде немедленно после полета, для чего была указана площадка в районе штаба, на которую нужно было сбросить вымпел с данными разведки».

Эта шаблонность разведки закончилась тем, чем и должна была закончиться, — на шестом вылете немцы подловили Ил-2 лейтенанта Борейко. Но, как он вспоминает, «нас спасли от неминуемой гибели чужие истребители, прикрывавшие группу штурмовиков, наносивших удар по противнику на Лоевском плацдарме. Они атаковали пару FW-190, которая была сзади меня почти на дистанции открытого огня, а я в это время ничего не мог предпринять — ни скорости, ни высоты не было. Всякие маневры в таких случаях успеха не приносят, наоборот, сокращают дистанцию, подставляют самолет в выгодном для истребителей ракурсе. Мы вскочили в гущу штурмовиков и потом благополучно ушли по своему маршруту.

Вдруг совершенно неожиданно ко мне пристроился Як, да так близко, что при открытом фонаре я отчетливо видел лицо летчика, который постоянно покручивал пальцем у виска и показывал, что нужно следовать за группой штурмовиков. Я, в свою очередь, пытался изобразить, что мне нужно идти в другом направлении, что я не его подопечный. Пантомима не получилась, он следовал со мной до площадки сбрасывания вымпела и когда разобрался, что я чужой, сделал прощальное покачивание и ушел. Лицо летчика запомнилось, и если бы представилась возможность встретиться, я наверняка бы его узнал и поблагодарил за заботу, спасшую нам жизнь».

Конечно, во время войны было по-всякому, но то внимание, которое командование оказывало ударным самолетам ВС РККА, не могло не сказываться и на поведении наших летчиков-истребителей.

Я с искренним уважением отношусь к немцам — поверженным противникам наших отцов и дедов — с точки зрения их военных талантов и доблести. И если бы я не прочел ту гнусность, что написали эти американцы, то я бы и к Хартману относился так, как они о нем сказали в процитированном предисловии. Но я прочел их писания дальше предисловия, и Хартман предстал передо мною далеко не спортсменом, а **выдающимся трусливым бандитом**, который мог бы стать выдающимся асом, но не стал им.

Такую характеристику непросто объяснить, и я вынужден буду сначала описать ряд обстоятельств, которые, казалось бы, не имеют

прямого отношения к этому вопросу. Дело в том, что ведь у нас сегодня на 180° изменена мораль. В начале января 1999 г. подлый суд Москвы осудил на 4 года лагерей и принудительное лечение в психушке Андрея Соколова — русского патриота 20 лет. На судебно-психиатрической экспертизе врач задал ему вопрос — смог ли бы он отдать жизнь за Родину? Андрей, естественно, ответил утвердительно, и врачи записали в заключении: «Склонен к суициду», т. е. к самоубийству. А что — с точки зрения скотов, а не людей, смерть за Родину — это действительно самоубийство.

Так и с Хартманом. Летом 1944 г. он, уже известный ас (250 побед), удирал от преследовавших его американских истребителей и, не долетев 6 км (полминуты) до своего аэродрома (где его прикрыли бы зенитные орудия), он выпрыгнул с парашютом из исправного самолета. Попробуйте сказать, что он трусил, и толпа скотов, считающих смерть за Родину самоубийством, немедленно объявит, что он не трус, а умный человек, знающий, что жизнь дороже любой «железки».

Правда, скотам я все равно ничего не объясню, но попробую обойтись без подобных примеров.

Итак, почему Хартман мог бы стать выдающимся летчиком?

Во-первых, он с самолетом составлял одно целое. Еще в детстве мать брала его в полеты, а в 14 лет он уже был планеристом. Он утверждал, что для него самолет, как автомобиль, в воздухе его голова не была занята мыслями об управлении самолетом — тело само им управляло. Во-вторых. Он имел уникальную и очень ценную для летчика особенность — сверхострое зрение. Советские тактические наставления требовали, чтобы в улетающей на боевое задание группе самолетов был хотя бы один летчик с таким зрением, поскольку, как это утверждал сам Хартман: первый увидел — наполовину победил. Японцы специально заставляли своих летчиков часами, до изнеможения тренировать глаза, и некоторые достигали совершенства: могли днем увидеть на небе звезды. А Хартман острым зрением обладал от природы.

Вот эти два качества могли бы сделать из него летчика, которого можно было бы назвать выдающимся.

Теперь перейдем к более сложному вопросу — о его трусости. Повторим главное обстоятельство. Военная авиация существует для

того, чтобы уничтожать наземного противника. Ее главные самолеты — бомбардировщики. Они выполняют главную задачу — обеспечивают победу в боях, которые ведут наземные войска. Истребители защищают свои бомбардировщики от истребителей противника и не дают вражеским бомбардировщикам бомбить свои войска — в этом их **боевая задача**. И, как вы только что прочли у Голодникова и остальных, советских летчиков-истребителей могли и под суд отдать, если они бросили бы свои бомбардировщики. В этом плане интересен маленький эпизод из воспоминаний Т.П. Пунева: «В конце войны нас часто прикрывали полки из Сибири с невоевавшим летным составом (их перебросили, видимо, для получения боевого опыта), с ними были проблемы — то они от нас отстанут, то потеряют. Это от недостатка опыта. Увлекающиеся ребята были. Больно хотелось им кого-нибудь сбить. Бывало, отвлечет их одна группа, свяжет боем, а другая в это время нас атакует.

Лирическое отступление. Мы стояли в Кракове, и к нам пришел вот такой новый полк из Сибири на Ла-5. Все ребята молодые, без опыта. Ну, значит, знакомят нас друг с другом, ходим мы к ним в части, а они к нам. Ходят они по нашей стоянке (а у нас полк был элитный), у нас на самолетах обязательно то лев, то тигр нарисованы. У меня был «лев в прыжке». Так вот, ходят они по нашей стоянке и видят звезды нарисованные: «А это что?» — «Как что? Самолеты сбитые!» — «Как сбитые?! Бомбером?!» — «Да элементарно, пулеметами». Ходили-ходили, вдохновились истребители, что уж если «бомберы» немцев сбивают, то им сам Бог велел. Мы им говорим; «Завтра летим, вы уж смотрите, это дело серьезное». Все им рассказали, где и кто должен идти, где непосредственное прикрытие должно располагаться, где ударная группа и т. д. В общем — все.

На второй день полетели. Понимаем — дурни! Летим уже над фрицевской территорией, так он под самое крыло подлезает и показывает большой палец: мол, «Здорово!» Радиомолчание, только рукой ему машешь: «Иди отсюда!» Потом начали бить зенитки. Только мы истребителей и видели! Наступает самый важный момент, потому что как только перестанут бить зенитки, тут же следует атака немецких истребителей. Тут же! Как уж они договаривались, не знаю, но взаимодействие немецких зенитчиков и истребителей было великолепным. Так было и на этот раз. «Мессера» — в атаку, а наших

щелкоперов — никого! Прилетаем мы домой, собираем экипажи: «Ну пошли!» Пришли к истребителям и устроили им мордобой и выволочку, натурально».

Помимо защиты своих ударных самолетов, советское командование жестко наказывало истребителей и за то, что те дали отбомбиться немецким самолетам. А прочитав биографию Хартмана, который все время воевал только в 52-й эскадре (JG-52), приходишь к выводу, что как только он стал асом, то боевые задачи ему вообще перестали давать. Как в отношении других асов — понять сложно. Возможно, это зависело от них самих: имеет мужество — выполняет боевую задачу, не имеет — просто свободно охотится.

Но кроме асов в этой эскадре были и, так сказать, простые летчики, которые вряд ли могли отказаться от выполнения боевой задачи, — они летали сопровождать на бомбежку свои бомбардировщики, они атаковали советские бомбардировщики, которые бомбили немецкие войска. И они гибли в больших количествах. Вот, скажем, те же американцы пишут о боях под Курском: «Эрих летал очень часто. Каждый день гибли его товарищи. В тот же день, когда разбился Крупински, погибли еще 5 пилотов, или треть эскадрильи». Это было 5 июля — в день начала Курской битвы. Третья авиагруппа 52-й эскадры, в которой летал Хартман, помимо Крупински, потеряла еще двух асов, а всего за этот день она потеряла 10 самолетов и 6 летчиков из 40. А в первой авиагруппе командира группы аса майора И. Визе за этот день сбивали 5 раз, но он благополучно садился на вынужденную. Через неделю в первой авиагруппе 52-й эскадры уже было сбито половина пилотов, 9 погибли и деморализованное подразделение 12 июля отвели в тыл на переформирование. Хартману, как «свободному охотнику» было неизмеримо легче и безопаснее.

Во всей книге есть всего два момента, которые можно счесть за то, что Хартману дали боевое задание, и в обоих эпизодах он уклонился от его исполнения.

Первый раз это эпизод боев под Курском. Командир группы Храбак поставил Хартману задачу: «Основной прорыв здесь. Пикировщики Руделя зададут им жару. Защита пикировщиков и уничтожение русских истребителей является вашей главной задачей». Хартман чихнул на «главную задачу» и даже не пытался ее исполнить.

Он нашел штурмующие Ил-2, которые во время штурмовки рассыпают строй и становятся уязвимыми, незаметно подкрался к ним и атаковал. (И был сбит.)

Во втором эпизоде ему дали задачу не допустить бомбежки румынских нефтепромыслов американскими бомбардировщиками. Но те летели в плотном строю, и Хартман струсил их атаковать. Он напал на истребители сопровождения, не заметившие его и летевшие с дополнительными подвесными баками. На второй день он опять струсил атаковать бомбардировщики, но и американские истребители были начеку и загнали его до прыжка с парашютом, о котором я упомянул выше.

Во всех остальных эпизодах книги Хартман — свободный охотник и нападает только тогда, когда его безопасность более-менее гарантирована (о способе обеспечения этой безопасности — ниже).

Еще момент. На Западе немецкие истребители заставляли делать то, чего боялся Хартман, — атаковали строи американских и английских бомбардировщиков. Так вот, Хартмана дважды пытались перевести на Запад, но он дважды от этого уклонился, хотя и заявлял своим биографам, что ему «мысль, что бомбардировщики союзников летают над Германией днем и ночью, причиняла боль». Но ни эта «боль», ни то, что его родители и жена днем и ночью сидят в подвале под американскими бомбами, ни соблазн пересесть на реактивный истребитель его, уже кавалера Рыцарского креста с Дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, не заставили поменять свой статус «свободного охотника» Восточного фронта на возможность сбивать бомбардировщики союзников над родным домом.

Штаб не подтверждает

Отвлечемся на время от бомбардировщиков. Хартман летал практически исключительно над территорией, занятой немецкими войсками. Немецкие источники утверждают, что был приказ не посылать асов за линию фронта, да это подтверждается и биографией — из 14 вынужденных посадок Хартман только одну произвел на территории, занятой советскими войсками, и то — нечаянно. Факт

того, что Хартман летал только над своими войсками, в наших рассуждениях важен.

Вернемся к бомбардировщикам. Победы Хартмана заносились в его летную книжку с указанием даты и **типа** сбитого самолета. Но сохранилась только первая летная книжка с перечнем побед до 150-й. Вторую книжку с победами от 151-й до 352-й якобы украли американцы, которые тщательно ограбили Хартмана (сняв с него, в том числе, и наручные часы),^[5] когда он после капитуляции полез сдаваться к ним в плен. Поэтому последние 202 его победы биографы восстановили по другим источникам. Толивер и Констэбл пишут: «Данные об остальных победах Хартмана взяты из дневника JG-52 или его писем Урсуле Петч» невесте, а потом жене Хартмана). У меня сразу вопрос: а почему так сложно? Дневник боевых действий эскадры JG-52 — это официальный документ. Работники штаба получают награды от числа сбитых эскадрой самолетов, и можно быть на 100 % уверенным — они не забыли занести в дневник ни единого из сбитых Хартманом самолетов. К чему нужны его хвастливые письма невесте? А вот к чему. Взгляните на таблицу из книги Толивера и Констэбла.

Победа	Дата	Тип
151-153	15.12.43	
154-156	18.12.43	
157-159	20.12.43	
160	3.01.44	
161	6.01.44	Аэрокобра
162	6.01.44	Аэрокобра
163-165	9.01.44	
166-168	16.01.44	
169-172	17.01.44	
173-176	23.01.44	Ла-7
177	24.01.44	Ла-7
178-183	30.01.44	
184-185	31.01.44	
186-190	1.02.44	
191	3.02.44	

192	4.02.44	«Аэрокобра»
193-202	2.03.44	
203	23.04.44	
204-205	25.04.44	
206-207	26.04.44	
208	3.05.44	
209	4.05.44	
210-215	5.05.44	
216-221	7.05.44	
224-225	21.05.44	
226-228	29.05.44	Ла-7
229-231	31.05.44	«Аэрокобра»
232-237	1.06.44	
238-239	2.06.44	
240-243	3.06.44	
244-250	4.06.44	Як-9
251-256	5.06.44	
257-261	6.06.44	
262-266	24.06.44	«Мустанги»
267-290	26.06–23.08.44	
291-301	24.08.44	«Аэрокобра»
302-306	27.10.44	
307	8.11.44	
308-309	8.11.44	
310-311	12.11.44	
312-313	15.11.44	
314-315	16.11.44	
316	21.11.44	
317-322	22.11.44	
323-327	23.11.44	
328-331	24.11.44	
332	5.02.45	

333-346 6.02–27.02.45

347-351 4.04.45

352 8.05.45 Як-7

Как видите, без писем Урсуле не обойтись, поскольку в дневнике боевых действий эскадры JG-52 за Хартманом числится существенно меньше сбитых самолетов, чем он оповестил о них невесту.

Анализ дневника наводит на разные мысли, в том числе и что дневник — это документ штаба, данные из которого шли не доктору Геббельсу для пропаганды, а рейхсмаршалу Герингу для учета и оценки боевых возможностей ВВС РККА. Брехать в этих данных вряд ли было разрешено (хотя наверняка брехали), а вот доктор Геббельс брехать был обязан.

Отвлечемся. Герой Советского Союза летчик штурмовика Ил-2 Григорий Максимович Рябушко сделал за войну 111 боевых вылетов, лично сбил немецкий истребитель, но его самого немцы ни разу не сбили. Андрей Сухоруков его спросил:

«А.С. Как вы оцениваете надежность бронестекла, бронекорпуса?»

Г.Р. На мой взгляд, надежность брони высочайшая. Даже 20 мм снаряд из «эрликона» далеко не всегда пробивал. Бывало, после боя начинаешь смотреть в тех местах, где краска отлетела — е! — только вмятины да борозды. А простые пули из стрелкового оружия — это для бронекорпуса вообще ничто. Но, попаданий от простых пуль было относительно немного. В основном крупнокалиберные пули да малокалиберные снаряды.

От снарядов 20-мм авиационных пушек немецких истребителей бронекорпус тоже неплохо защищал.

Но тут надо учитывать, под каким углом попадал снаряд. Чем угол попадания был острее, тем вероятность пробития брони становилась меньше. Истребители противника и были опасны тем, что, атакуя сзади, подходили близко и начинали бить прямо в задний лист бронекорпуса. Снаряды при такой стрельбе попадают в броню под углом, близким — к прямому, тут, конечно, броня не выдерживает, пробивается, а за ней баки с горючим. Вот так.

Меня как-то раз атаковал истребитель (как потом рассказали ведомые — Vf-109), когда я выходил из пикирования. Дело было в Карелии в минутах 30 лета от аэродрома Вибица, на котором мы базировались. Мы четверкой бомбили мост через речку, я был

ведущим звена. И вот иду вверх, уже выхожу из атаки, как вдруг резкий удар в верхнюю броню, и это даже не взрыв, а такой звук интересный — как удар палкой по пустому ведру с треском рвущегося металла. На какую-то секунду я потерял сознание, но тут же очнулся и перевел машину в горизонтальный полет. Осматриваюсь — все ведомые на месте, попробовал с ними связаться по радию — не работает рация. Попробовал связаться со стрелком по СПУ — не работает. Оглянулся назад — живой, чертяка! Продолжаю осматриваться — у меня решето из плоскостей, левая стойка шасси выпала (прибор показал). Но двигатель работает нормально. Чувствую, что-то течет по шее и по спине. Перехватил ручку левой рукой, а правой потер, посмотрел — кровь. Оглядываюсь дальше — в верхней броне рваная дыра. Начал шевелить головой — накатила боль — затылок, шея и спина. Но летим потихоньку. Когда начали на посадку заходить, я рукой ведомым махнул — садитесь первыми. Полоса была узкая, и я понимал, что если я сяду первым, полосу займу, то ведомые уже не сядут. Стал на посадку заходить последним, даю шасси и щитки на выпуск — не выпускаются. Сажусь «на брюхо». На выравнивании (а это высота метра 1,5) потерял сознание, но приземлился. Как? Понятия не имею. «Ил» сам сел. Что интересно, мой стрелок уцелел, не пострадал ни при атаке «мессера», ни при посадке. А меня из кабины буквально выковыривали. Фонарь не могли открыть — корпус от удара сильно деформировался, и фонарь заклинило. Так притащили здоровенный кол и только им смогли сдвинуть фонарь. Я этого не видел, мне рассказывали. Я только в госпитале в себя пришел. В Беломорске. Провалился я там дней 25, а потом снова в полк, обратно воевать. Когда прибыл на аэродром, мне сразу мой «Ил» показали. Его, конечно, сразу списали и как стащили его с полосы, так и остался он лежать у границы аэродрома. «Иди, говорят, полюбуйся». 126 вмятин и пробоин от 20-мм снарядов и пулеметных пуль! И только один снаряд сумел пробить броню, да и то в кабину проникло совсем немного осколков, хотя снаряд разорвался почти у меня над головой.

Что касается бронестекла, то и оно тоже было очень надежным. На меня раз в лобовую атаку «мессер» зашел. Я как раз из пике выхожу и — оп! — вот он мне навстречу стреляет, только огоньки сверкают. Настолько неожиданно все получилось, что я даже на

гашетки нажать не успел. Он проскочил и смылся (испугался, наверно, больше моего). Перепутал штурмовик с кем-то. Обычно-то немецкий истребитель на «Ил» в лобовую в жизни не зайдет. Так вот, вклеил этот немец мне 20-мм снаряд в лобовое стекло. Так оно все только трещинами пошло, такой «паук в паутине» образовался. То же самое получилось, когда мне в лобовую броню снаряд от «эрликона» попал — только трещины. Нет, броня на штурмовике вещь очень стоящая и безусловно необходимая. Без брони штурмовика нет».

Заметим, что три немецких летчика по результатам снимков фотопулемета отчитались в сбитии Рябушко, хотя тот за войну ни разу не сел вне аэродрома. И Хартман, к примеру, рассказал американцам байку о том, что в июне 1944 г. он, израсходовав всего 120 патронов, сбил подряд три штурмовика Ил-2, которые штурмовали позиции немецкой артиллерии, т. е. находились над немецкой территорией. И, наверно, эти «илы» у него и были записаны в той летной книжечке, которую украли американцы, как 248, 249 и 250 сбитые самолеты.

Но в дневнике боевых действий JG-52 напротив записанных историками номеров сбитых самолетов Хартмана 244–250 в графе «Тип» сбитого самолета одиноко стоит «Як-9», реально зафиксированный штабом.

Объяснений такой разницы американцы не дают, и поэтому причину этого надо отыскивать самим. Все апологеты немецких асов с пеной у рта уверяют, что факт сбития немецким асом самолета, который записан ему в летную книжку, тщательно проверялся и подтверждался. Цитировать очень длинно, поэтому я апологетам перескажу своими словами, как «проверялся» факт сбития Хартманом 301-го самолета. 24 августа 1944 г. Хартман слетал утречком на охоту и, прилетев, сообщил, что у него уже не 290, а 296 побед над «Иванами». Покушал и снова полетел. За этим полетом следили по радиоразговорам, и Эрих не подвел — он по радио наговорил еще 5 побед. Итого стало 301. Когда он сел, на аэродроме уже были цветы, флаги, гирлянда ему на шею (как у нас Стаханова из забоя встречали), а утром следующего дня его вызвал командир JG-52 и сообщил: «Поздравляю! Фюрер наградил тебя Бриллиантами». И ни малейшего намека на то, что кто-то пытался проверить эту байку о том, что он в один день и в двух боях сбил 11 самолетов. А в дневнике боевых

действий за 24 августа штаб записал ему только «Аэрокобру». Одну. И все.

В связи с этим у меня возникает гипотеза. То, что 352 сбитых Хартманом самолета — это брехня, по-моему, уже всем должно быть ясно. В его летную книжку записывали все, что он придумает, или, в лучшем случае, те самолеты, по которым он стрелял, и что было зафиксировано фотопулеметом. Но **точную** цифру сбитых самолетов немцам-то ведь надо было знать!

Поэтому полагаю, что штаб JG-52 запрашивал у наземных войск подтверждения о сбитых самолетах (ведь Хартман сбивал над своей территорией, и наземные войска могли это подтвердить). Если сбитие подтверждалось, то наземные войска могли подтвердить и тип самолета. Тогда сбитый самолет заносился в список, и этот список штаба JG-52 посылался в штаб Люфтваффе. Но если сбития заявленного самолета или его обломков никто не видел, то такая «победа» отсылалась только в министерство пропаганды Геббельса. Я не вижу другого логичного объяснения.

Конечно, могли быть накладки, скажем, подбитый самолет дотянул до своей территории, упал в глухом месте, пехота не смогла определить его тип и т. д. И, наверное, Хартман сбил больше, чем проставлено в дневнике JG-52, но все же... В дневнике штаба из заявленных Хартманом 202 сбитых советских и американских самолетов ему проставлено всего лишь 11! Правда, в одном случае тип самолета стоит во множественном числе — «Мустанги». Хартман заявил их в этот день аж 5 штук. Даже если их все добавить, то будет 15. Негусто из 202 заявленных побед, не так ли? Это я погорячился, когда написал, что число побед Хартмана надо делить на 7,5. Делить-то надо на 20!

Но это не все, что из дневника боевых действий JG-52 можно выжать о Хартмане. Давайте представим себя на его месте и полетим вместо него вдоль линии фронта. Каких советских самолетов — бомбардировщиков или истребителей — мы встретим больше? Хартман попал на фронт в 1943 г., а с начала 1942 года по 9 мая 1945 года наша авиапромышленность произвела 44 тыс. истребителей и более 52 тыс. штурмовиков и бомбардировщиков. Получили от союзников около 11 тыс. истребителей и несколько более 3 тыс. бомбардировщиков. То есть, в общем количестве ВВС СССР

бомбардировщики составляли примерно 50 %. Тут, конечно, есть нюансы, но они взаимоисключающие: бомбардировщики чаще сбивались, поэтому в реальном строю их в процентах должно быть меньше, чем построено; зато истребители в системе ПВО были рассредоточены по всей стране и на фронте их было меньше. То есть, мы не сильно ошибемся, если предположим, что на месте Хартмана при полете вдоль линии фронта каждый второй встреченный нами советский самолет должен быть штурмовиком или бомбардировщиком.

Более того, урон немцам наносили именно штурмовики и бомбардировщики, следовательно, нас не должно было бы удивить, если бы в списке тех самолетов, по которым стрелял Белокурый рыцарь, защищая свой рейх, бомбардировщики составили 50 %. А истребители Хартман сбивал бы только те, которые мешали ему сбивать бомбардировщики.

А что было на самом деле?

В дневнике боевых действий JG-52 в графе «Тип» сбитого самолета на все 202 «победы» Хартмана нет ни одного бомбардировщика. В его летной книжке из 150 внесенных туда самолетов бомбардировщики составили: Ил-2 — 5; Пе-2 — 4; А-20 «Бостон» — 1; По-2 — 2 машины. Итого: 12 бомбардировщиков из 150, что составляет 8 %. Не 50 %, как полагалось бы иметь настоящему рыцарю, а всего 8!

Новосибирские исследователи очень скрупулезно исследовали боевую деятельность Александра Ивановича Покрышкина, проанализировав его дневники, боевые документы полка, воспоминания соратников, прочие источники, и пришли к выводу, что Покрышкин за время войны уничтожил 116 немецких самолетов: сбив 94, подбив 19, и 3 сжег на земле. Само по себе это количество меня не волнует, тем более что и сам Покрышкин, чисто русский человек, не придавал ему значения и никогда никому не собирался его доказывать. Русские никогда скальпов не снимали, ушей не отрезали и количеством убитых врагов никогда не хвастались. В данном случае важен расклад по типам самолетов, а его пропорция при любом количестве сбитых сохранится.

Покрышкин сбил 36 Me-109 и 3 ФВ-190, хотя последние истребителями можно считать лишь условно. Итого — 39

истребителей, или 41 % от всех сбитых. Остальные — бомбардировщики, штурмовики, разведчики и один самолет связи: Ю-8 — 723; Ю-88 — 18, Ме-110 — 4; Хеншель-129 — 1; Хеншель-126 — 4; «Шторх» — 1. Всего 51 самолет, или 54 %. И четыре транспортных самолета Ю-52.

Советский Союз за 1941–1945 годы построил 11 202 бомбардировщика Пе-2, а Хартман всего 4 раза по ним стрелял за всю войну. Это отчего так? Ответ — это опасное дело было Хартману не по плечу. А оно было опасное, летчик Пе-2 Т.П. Пунев вспоминает:

«Т.П. Пе-2 мог немецкому истребителю такое устроить, что мало не покажется. Элементарно. Скорость у «пешки», конечно, поменьше, но великолепная маневренность и возможность ведения всеракурсного огня шансы уравнивали. Огня штурманов и стрелков немецкому истребителю следовало реально бояться, поскольку их возможности его сбить были весьма велики, на мой взгляд, намного больше, чем у их летчика сбить «пешку» огнем курсовых пулеметов. Поэтому, если одиночный «мессер» или «фоккер» нападал на одиночную «пешку», то еще неизвестно было, кто кого завалит.

На «охоте» или разведке одиночная «пешка» уходила от истребителей довольно легко. В пике скорость набрал, и только они нас и видели. Главное, засечь их вовремя.

Если же ты их прозевал, то от пары истребителей на один Пе-2 можно было и отстреляться, отбив им охоту нападать. Запросто. Хорошо обученный экипаж, не супер, а просто хорошо обученный, на «пешке» большие шансы против пары истребителей имел.

Конечно, если количество немецких истребителей было больше пары, то у одиночной «пешки», шансы от них уйти были невелики. В отличие от атаки бомбардировщиков в строю, одиночную «пешку» можно атаковать со всех сторон.

Летал я как-то раз на «охоту», и «охотника» подловили. Дело было в 44-м, над Польшей. Как они меня гоняли! Пара «мессеров». Оторвались мы от них, кончилось у них горючее. Плюнули они на меня, сказали, видимо: «Черт с ним!» — и полетели домой. Но заколебали они меня так, что мы забыли, где мы. Полная потеря ориентировки. Заблудились откровенно.

А.С. Какой из истребителей, «мессер» или «фоккер», считался более опасным?

Т.П. «Фоккер». Он нес более тяжелое вооружение, он был быстрее. У меня сложилось впечатление, что он вообще был лучше «мессера». Только он поздно появился.

А.С. Сколько обычно немецких истребителей использовалось для атаки девятки Пе-2?

Т.П. Обычно от четверки до восьмерки. Иногда могло быть и больше, иногда меньше. Под конец войны могли и в одиночку на девятку кинуться. В основном количество немецких истребителей было кратно двум, поскольку основой строя немецкой истребительной авиации была пара.

Если бомбардировщик идет в жестком строю, где все друг друга прикрывают, то его (бомбардировщик) может атаковать не больше двух истребителей, поскольку у них (истребителей) ограничены направления атаки, т. е., сколько бы немцев не было, в таком бою противник твоего экипажа — это конкретная атакующая пара. Ну, а против пары Пе-2 хорошие шансы имел.

Большое количество истребителей опасно тем, что способно атаковать много и часто. Не успеешь одну пару отбить, уже вторая насаждает, а тут уже и третья, и так без конца. Не успел, «зазевался», и тебе кранты.

А.С. Для того чтобы сорвать бомбометание девятки Пе-2 сколько нужно истребителей?

Т.П. Много. Это потому, что надо сбить несколько бомбардировщиков.

Чтобы сорвать бомбометание девятки бомбардировщиков, нужно сбить ведущего этой девятки, а до него добраться можно только через ведомых. Это значит, что надо сбить двух-трех ведомых, а они своего ведущего прикрывают изо всех сил, поскольку штурман ведущего осуществляет основное прицеливание — это мозг группы, он вычисляет удар. Этот штурман даже оборонительного огня не ведет — целится. В случае с девяткой Пе-2 могу сказать, что там сбить ведущего вообще превращается в проблему, поскольку оборонительные возможности «пешки» очень высоки. Чтобы девятка Пе-2 ушла с курса, надо поразить не менее трех бомбардировщиков. Сбить девятку с курса необычайно сложно.

А.С. А бывало, чтобы у вас сбивали три самолета зараз?

Т.П. Бывало и шесть, но это удовольствие немцы имели только в первые два года войны.

В конце войны самое сильное истребительное противодействие мы имели при атаке венгерских нефтепромыслов. Эти районы немцы прикрывали истребителями очень здорово. Много их было. Там бывало, что за вылет мы теряли по две-три машины, но ведущего — очень редко».

Свои слова Тимофей Пантелеевич Пунев подтверждает собственной биографией. На Пе-2 он совершил 43 засчитанных боевых вылета и 9 «возвратов», т. е. 9 раз вернулся на аэродром с бомбами из-за неисправности самолета, либо потому, что цель была закрыта, скажем, туманом и т. д. В половине вылетов его Пе-2 атаковали немецкие истребители, члены его экипажа дважды были ранены, но его самолет ни разу не был сбит. Зато он курсовыми пулеметами сбил два немецких истребителя. А у нескольких экипажей его полка на счету было по 5 сбитых самолетов. Так что не случайно на «боевом счету» Хартмана так мало «пешек».

А видя, как воюют «асы», так же начинали воевать и остальные немецкие летчики, по крайней мере, большинство из них. Давайте вернемся на Курскую дугу. В первый период в небе над ней у немцев было абсолютное превосходство в воздухе. Это отмечают и немецкие ветераны, и ругань советских наземных войск в адрес своей авиации (истребителей) зафиксирована и в советских источниках. Это видно и по цифрам.

На северном фесе Курской дуги немецкий 8-й воздушный флот с 5 по 11 июля выполнил 8917 боевых вылетов, а противостоящая ему наша 16-я Воздушная армия — всего 6299. на южном фесе немецкий 8-й авиакорпус с 5 по 18 июля выполнил 15 114 боевых вылетов, а противостоящие ему 2-я и 17-я воздушные армии — в сумме всего 12 597.

Из потерянных самолетов, судьба которых была известна, 2-я воздушная армия потеряла 73 бомбардировщика сбитыми немецкими истребителями и 75 сббили немецкие зенитчики. Учитывая, что из них 124 самолета были штурмовиками Ил-2, которые летают у земли и сильно подвержены огню многочисленных у немцев 20-мм зенитных автоматов, то, казалось бы, так и должно быть. Но и из 129 сбитых

истребителей с известной судьбой 35 — сбиты немецкими зенитчиками.

У 17-й Воздушной армии такая же статистика: 64 самолета всех типов сбиты немецкими истребителями и 68 — зенитчиками. Из 37 сбитых истребителей 9 сбито зенитным огнем.

То есть немецкие истребители постоянно висели в воздухе, но потери от них не были определяющими не только для нашей ударной авиации, но и для истребителей. Более того, даже если наш самолет числился в сбитых немецким истребителем, то и в этом случае дело без участия зенитчиков могло и не обойтись. К примеру, три полка нашей 221-й бомбардировочной авиадивизии бомбили немцев с горизонтального полета с «Бостонов» — американских бомбардировщиков, летавших на большой высоте, плохо простреливаемой немецкими зенитками. Казалось бы, что у этой дивизии основные потери должны быть от немецких истребителей. Но, как следует из журнала боевых действий, из 35 потерянных самолетов 1 потерпел катастрофу при взлете, 26 сбиты зенитной артиллерией над целью и 8 сбиты истребителями. Но как! Скажем, капитан Маслиников «в районе цели подбит ЗА. Уходил на свою территорию на одном моторе, добит ИА противника. Один член экипажа выпрыгнул на парашюте». Или лейтенант Кондрашин «подбит ЗА, повторно атакован ИА. Вынужденная посадка в районе д. Хмелевое.

Три члена экипажа ранены, один пропал без вести». Или капитан Кондратов «подбит ИА в районе д. Хитрово при уходе от цели. Совершил вынужденную посадку».

Конечно, надо добивать подбитые зенитчиками самолеты, конечно, надо сбивать их даже тогда, когда они уже отбомбились и уходят от цели, но если истребители только этим и занимаются, то чего удивляться, что на Курской дуге «3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» после нескольких налетов советских штурмовиков в течение одного дня потеряла до 270 единиц боевой техники: танков, «самоходок», бронетранспортеров. Чтобы избежать больших потерь, немецким танковым частям пришлось перейти к рассредоточенным порядкам. А это существенно затрудняло управление войсками и замедляло всякое передвижение бронетехники».

И чего удивляться, что там же немецкие бомбардировщики сбрасывали бомбы, не долетев до советских войск, и делали это порою очень удачно. Скажем, 13 июля в 11 часов 20 минут неопознанная эскадрилья Хе-111 сбросила бомбы прямо на командный пункт 3-го танкового корпуса немцев. Погибло 5 офицеров (среди них командир 144-го гренадерского полка майор фон Биберштайн и командир батальона 6-й танковой дивизии кавалер Рыцарского креста капитан Екель), 15 унтер-офицеров и 56 военнослужащих было ранено.

Добавим к этому уже сказанное — немцы всех асов Восточного фронта забирали на Запад сбивать американские и английские бомбардировщики, но Хартман дважды от этого ускользнул. Остается сделать вывод: **Хартман как огня боялся атаковать бомбардировщики! Боялся всего, что связано с реальным риском для жизни!**

Бандит!

Так, может, все немецкие асы-«охотники» были такими же «рыцарями», как и Хартман? Не думаю, просто если у немцев и были настоящие рыцари, то они долго не жили, и записать на себя столько сбитых самолетов, сколько это сделал Хартман, просто не успевали. К примеру, Альфред Гриславски, у которого начинающий Хартман был ведомым. Гриславски специализировался на сбивании наших Ил-2. Для этого ему надо было прорваться сквозь строй наших истребителей и, преследуемому ими, бросаться на пулеметы бортовых стрелков Ил-2. И Гриславски это делал. Он был множество раз ранен, его постоянно сбивали. В один день его сбили 4 раза, он выпрыгивал с парашютом или шел на вынужденную посадку, пехота привозила его на аэродром, он садился в новый самолет и снова летел драться. Наконец он получил тяжелое ранение и был списан со 133 победами. (Да и то, судя по всему, липовыми.)

Хартман так воевать боялся!

И страх надоумил его на «собственную» тактику боя, которой он хвастается непрерывно, хотя она является общей для всех немцев. Он учит: «Если вы видите вражеский самолет, вы совсем не обязаны тут же бросаться на него и атаковать. Подождите и используйте все свои

выгоды. Оцените, какой строй и какую тактику они используют. Оцените, имеется ли у противника отбившийся или неопытный пилот. Такого пилота всегда видно в воздухе. Сбейте ЕГО. Гораздо полезнее поджечь только одного, чем ввязываться в 20-минутную карусель, ничего не добившись. Все вражеские пилоты увидят сбитый самолет, что окажет серьезное психологическое воздействие».

Прокомментирую: психологическое воздействие — вещь двоякая: храбрые от этого придут в ярость.

Эта его тактика означала следующее. Он, напоминая, был отличный пилот с особо острым зрением и советские самолеты замечал с такого расстояния, когда они его увидеть не могли. Заметив, куда они идут и в каком строю, он на большой высоте занимал такую позицию, чтобы можно было напасть на истребители сопровождения сзади, незаметно для них. Затем на большой скорости делал маневр, сближался и бил по не заметившему его истребителю. А так как с радиосвязью у нас дело было неважно, то подвергшийся нападению летчик не всегда мог предупредить товарищей. Поэтому у Хартмана часто была возможность ударить еще по нескольким. Но как только они его замечали, он немедленно удирал, а наши истребители, привязанные к сопровождаемым бомбардировщикам, преследовать его не могли. А на большом удалении он снова, незаметно для наших, маневрировал и снова получал возможность удара. И всегда по истребителям! Ведь если прорываться к бомбардировщикам, то наши истребители его заметят и атакуют. Хартман этого боялся: он, как шакал, нападал только на отставших и только внезапно. Сохранить свою паскудную жизнь для него было самым главным.

Он считал, что изобрел магическую формулу войны: «Эта магическая формула звучала так: «Увидел — решил — атаковал — оторвался». В более развернутом виде ее можно представить так: если ты увидел противника, реши, можно ли его атаковать, захватив врасплох; атакуй его; сразу после атаки отрывайся; отрывайся, если он заметил тебя до того, как ты нанес удар. Выжди, чтобы атаковать противника в удобных условиях, не позволяй завлечь себя в маневренный бой с противником, который тебя видит».

Заметьте, ему даже не важно, какой силы противник, если он тебя видит — надо удирать. Хартман, к примеру, хвастается таким боем. Он летел с ведомым у себя в тылу, и на них напал одинокий Як. Хартман

уклонился от удара, и они вдвоем попытались Як сбить. Но тот пошел один и другой раз в лобовую атаку на белокурого рыцаря рейха. Хартман сначала уклонялся, а потом с ведомым попросту удрал, а когда Як, потеряв их из виду, пошел домой, они догнали его, подкрались и сбили. Ну, спортсмен! Ну, рыцарь! Ну, джентльмен!

Представьте, что некий тип из-за угла глушит прохожих, а если оглушить не удастся, то сразу же удирает. А потом заявляет, что так как он оглушил 352 человека, то является чемпионом мира по боксу и какие-то там Покрышкин с Кожедубом, у которых едва по 60 побед нокаутом на ринге, ему и в подметки не годятся.

Причем, когда Хартман диктовал свои мемуары американским придуркам, он, видимо, веселился как мог. Всю книгу объяснял им, что его принцип — «ударил и убежал», что даже при двойном превосходстве в силах он удирает, но, когда ему потребовалось объяснить, почему он трусливо пересел со своего раскрашенного самолета на обычный, незаметного цвета, то он навесил американцам лапшу на уши типа того, что русские, увидев его раскрашенный самолет, удирали, и он никого не мог сбить. И американские придурки это старательно записали, а сегодня и наши придурки Хартману поддакивают. Кстати, Андрей Сухоруков задал Н.Г. Голодникову вопрос по поводу встречи Хартмана с Покрышкиным.

«А.С. Эрих Хартман признался, что дважды уклонялся от боя с А.И. Покрышкиным. Нет, право на время и место боя у Хартмана было, тут он приказа не нарушил, но сейчас в отношении такого поступка Хартмана существует две точки зрения: 1-я — Хартман трусил, а это никого не красит. 2-я — избежав этого весьма опасного боя с непредсказуемым концом, Хартман поступил правильно, поскольку на других участках фронта сбил множество советских самолетов, чем нанес противнику куда больший урон, чем даже если б он сбил одного Покрышкина. На ваш взгляд, какая точка зрения из этих двух правильна?»

Н.Г. Тут не может быть столь однозначных мнений, тут надо рассматривать ситуацию с двух позиций. Первая. Если в воздухе встретились «свободные охотники», там «пара против пары» или «шестерка против шестерки», то Хартман, безусловно, поступил правильно. Скорее всего, внезапно атаковать Хартман не имел возможности (не тот противник), а такая подготовка к маневренному

бою, какую имел Покрышкин, Хартману и не снилась. Вероятнее всего, уклоняясь от этого боя, Хартман просто верно оценил свои силы и возможности. Не готов он был для такого боя. У нас Сафонов несколько раз сбрасывал немцам вымпела, вызывая на бой любого из немецких асов, хоть Мюллера, хоть Шмидта, да хоть кого. На И-16! Они ни разу ему не ответили и ни разу в воздухе, в поединке, не встречались.

А.С. Что, кроме шуток, вымпелы бросал? Я думал, это легенда.

Н.Г. Нет, это не легенда, так и было. В самый центр аэродрома вымпелом попадал. «Вызываю в такое-то время, в таком-то районе, один на один». Ни один не согласился. В общем-то, понятно — зачем им это нужно? Он в групповом бою, что его «команда» затеет, заберется повыше и будет отбившихся сшибать. А «один на один» результат совершенно непредсказуемый, тем более немцы знали, что для маневренного боя с такими ведущими советскими асами, как Сафонов, подготовка у них недостаточна. Я же говорил, немцы вели войну очень расчетливо.

А.С. Вы сказали, что случай с Хартманом надо рассматривать с двух позиций, а какая вторая?

Н.Г. Вторая. Покрышкин не на свободной охоте, а сопровождает ударные самолеты (бомбардировщики или штурмовики) или район прикрывает. Покрышкин ведь всю войну во фронтовой авиации провоял, а они на охоту не часто летали. Обычно — на прикрытие района или на сопровождение бомбардировщиков. И, как ты понимаешь, элитный гвардейский полк — полк Покрышкина — абы кого прикрывать не пошлют и на второстепенное направление не поставят, наверняка поставят туда, где главный удар наносится. Так вот, в случае «Покрышкин прикрывает «бомберы», Хартман был ОБЯЗАН атаковать. Не Покрышкина, конечно, а бомбардировщики. Другое дело, что безнаказанно сбивать бомбардировщики Покрышкин просто не дал бы. Здесь, конечно, убежать Хартман не имел права. Могло быть и так — Покрышкин прикрывает район, а Хартман должен район расчистить для действия своих ударных самолетов. В этом случае тоже никуда не денешься — надо драться, убежать нельзя. Здесь, если Покрышкина боем не связать, то он «бомберы» в клочья порвет, что Покрышкин очень часто и делал. Так что все надо рассматривать в зависимости от ситуации».

Могут сказать, что все же Хартман, пусть и трусливо-бандитским способом, но сбил очень много наших летчиков, и неважно, как именно называется этот способ, ведь на войне важен результат. Это так. Но давайте задумаемся над результатом побед Хартмана.

Представим, что полк Ил-2 под прикрытием полка Ла-7 полетел штурмовать станцию разгрузки немецкой дивизии. А эскадрилья Хартмана с помощью своей «формулы» без потерь сбила у прикрытия 10 наших истребителей или пусть даже всех. Формально это достижение. А фактически? Полк штурмовиков на станции превратит в груды кровавого мяса полк немецкой пехоты. А то, что наши истребители понесли потери, — так ведь война без потерь не бывает, а истребители и предназначены для того, чтобы своей ценой защитить бомбардировщики. А вот если бы Хартман пусть и ценою потерь своей эскадрильи и, не трогая ни одного нашего истребителя, сбил все Ил-2, то полк немецкой пехоты был бы жив, а полк Ла-7 стал бы никому не нужен без бомбардировщиков.

Война ведь не спорт, тут нужна одна Победа на всех, а не голы, очки, секунды у каждого.

С какой стороны ни глянь — хоть с военной, хоть с моральной — не был Хартман ни рыцарем в полном смысле этого слова, ни спортсменом. Трусливый бандит, хотя и выдающийся. Не орел, а гриф-стервятник.

Мастер газовых атак

На этом можно было бы и закончить рассказ об этом рыцаре рейха, если бы этот подонок не нагородил кучу мерзостей о нас и нашей армии. Его, видите ли, в плену после войны заставили работать, и эта тварь выплеснула тонны лжи на наших отцов. Поэтому и возникла у меня мысль рассмотреть еще один его подвиг — побег из советского плена.

Я приведу очень длинную цитату из книги, описывающую пленение и побег рыцаря рейха, и в ней выделю слова, которые попрошу вас отметить в памяти:

«Истребитель легко сел и со скрежетом пробороzdил землю. Сейчас Эрих отсюда уберется. Он отстегнул парашют и приготовился

покинуть исковерканную машину. Нагнувшись к приборной панели, он начал отвинчивать бортовые часы. Строгий приказ требовал, чтобы все пилоты, пережившие аварийную посадку, забирали с собой этот ценный прибор. Бортовых часов не хватало.

Сражаясь с заржавевшими винтами, держащими часы, Эрих почувствовал, как его оставляет напряжение боя. «Проклятье, Эрих. Ты сегодня даже **не позавтракал**». Он оборвал монолог, так как краем глаза уловил какое-то движение сквозь запыленное стекло. Показался немецкий грузовик. Он почувствовал облегчение. Он не знал, как далеко пролетел на запад до посадки на брюхо, но германский грузовик узнал безошибочно. О пилотах люфтваффе, которые совершали посадку на русской территории, мало кто слышал снова. Он возобновил борьбу с часами и поднял голову, только когда скрипнули тормоза. То, что он увидел, **его перепугало**.

Два **огромных** солдата, выпрыгнувшие из кузова грузовика, были одеты в странную форму. Германские пехотинцы носили серо-зеленые мундиры. Мундиры этих солдат были желто-серыми.

Когда эти люди повернулись к разбившемуся истребителю, Эриха пробрал мороз, едва он увидел их лица. Это были **азиаты**.

Русские захватили германский грузовик и сейчас собирались прихватить и немецкого летчика. Эрих покрылся холодным потом, когда двое русских приблизились. Если он попытается бежать, они его пристрелят. Единственный выход — остаться на месте. Он может притвориться раненым. Он попытается убедить их, что получил контузию во время вынужденной посадки.

Он притворился потерявшим сознание, когда русские вспрыгнули на крыло и заглянули в кабину. Один из них просунул ему руки под мышки и попытался вытащить Эриха наружу. От русских **отвратительно воняло**. Эрих вскрикнул, как от боли, и продолжал кричать и всхлипывать. Русский отпустил его.

Два человека о чем-то переговорили между собой, потом обратились к Эриху.

«Камрад, камрад. Война финиш. Гитлер капут. Не волнуйся».

«Я ранен», — простонал Белокурый Рыцарь, показывая правой рукой на живот. Потом он прижал к животу обе руки. Через прикрытые веки он увидел, что **уловка удалась**.

Русские осторожно помогли ему выбраться из кокпита. Эрих стонал и всхлипывал, как настоящий актер. Он опустился на землю, словно ноги не держали его. Русские побежали к грузовику, сняли старый навес и положили «раненого» пилота **на сложенный брезент**. Они потащили его в кузов, как кучу **мокрого** белья, и осторожно подняли в кузов.

Солдаты пытались заговорить с Эрихом и держались достаточно дружелюбно. Они торжествовали, так как эта ночь принесла им большую победу. Эрих продолжал постанывать и хвататься за живот. Встревоженные русские, которые не могли унять его боль, привезли его в свой штаб в соседнюю деревню.

Появился доктор. Он знал несколько немецких слов и попытался провести осмотр. От доктора **пахло одеколоном**. Каждый раз, когда он дотрагивался до Эриха, тот вскрикивал. Поверил даже доктор. Схватившие его солдаты принесли несколько яблок. Эрих сделал вид, что **заставляет себя есть**. Затем он снова вскрикнул, словно все его тело пронизала ужасная боль после того, как он проглотил несколько кусочков яблока. Этот театр продолжался два часа. Затем те же самые два солдата положили его на брезент и понесли обратно к грузовику. Так как они направились на восток, дальше в русский тыл, Эрих понял, что ему нужно смываться. И как можно скорее. Иначе он проведет весь остаток войны в советском плену. Он оценил ситуацию. Грузовик уже проехал 2 мили в глубь русской территории. Один солдат сидел за рулем, **второй** находился **в кузове**, охраняя раненого немецкого пленного. Мысли Эриха мчались галопом. Но тут на западе показался характерный силуэт пикировщика Ju-87.

Немецкий пикировщик пролетел низко над землей. Грузовик затормозил и едва не свалился в канаву. Часовой в кузове испуганно уставился в небо. Тут Эрих вскочил на ноги и ударил его кулаком. Часовой ударился головой о кабину и рухнул на дно кузова.

Откинув задний борт, Эрих выпрыгнул в поле, заросшее высокими подсолнухами, по которому шла дорога. Как только он нырнул в заросли, скрип тормозов показал ему, что бегство замечено. Пригнувшись, он побежал дальше в поле. Эрих слышал треск винтовочных выстрелов и свист пуль над головой».

Тупые американцы заглотили эту байку, а мы давайте сэкономим время на обсуждении того, брехня это или нет. Зададимся вопросом —

это брехня выдумана от начала до конца или канва у нее реальна?

Думаю, что рассказ точен за исключением некоторых деталей, которые мы попробуем выяснить. Ведь Хартману пришлось рассказывать его сотни раз командирам и товарищам, и если бы он его выдумал полностью, то обязательно бы запутался.

Попутно отметим, что обязательным снаряжением немецкого летчика был пистолет, а летчики имеют сверхбыструю реакцию. Наших солдат было всего двое с винтовками — оружием, хорошим для боя на больших расстояниях. Пистолет Хартмана в этой ситуации имел преимущество: пулю большего останавливающего эффекта и скорострельность. Пока каждый из солдат сделал бы по выстрелу, Хартман сделал бы по ним 8 выстрелов из своего «вальтера». Но лицом к лицу с противником он не дерется, и к тому, что мы о нем уже знаем, этот эпизод ничего нового не добавил.

Теперь давайте подчистим мелкую брехню, которая прикрывает главную.

«Азиаты» с Хартманом говорят по-немецки?

Советские солдаты на третьем году войны называют фашистского летчика товарищем?! Азиаты, как и русские (или русские, как азиаты?), очень много работ считают лишними, и их принцип — никогда не делать лишней работы. А здесь они кладут Хартмана на брезент и так грузят в кузов из человеколюбия к фашисту?

Давайте подробнее об этой операции. Грузят тело человека в кузов так. Берут его под мышки и тащат до борта, затем, захватив одной рукой под руку, а другой под промежность, рывком поднимают, чтобы он лег на пол кузова или на борт (если его лень открыть) центром тяжести (на живот); а после этого забрасывают в кузов его ноги. Готово!

Теперь посмотрите на технологию, предложенную Хартманом. Если человека положить на брезент и поднять за оба конца полотнища, то тело сложится и получится что-то вроде мешка с центром тяжести в самом низу. Как такой мешок поднять на платформу кузова? Это надо, как штангисту, руки с краем полотнища поднимать вверх, что страшно неудобно, а для азиатов, которые обычно ниже европейцев, и невозможно. Значит, одному надо лезть в кузов, становиться на колени и попытаться захватить свой край полотнища, встать с ним и потом практически самому (второму надо поддерживать свой край) втягивать

тело в кузов. Чтобы азиаты (да и русские) делали такую дурную работу, требуются очень веские основания и не те, о которых сказал Хартман.

У человека около 5 литров крови, когда он ранен — она вытекает, одежда и руки, которыми он зажимает рану, окрашиваются кровью. У Хартмана крови не было, и все поверили, что он ранен?!

Чему поверил доктор, не видя ни крови, ни гематом? Или этот доктор за 2 года войны симулянтов не видел и поверил в какое-то необычное ранение? Хартман кричал от боли, а доктор ему даже морфия не впрыснул?

Короче, вся эта байка с ранением и с тем, что в нее поверили, шита белыми нитками.

Но остается факт — солдаты, видя, что перед ними крепкий мускулистый мужик, не приняли никаких мер безопасности — не связали его. Да, он стонал и делал вид, что не держится на ногах. Но ведь без крови и следов контузии это должно было вызвать еще большее подозрение, тем более у «азиатов». Да они бы его связали по рукам и ногам и еще бы для верности стукнули прикладом по «тыкве». А вместо этого солдат оставался в кузове с Хартманом один на один. При езде в пустом кузове по проселкам ничего, в том числе и винтовку, держать в руках невозможно — ими нужно держаться за борта, чтобы тебя не бросало по кузову. Почему этот солдат и без оружия не боялся, что Хартман на него нападет? Не боятся только тогда, когда чувствуют свое огромное преимущество, но физического преимущества не было, а криками о боли «азиатов» (и именно их), повторяю, не обмануть. Остается одно — солдаты презирали Хартмана до такой степени, что потеряли осторожность и перестали бояться.

Все сомнения сводятся к одному вопросу — что Хартман сделал такого, что вызвал презрение, превысившее чувство самосохранения? Валялся в ногах, плакал, унижался, кричал: «Гитлер капут, камрады»? Наверное, но вряд ли бы «азиаты» слишком поверили и этому.

Версию о том, что произошло, мне подсказал следующий факт. Во всей биографии Хартмана он ни разу не затрагивает тему запаха, хотя был он в разных местах и в разных обстоятельствах. А в эпизоде своего плена он дважды вспоминает (спустя десятилетия) о запахах. Причем, если в первом случае, допустим, он просто хотел оскорбить

солдат, то почему он держит в памяти, что от врача пахло не карболкой, а одеколоном?

Не знаю, прав ли я, но думаю, Хартману вбились в голову запахи оттого, что на протяжении всего этого события его преследовал какой-то запах, о котором он и говорить не может, и забыть его не в состоянии. Не имея возможности говорить об этом запахе, он говорит о других.

Давайте сведем вместе такие обстоятельства:

- врач не оказывает никакой помощи ценному «языку», офицеру;
- солдаты таскают его на брезенте, вместо того чтобы, подхватив под промежность, вбросить в кузов;
- его преследовал какой-то запах;
- о себе сказал, что его грузили, «как кучу мокрого белья», хотя белье никогда на брезенте не носят, откуда эта ассоциация — «мокрого»?
- солдаты презирали его до потери чувства осторожности;
- он описывает всех, как очень ласковых к нему, залятому врагу, — способ убедить всех в том, что к нему не было презрения;
- он зачем-то счел нужным вспомнить, что не завтракал.

Достаточно много вопросов, чтобы не попытаться объединить их одним ответом. Он такой. Когда Хартман неожиданно для себя увидел, что из грузовика выходят советские солдаты, то от страха с ним приключилась «медвежья болезнь». Думаю, что во фронтовых условиях это не столь уж редкое явление, хотя оно и не сильно украшает белокурого рыцаря Рейха. Во всяком случае, надо признать, что и эта тевтонская хитрость ему удалась. Счастливчик!

Возникает вопрос: почему немецкая пропаганда назначила в «герои» именно Хартмана? Думаю, что он подходил по внешним данным для ведомства Геббельса. Ведь что в тот момент требовалось? Нужно было, чтобы тысячи молодых немцев сели в самолеты и храбро ринулись на русских, нужен был пример того, что это не так уж и трудно, что русских можно бить пачками. Для примера нужен был молодой немец и, само собой, фотогеничный. Хартман подходил идеально.

Судя по всему, пропагандисты готовили нескольких «героев», но те слишком ответственно подошли к этому делу и погибли. Скажем, в Курской битве погиб Г. Штрассель, 25 лет. С начала войны по конец

1942 года у него при 150 боевых вылетах было 14 побед. Но перед Курской битвой из него явно начали делать героя: в июне 1943 года ему записали 18 побед, а с начала битвы — с 5 по 8 июля — ему записали 30 побед и довели счет до 67. (У Хартмана на 5 июля 1943 года числилось 15 побед с ноября 1942 года.) Поэтому не исключено, что Штрассель стал бы «лучшим асом мира», если бы его карьеру 8 июля не прервал капитан Силуков.

Свято место не бывает пусто, и героем начали делать Хартмана, разрешая этому трусу брехать о невероятном количестве побед.

Глава 8

БРЕХНЯ ОТ КОМПЛЕКСА НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Применительно к солдатам, да еще и потомкам барона Мюнхгаузена, эта тема, как вы понимаете, неисчерпаема. Поэтому я затрону только два момента, которые дают возможность сравнить, так сказать, порядки в Красной Армии и немецкой.

Шанцевый инструмент

Я уже упоминал книгу Пауля Кареля «Восточный фронт» и то, что фамилия Карель — на самом деле псевдоним бывшего исполнительного директора службы новостей III рейха, начальника пресс-службы Имперского министерства иностранных дел, оберштурмбаннфюрера СС Пауля Карла Шмидта. Назвать его книгу историческим трудом очень сложно и даже не потому, что она чересчур уж тенденциозна, а из-за невысокой культуры автора. Он, может, и хотел бы написать что-то серьезное, но по большей части плохо соображает, о чем он, собственно, пишет. Поэтому у него рядом с безусловными фактами соседствуют такие глупые «залепухи», что даже обижаться на него сложно.

Особенностью его труда является не только то, что он собрал многочисленные воспоминания немецких солдат и офицеров той войны, но и то, что Карель очень редко авторизовал их, то есть не сообщил, кто именно рассказал ему ту или иную историю. А эта анонимность позволяла его собеседникам фантазировать так, как они не посмели бы, если бы их заставили подписаться под их фантазиями. Поэтому, по сути, только у Кареля можно, к примеру, насладиться описанием полчищ монголов на Восточном фронте, другие немецкие авторы про них после войны как-то сразу забыли. Читаешь Кареля и просто видишь, как бравый немецкий ветеран, выпив за его счет пару

рюмок шнапса и полируя их кружкой пива, в благодарность за выпивку вешает бедному оберштурмбаннфюреру лапшу на уши.

Несколько лет десятки миллионов человек воевали друг с другом, и по теории вероятности в этом противостоянии могли произойти самые невероятные или нелепые случаи. Скажем, мой отец рассказывал, что у них в дивизии во время боя немецкие истребители штурмовали наши войска, в том числе и минометную батарею, которая вела огонь по немецкой пехоте. Минометчики попрятались в щели, но один сержант продолжал вести огонь — продолжал вбрасывать мины в ствол миномета, и в результате зашедший на штурмовку этой батареи немецкий самолет наткнулся в воздухе на одну из мин и был сбит. Достоверность этого случая подтверждается его уникальностью — никогда больше я не слышал, чтобы еще какой-нибудь самолет был сбит из миномета.

И когда я читаю у Кареля, к примеру, такое описание рукопашного боя: «С дюжину советских солдат подобрались к орудию Гедериха, в десяти метрах вскочили и бросились к нему. Гедерих со своими людьми отбивались **лопатками**, пистолетами, штыками. Четверо русских было убито. Трое или четверо скрылись в кустарнике. Лейтенант Гедерих получил ранение, как и весь расчет», — то, конечно, пожмешь плечами от того, что 12 красноармейцев, у которых на винтовках были штыки, не перекололи **в рукопашной** шестерых-семерых **немцев с лопатками** в руках, но один раз эти лопатки сами по себе не вызывают сомнений — чего не бывало! Но когда в описании рукопашных схваток раз за разом читаешь, что не штыки, а лопатки, были основным оружием немцев в рукопашном бою, то теперь уже вся достоверность этих боев становится сомнительной. А эти лопатки в рассказах немецких ветеранов — неременный атрибут: «Тем временем подтянулись батальоны пехотной дивизии СС «Рейх». Мотоциклетному батальону СС под командой Клингенберга перво-наперво предстояло прорваться через укрепленный рубеж в лесу сразу к западу от Истры на шоссе Волоколамск — Москва, удерживаемый частями знаменитой 78-й сибирской стрелковой дивизии. Известность солдаты этой дивизии получили вследствие того, что не только не брали пленных, но и сами никогда не сдавались. Немцам пришлось с гранатами и **лопатками** в руках брать в жестокой рукопашной дот за дотом. Мотоциклисты Клингенберга сражались с величайшей

храбростью, и многие молодые люди из войск СС отдали в том бою свои жизни». Или: «Перед ними в сумерках октябрьского вечера лежала Тула. Над городом поднимались клубы пыли и дыма. С гранатами, пистолетами и **лопатками** в руках солдаты прокладывали себе путь через позиции противника». Или: «Наконец наступающим удалось пробить брешь в сильных позициях сибиряков, и два пехотных полка из дивизии СС «Рейх» — «Дойчланд» и «Дер Фюрер» — пошли на прорыв. Стрелять времени не осталось — в ход пошли **лопатки** и винтовочные приклады. Немцы ударили на батарее сибиряков с тыла». (Немцы могли к винтовкам примкнуть штыки и с ними идти в рукопашную, но по рассказам храбрых немецких ветеранов они этого почему-то не делали, а вместо этого у них «в ход пошли **лопатки**». Почему лопатки, а не штыки?) Или вот: «Головная рота пробивалась через глубокий снег по обеим сторонам дороги к ближайшему селу и, действуя как штурмовое подразделение, атаковала противника узкими глубокими порядками. Атака начиналась с сосредоточенного минометного обстрела. Потом главным орудием становились ручные гранаты или — в рукопашной — **шанцевый инструмент**. Тем временем остальные роты расчищали дорогу технике. Таким образом, наша боевая группа напоминала медленно ползущего ошестившегося иглами ежа».

Примкнутый к винтовке штык — это наиболее эффективное в бою холодное оружие, это настоящее оружие, а лопатка — это эрзацоружие, это то, что можно использовать только тогда, когда, кроме зубов, уже совсем никакого оружия не осталось. Причем, штыков у немецкой пехоты было больше, чем винтовок, поскольку немецкий штык был ножом, и им вооружались все — включая пулеметчиков и автоматчиков. Но о собственно штыковых атаках немцев у Кареля практически нет никаких упоминаний — только «лопаточные» атаки! При этом, о лопатках пишется только в воспоминаниях ветеранов у Кареля, другие немецкие авторы о них не упоминают, а наши ветераны не помнят, чтобы немцы вообще ходили на них в рукопашную, тем более, с этими дурацкими лопатками. Пойти в атаку с лопаткой на нашего красноармейца, вооруженного винтовкой с примкнутым штыком, — это же безумие! Немец же своей лопаткой до него не достанет!

Потом, основное оружие немецкой пехоты — пятизарядная магазинная винтовка (карабин) или автомат. Действовать этим оружием можно только двумя руками. Если немец идет в рукопашную атаку с карабином даже без штыка, то он, по крайней мере, может раз пять выстрелить в тех красноармейцев, с которыми сближается, но если у него в руке еще и лопатка, то он же не сможет оставшейся рукой действовать винтовкой — не сможет стрелять! Красноармеец же вообще не даст ему к себе подойти на расстояние удара лопаткой и пристрелит еще до своего удара штыком. И, наконец, насколько серьезную рану можно нанести лопаткой? Тогда бы уже лучше рассказывали, что они на русских с топорами ходили в рукопашную — все ж более солидное оружие.

То есть, немецкие старички явно брешут, и возникает два вопроса: «откуда ноги растут» у этих лопаток — с чего вдруг про них заговорили, и зачем немецким ветеранам нужна эта наивная до глупости брехня?

У меня нет сомнений, что о лопатках вспомнили из рассказов немецких ветеранов Первой мировой войны, воевавших на Западном фронте с французами и англичанами. Та война очень быстро стала позиционной, причем, оборонительные позиции тех же французов к концу войны были беспрецедентны по своему инженерному обустройству. Вот как Р.Я. Малиновский, воевавший в те годы во Франции, описывает, что представляли собою передовые позиции французов.

«Утром прошли через городок Шалон, разбудив его жителей озорной солдатской песней. В городе свернули налево, пошли на Ля Вев и вскоре расположились в бараках Мурмелона. Там переночевали, связались с французами, занимавшими окопы на передовой позиции, и ночью выступили им на смену, проделав километров шесть по ходам сообщения, носившим громкие названия: «Центральный бульвар», «Бульвар святого Мартина», «Бульвар Сен-Жермен». Наконец стрелка указала: «Аванпост № 2». Туда, соблюдая особую тишину и маскировку, и направились пулеметчики.

...Траншею давно обжили. По глубокому дну ее были проложены деревянные решетки, а под решетками проходила канавка, по которой стекала во время дождя вода; правда, в низинах сток был плохой, и вода туда собиралась из всех окопов и траншей. Ее приходилось

вычерпывать, а она снова натекала, и траншея наполнялась белой и тягучей, похожей на сметану, жидкой грязью. Приходилось ходить по этой жиже, пока она не загустеет, тогда ее выбрасывали лопатами за бруствер. По стенкам траншей прикреплены планки с роликами, на которые натянуты телефонные провода. По решеткам на дне траншеи проложена миниатюрная узкоколейка для подвоза боеприпасов, пищи, дров, воды

...Французский капрал все старательно пояснил, указал расстояния до целей. Сдал по описи инвентарь поста: бочки с водой, дрова, провода, телефоны, матрацы, убежища. Кстати, убежища были оборудованы глубоко под землей. Вниз вели тридцать восемь ступенек; а там — крепкое дубовое крепление, как в шахте, по бокам деревянные клетки, обтянутые железной сеткой, а на них солдатские, матрацы. Это — койки. Для начальника пулемета даже отдельная комната с одной койкой, столом, сбитым из досок, запасом ручных гранат и патронов в лентах. Из убежища два выхода — один от начальника пулемета прямо в траншею к стрелкам и другой — из общего помещения к пулеметному, крытому, хорошо замаскированному гнезду.

— Ну, тут можно воевать! Это тебе не русский фронт, там, бывало, все на живую нитку, — поговаривали пулеметчики.

Аванпост № 2 представлял собой небольшой, хорошо укрепленный узел, выдвинутый от передовых траншей в сторону противника метров на триста — четыреста. С траншеями он соединялся отдельным крытым ходом сообщения. На аванпосту располагался пулемет под начальством Ивана Гринько и стрелковое отделение шестой роты».

То есть укрепления Первой мировой войны представляли собою подземные города, убежища которых располагались на глубине 6–8 метров (вниз вели тридцать восемь ступенек). Как брать такие позиции? Ну, забежит в атаке немецкая пехота на них сверху, а как выковырять французов из-под земли?

Вниз, во все эти крытые хода сообщения, траншеи и убежища немцы посылали штурмовые группы для действительно рукопашного боя. Но чем солдат этих групп вооружить? Винтовка со штыком совершенно не годилась, так как была длинной и цеплялась за стены узких ходов сообщений. И этих солдат вооружали десятизарядным

пистолетом «маузер». Но для стрельбы из пистолета достаточно одной руки, рационально было вооружить и вторую, но чем? Исходя из тактики схваток в таких узких местах, разумно было бы дать им в свободную руку артиллерийский бебут — нечто вроде короткого меча — или турецкий ятаган. Однако у военного министерства Германии до постановки на производство этого оружия из XIX века руки не дошли, и фронтовые немецкие офицеры, импровизируя, вооружали свободную руку солдат заточенными лопатками. Не потому вооружали, что это оружие, а потому, что больше нечем было. Ею, в случае чего, можно было ткнуть в лицо противнику или попробовать ударить по каске... Но, главное, лопатку можно было использовать по назначению — расширить заваленные ходы под землей.

Для комплектации немецких штурмовых групп набирали самых бесстрашных солдат — самых отъявленных головорезов, и благодаря им лопатка в немецкой армии стала символом солдатского бесстрашия. Пистолетами были вооружены многие, а вот пистолетом и лопаткой — только немецкие супермены. В понимании немецких солдат, драться лопаткой — это ох, как круто! Вот и возникла эта лопатка в воспоминаниях ветеранов Второй мировой, хотя ей в рукопашных схватках той войны совершенно не было места.

Второй вопрос — из чего у немецких ветеранов возникла потребность брехать про «лопаточные» схватки?

Да из того, что они побежденные. Были бы победителями, нужды брехать бы не было.

Они ведь, повторю, прекрасно знали, что их вместе со вшивой Европой 400 миллионов, а русских всего 190, они же понимали, что сами напали на нас, напали, но не победили! Разговоры про монгольские полчища, про морозы под Москвой в 58 градусов — все это хорошо, но для бедных умом. А для солдат оставалась единственная настоящая причина — не победили потому, что были менее мужественными, нежели русские. И для немецких солдат было очень важно забрехать именно это обстоятельство, поскольку немецкие ветераны не только понимали это, но они и видели это.

Дело в том, что, начиная с прусского короля Фридриха II, а, скорее всего, и раньше, принципом немецкой армии было уничтожение врага не холодным оружием, а огнем. До Первой мировой, немецкую пехоту, скорее всего, еще учили штыковому бою, по крайней мере мой дед в

штыковой атаке получил ранение штыком в живот, впрочем, от австрийца. Но перед Второй мировой тактика немцев совершенно не предусматривала никаких сближений с противником до расстояния рукопашной схватки и немецкую пехоту штыковому бою не учили. Все рукопашные схватки той войны навязывались немцам Красной Армией. Это было уже анахронизмом, это стоило нам огромной крови, но это было так, тут уж немецкие ветераны не ввали, когда описывали производимый на них эффект от русской атаки, к примеру: «Словно загипнотизированные, они взирали на приближавшуюся к ним бурую как земля стену из одетых в военную форму человеческих тел. Русские бежали ровными шеренгами, оцетинившись длинными штыками винтовок».

Надо сказать, что немцы абсолютно справедливо критиковали подобные методы боя.

«Хенерт знал, что делал. Он смотрел в бинокль и мог уже разглядеть лица русских, но все еще не давал приказа открыть огонь. Чем раньше он сделает это, тем быстрее русские залягут и отползут под прикрытие. Хенерт по опыту знал, что русских необходимо срезать разом — одним решительным ударом. Упорство их пехотных атак граничило с механической тупостью. Даже если десять пулеметов будут выкашивать их ряд за рядом, они все равно не остановятся. Они будут кричать свое «Ура!» и погибать под пулями.

Почему? Зачем? Взятые в плен офицеры и военнослужащие сержантского состава дали ответ на вопрос. В Красной Армии командир лично отвечал за срыв атаки. Соответственно, он будет вновь и вновь гнать солдат на убой, чтобы выполним, приказ. Это не означает, что ему не жалко своих людей, однако отношение к жизни бойца в Красной Армии иное, чем в вооруженных силах западных стран. Передовыми позициями, укрепленными пунктами или удобными в окружение частями пожертвуют без сомнения, если жертва эта окажется выгодной в стратегическом плане. С самого момента его призыва в армию советскому солдату говорят: главное — сойтись с противником в ближнем бою. Поэтому он всегда стремится к действиям именно такого характера и хорошо подготовлен для рукопашной схватки. На умение пользоваться штыком в период подготовки новобранца отводится значительная часть времени. В штыковой русские мастера. Они также обучены стрелять с колена и

лежа. А пользоваться лопаткой и винтовочным прикладом умеют ничуть не хуже, чем солдаты немецких штурмовых рот. В полевом уставе 1943 г. говорится: «Победу приносит только атака, начатая с безудержным стремлением уничтожить врага в ближнем бою». Вот в каком духе мыслили русские, устремляясь в атаку.

Лейтенант Хенерт, сидевший возле железнодорожной насыпи у села Кругловка, видел, как они идут. До противника оставалось всего 500 метров. И вот наконец Хенерт поднялся и прокричал:

— Длинными очередями!

Разом, точно свора голодных псов, затавкали немецкие пулеметы. Красноармейцы словно подкошенные падали на землю. На место мертвых и раненых первой волны вставали солдаты второй».

Да, в такие атаки немцы не ходили, да, в таких наших атаках немцы убили сотни тысяч русских, но ужас от этих атак у немцев оставался и, в конце концов, это все же русские оказались в Берлине, а не немцы в Москве. Вот этот комплекс неполноценности по части мужества, висел над немцами и заставлял их доказывать брехней про лопатки, что на самом деле они тоже могут, как русские, ходить в рукопашные — они тоже такие же храбрые.

Русский и немецкий подход

Однако в данном случае я привел этот интересный пример не только для показа этого немецкого комплекса неполноценности, но и для того, чтобы показать разницу в том, как воспринимается мюнхгаузеновская брехня немцами и русскими. Ведь эти рассказы про лопатки — это бред, тем не менее, с немецкой стороны его никто не собирается опровергать — немцами эта брехня воспринимается как должное.

А теперь я дам свой пример — русский.

Еще с детства, рассказы отца о войне были мне страшно интересны, но... они были неинтересны ему. Родной отец, а начинаешь вспоминать, так и получается, что почти все, что узнал о его участии в войне, узнал как-то случайно.

Сидят, скажем, как-то у дедушки, наверное, на Пасху (на пасху мы всегда ездили к дедушке) наша семья, дяди Лари и дяди Гриши —

мужа сводной сестры отца — тети Марии. Дядя Гриша — алкаш, ему много не надо. Поддал и почему-то вспомнил, как жил у бауэра в Германии, куда его подростком угнали немцы. Как ему там было голодно, так голодно, что даже какой-то мох начал расти на теле. Но говорил это таким тоном, что вроде он один на войне пострадал, а мой отец и дядя Ларик во время войны на курорте отдыхали. У дяди Гриши, судя по моим воспоминаниям, особой любви к отцу не было, и когда папа заметил ему, что и они с Илларионом во время войны не без дела были, дядя Гриша стал оскорблять отца, — дескать, ты всю войну в тылу просидел. Отец вспыхнул:

— Я одиннадцать раз ходил в атаку!

— Брешешь, — кричал дядя Гриша, — если бы ты одиннадцать раз ходил в атаку, тебя бы убили!

Вот и разница с немцами — тут и правду рассказываешь, а тебе все равно не верят!

Тогда скандал погасили, а я таким образом узнал, что отец 11 раз ходил в атаку. И дело не в том, что отец меланхолик или флегматик, нет. Он, скорее, сангвиник, но ни он, ни дядя Ларя, похоже, как-то не видели ничего особенного, ничего сверхординарного в своем участии в войне, не видели в войне ничего, чем стоит хвастаться. Дядя Ларик мог похвастаться, какую пару кабанчиков он сумел откормить и довольно подробно рассказать, как он их кормил. Но то, что у него орденов столько же, сколько и у отца, среди которых и орден «Славы» да еще и медаль «За отвагу» есть, я узнал совершенно случайно, когда мои кузины при мне искали какие-то документы и вытащили коробку с наградами дяди Иллариона.

— Папа, — спрашиваю я, — а ты немцев убивал на войне?

— Убивал.

— Много?

— ...Много...

— Лично убивал?

— Бывало и лично.

— А как?

— Да по-разному.

— А как все-таки?

— Не помню, отстань.

Но хотя я и подросток, но тактик, и начинаю делать обходной маневр, понимая, что и отец понимает, что он не может не помнить, как убил первого.

— А как ты убил первого?

Отец без энтузиазма начинает рассказывать...

Мне могут сказать, что это семья у меня такая — не боевая. Нет, это русский взгляд на войну, и русский характер. В подтверждение этого у меня имеется приличная статистика.

В газете «Дуэль», в июне 2000 года я обратился к советским ветеранам войны в статье «ЗА ДЕЛО, ВЕТЕРАНЫ!» с таким предложением.

«Совет ветеранов войны, труда, военной службы и пенсионеров района «Мещанский» г. Москвы сделал прекрасное дело, как я понимаю, по инициативе и под руководством одного из наших авторов, полковника запаса Евгения Алексеевича Богданова. Под его редакторством и при содействии Управы района «Мещанский» тиражом 2000 экземпляров выпущен сборник воспоминаний местных ветеранов о войне. Эка невидаль, скажете вы. А вот и невидаль! Этот сборник написан для собственных внуков — для детей школ района. До этого еще никто не додумался!

Ведь в школах нашу историю уродуют всякие кредеры, Соросы и прочие сволочи. А мы на это пялимся и только глазами моргаем: дескать, никто ничего не может сделать. А ветераны Мещанского района взяли и сделали!

А ведь это еще не вся польза от такого сборника. Ветераны умирают и уносят с собой истинные знания о войне, а мы потом пытаемся узнать о ней из книг писателей, многие из которых видели войну из глубокого тыла и, кроме этого, не понимают смысла действий на войне бойцов и командиров.

Но и это не все. Мало того, что наши дети мало знают о величайшем подвиге дедов, но если и знают, то относят это к каким-то другим дедам, а не к своим собственным. К тем, кого по телевизору и в кино показывают. А собственные деды вроде так — не в счет.

То, что сделали ветераны Мещанского района — это пример необычайной важности, пример, которому надо следовать немедленно всем советам ветеранов. Скажу цинично — пока вы еще живы.

Но только создавать подобные сборники надо без тех ошибок, которые допущены первопроходцами. Их две.

Вспоминайте для детей! У нас, у русских, есть достоинство и недостаток одновременно — скромность. Мы страшно боимся, чтобы нас не сочли хвастунами. Очень часто эта скромность уместна, но не в случае, когда вы рассказываете детям о войне! А ветераны Мещанского района написали воспоминания так суконно, что их только бывшие командиры и способны прочесть. Не только дети, взрослые не поймут, что же ветераны на войне делали, и зачем все это надо было.

Вот, к примеру, воспоминания Б.Н. Житова, бывшего командира пулеметного взвода, уже в войну умевшего написать, на мой взгляд, неплохие стихи. Пародирую: «прибыл на фронт, участвовал в боях», «из 120 бойцов нашей стрелковой роты осталось в строю 27 человек, из трех пулеметов в моем взводе остался один», «был тяжело ранен, прибыл на фронт, участвовал в боях, был ранен...» — и так четыре раза. И все. Уважаемый Борис Николаевич Житов! А вы зачем на войну ходили? Чтобы людей потерять и самому быть раненым? И только-то?! Вы почему ничего не рассказали, как не Вас, а как Вы немцев били?! **Когда вы пишете для детей, то ваша скромность хуже преступления!** Ведь они ничего не поймут, а надо, чтобы они захотели после Вашего рассказа быть, как Вы, а не как Рэмбо. Чтобы, прочитав ваш рассказ, бежали на улицу играть в командира пулеметного взвода! Нашего, советского пулеметного взвода!

И так написали почти все ветераны. Наш прекрасный автор В.В. Глуховский написал так серо, что хоть плачь! Ведь Вы детям писали, Василий Васильевич, как же можно было не рассказать им, как Вы стреляли, как от ваших выстрелов падали или хотя бы скрывались враги?

Это уже не скромность, это полное непонимание того, как у наших детей повернуть мозги.

Единственным, кто правильно понял, зачем он пишет воспоминания, оказался бывший матрос Амурской пограничной флотилии Алексей Сергеевич Кузнецов. Чтобы понятно было, о каких воспоминаниях для детей я пишу, дам его рассказ почти полностью:

«После взятия японских пограничных постов наш отряд получил задание — найти возможность для прохода боевой техники наших

войск по одной из дорог в горах Хингана. Выступили темной ночью, шли, в основном, по компасу. Достигли реки, которая оказалась одним из притоков реки Сунгари, вдоль которой наши войска устремились на город Харбин.

На берегу реки остановились, осмотрелись. Ни перехода, ни переправы на другой берег не было видно. Вскоре обнаружили стальной трос, перекинутый через речку. Решили, что это, возможно, трос для парома, хотя из-за темноты противоположный берег не был виден, да еще беспрерывно шел морозящий дождь.

Командир отряда принимает решение: послать вплавь на другой берег реки добровольцев с задачей — выяснить, есть ли паром, а если есть, то перегнать его на наш берег. Командир вызывает добровольцев — тишина, только река гудит. В это время года в Манчжурии сезон дождей, реки многоводны, течение в них быстрое. Плыть по такой реке ночью, в бурном потоке большой риск. Командир объясняет, что приказать в данных условиях он не может, так как еще не знает, кто из личного состава отряда хорошо плавает. Объяснил, что времени терять нельзя. Вызвал добровольцев вторично. Тогда вперед вышел я.

Вторым вызвался старшина Фокин. Мы зашли вверх по течению и сняли с себя все, что могло мешать плыть.

Первым в воду вошел я. Меня тут же сбilo с ног и понесло, как щепку. Несло меня в потоке воды минут двадцать. Я с трудом зацепился за противоположный берег, вылез на него и осторожно пошел в сторону, где, по моему представлению, мог находиться паром. Не доходя до места нахождения предполагаемого парома, я залег в низинке и стал дожидаться прихода Фокина. Приглядевшись, я увидел в полосах дождя контуры парома, а на фоне более светлой полосы горизонта сидящего на поваленном дереве человека. Человек явно дремал. Приблизившись, я различил у него на коленях винтовку — значит, часовой. Стал вести себя еще более осторожно. Прошло более получаса. Фокина все не было. Хо́да назад тоже. Беспокоила мысль, что если часовой дремлет, значит, скоро может быть смена, так как свежий часовой дремать не станет.

Время идет. В отряде ждут результатов нашей разведки. Решил действовать в одиночку. Эх, думаю, была — не была. Или грудь в крестах, или голова в кустах!

Подобрал увесистый камень и под шум дождя, босиком, подобрался к сидевшему сзади. Оглушив часового камнем, забрал у него винтовку и забрался на паром. Приспособления, которое накидывается на трос для перетяжки парома вручную, не нашел. Схватился за трос голыми руками. Потянул. Паром продолжал стоять, а все ладони были в крови. Трос оказался старым, часть стальных нитей лопнули и, как иголками, впивались в ладони. Догадался, что можно спустить рукава гимнастерки на ладони и их обшлагами братья за трос. Поднапрягся и сдвинул паром с места. Видно, недаром меня в отряде называли медведем.

Медленно, потихоньку перетянул паром до нашего берега, чему сам был очень рад, а мои товарищи довольны.

Командир отряда доложил по рации обстановку, объяснил причину нашей задержки, а также о том, что старшина Фокин не вернулся, но его документы и оружие в отряде. Отряд двинулся дальше по заданному маршруту.

За выполнение задания, связанного с риском для жизни, я был награжден медалью «За Отвагу». **Матрос Амурской пограничной флотилии А.С. Кузнецов».**

Вот такое воспоминание прочтет наш русский паренек и у него не сможет не зародиться мысль: «А зачем мне эти фантастические голливудские рембы, если у России есть абсолютно реальные Кузнецовы? И они не где-то, а в моем районе и живут в соседнем доме».

Вторая ошибка района «Мещанский» — это обращение ветеранов к детям в начале сборника. Оно хорошее, но не для данного момента. Ведь сегодня не только дети — взрослые одурачены. А ветераны обращаются к детям так, как будто эти дети все о войне и о СССР знают правильно. Пусть простят меня ветераны, но я предложил бы им такой вариант вступления.

«Ребята! Наша Россия не всегда была такая, как сегодня. 60 лет назад она была вдвое больше по территории и все мы (не только нынешние народы России, но и украинцы, белорусы, молдаване, грузины, армяне, азербайджанцы, казахи, туркмены, таджики, узбеки, литовцы, латыши, эстонцы) были братьями, а наша страна называлась Союзом Советских Социалистических Республик.

Называлась она так потому, что у нас в стране не было паразитов, которые бы грабили трудящегося человека, которые бы жили за счет других людей. Мы таких паразитов презирали, а наше государство их наказывало.

За это нас очень ненавидели в других странах, где паразиты, как сегодня в России, по закону считаются уважаемыми людьми. И паразиты в Англии, Франции, США и других странах решили натравить на нашу страну Германию и этим погубить.

А в Германии в 1933 г. к власти пришел А. Гитлер, который сумел убедить немцев, что они «высшая раса», и поэтому у них, немцев, должны быть в рабах люди «низшей расы». Такими людьми «низшей расы» немцы считали многих, в том числе и нас, — русских. Вместе с Гитлером немцы размечтались захватить нашу страну сначала до Урала и Каспийского моря, сократить население русских до уровня, необходимого для работ у них на полях и в шахтах, и заселить всю эту территорию немцами. Так что, ребята, если бы мы, ваши деды и прадеды, в той войне не устояли, то вы бы сегодня или вообще не родились, или уже работали бы на шахтах, так как немцы считали, что русским 4-х классов образования будет вполне достаточно.

Франция и Англия науськивали Гитлера на нас и в 1938 году отдали ему Австрию, Чехию и Словакию. Но Гитлер был себе на уме и СССР побаивался, поэтому он сначала (в 1939 г.) разгромил и захватил Польшу (которая в 1938 г. помогала ему захватить Чехословакию), а в 1940 г. напал на Францию и Англию и подчинил себе Францию полностью. Так что когда 22 июня 1941 г. немцы без объявления войны напали на нас, то им делала оружие почти вся Европа и в их войсках была собрана сволочь со всего мира. Достаточно сказать, что когда мы, наконец, разгромили Германию и разобрались с взятыми в ходе войны пленными, то оказалось, что вместе с немцами нас, советских людей, убивали и грабили венгры, румыны, чехи, словаки, итальянцы, французы, голландцы, финны, бельгийцы, датчане, испанцы, норвежцы и даже тогда нейтральные шведы. Всем хотелось русской земли и русских рабов. Немцы ликвидировали Польшу как государство, а поляков сделали своими рабами. Мы Польшу освободили. И что же? Оказалось, что вместе с немцами у нас в 1947 г. в плену сидит 60 280 поляков, которые сражались против нас. Немцы хотели со всей занятой ими территории СССР убрать всех евреев. И

что же? Оказалось, что вместе с напавшими на нас немцами мы взяли в плен 10 173 еврея в немецких мундирах.

А на нашей стороне были только честные люди Англии и США, которые по-настоящему вступили в войну всего за год до Победы — летом 1944 г.

Конечно, Советский Союз к войне готовился: подтянул к границе очень много наших войск, а 18 июня 1941 г., за три дня до нападения немцев наш Генеральный Штаб дал приказ привести эти войска в боевую готовность к отражению немецкого удара. Но командовавший нашими войсками в Белоруссии генерал Павлов предал — не привел войска в боевую готовность. И немцы здесь нанесли главный удар. Даже под командой предателя наши войска яростно сопротивлялись, но немцы быстро их окружали и рвались к Москве, заходя в тылы другим нашим фронтам и армиям.

Мы, советские люди, любили свою Родину, нам не нужны были ни чужие земли, ни рабы. Поэтому мы, конечно, так, как немцы, к войне не готовились, нам нужно было разозлиться и придти в боевую ярость. В связи с этим к всеобщему нашему горю немцы в начале войны добились больших успехов — они подошли к Москве, а летом 1942 г. — к Волге и вышли к Кавказу. Мы потеряли много людей, много заводов и много оружия. Но не сдались!!

А немцы были великолепными солдатами, не чета нынешнему НАТО. Они были храбрые, у них было самое тогда совершенное оружие и боевая техника. Если бы не наша Красная Армия и если бы не мы, то немецких солдат и их Армию надо было бы считать наилучшими в мире.

Польшу с ее Армией в 1,2 млн. человек они разгромили в две недели, причем поляки потеряли всего 60 тысяч солдат (т. е. 5 % от численности польской армии) и сдались. Французов немцы победили за месяц, французы потеряли всего 100 тыс. солдат из своей армии в 2,2 млн. человек (менее 5 %) и сдались.

Красная Армия на всей территории СССР насчитывала 5,1 млн. человек, а в ходе войны мы потеряли почти 10 млн. солдат, почти две Красные Армии, но не сдались!! Ради вас, ребята, не сдались.

И к 9 мая 1945 г. (выбив у немцев тоже две их Армии численности 1941 г.) мы добились их и всех их европейских холоуев в их же Берлине.

Так что, ребята, вам, внукам советских людей, не требуется брать пример со всех этих американских рейнджеров и рембо. Вам его есть с кого брать. Ваши деды и прадеды били даже немцев Гитлера, а гитлеровским солдатам эти рембо и в подметки не годятся».

Итак, ветераны Мещанского района Москвы начали и показали пример. Теперь всем советам ветеранов нужно сделать то же. Только не начинайте с воплей, что деньги нужны. Это в нашем случае не главное, и об этом ниже.

Сначала успейте сохранить воспоминания ветеранов, для чего обяжите каждого написать воспоминания именно для детей и обязательно с хорошо растолкованным **победным** эпизодом войны. Не было своего — опишите подвиг друга. Это главное!»

Затем я предложил ветеранам газету «Дуэль» для публикации их воспоминаний и летом 2001 года в пяти номерах дал объявление:

«ТОВАРИЩИ ВЕТЕРАНЫ! Еще раз обращаюсь к вам — подумайте о внуках и будущих поколениях! Ведь сегодня наши подростки берут пример с кого угодно — с каких-то вонючих Рэмбо и Шварценеггеров, но только не с вас. Оставьте же потомкам воспоминания о себе, но не слезливые жалобы о своих муках, а воспоминания о своих подвигах, о том, как вы собственным умом, мужеством, храбростью сумели в бою победить немцев, американцев и прочих душманов.

«Дуэль» и военный летчик, писатель Станислав Грибанов собирают воспоминания ветеранов для серии сборников «Только один бой». Мы просим вас описать один бой из вашей биографии, бой, в котором вы победили врага. Опишите подробно (чтобы подросткам было интересно), как вы это сделали, за счет чего одержали победу. Если не можете писать, надиктуйте детям, внукам.

Вы умираете, а от ваших подвигов ничего не остается, кроме брехливых мемуаров генералов. Дайте же возможность вашим потомкам гордиться вами! Лично вами, а не только всеми вами вместе.

К тексту воспоминаний приложите краткую справку о себе: когда и где родились, кем служили, кем работали (или работаете) после войны, где живете. Сделайте копию своей фронтовой фотографии. Не беспокойтесь о литературе и стиле — мы все это выправим.

Помогите друг другу в этом деле. За работу! «Дуэль» ждет от вас воспоминаний».

Мы получили довольно много воспоминаний, но каких! Большинство ветеранов начисто проигнорировали мое требование и не то, что не стали хвастаться боевыми победами, но и вообще и об этом предпочитали не писать. Причем, не писали и настоящие фронтовики, прошедшие десятки успешных боев. Вот, к примеру, Кирилл Константинович Берендс. У него 4 настоящие, не юбилейные боевые награды, да еще такие, что всем фронтовикам на зависть: от медали «За отвагу» до «боевика» — самой почетной военной награды — ордена Боевого Красного Знамени. Ему было о чем рассказать. Комбат полковой батареи Берендс умом и мужеством наверняка обеспечил уничтожение своей батареей вряд ли менее сотни крупных целей: пулеметов, минометов, пушек ПТО, немецких пехотных орудий, цепи атакующих немцев. А вы посмотрите, что он вспоминает.

«Началом этого боевого события стала наша Рава-Русская наступательная операция в июле 1944 г. на территории Западной Украины. Мне довелось быть ее участником: я тогда командовал полковой артиллерийской батареей 76-мм орудий, служил в 43-м Даурском стрелковом полку 106-й Забайкальской дивизии. Перед началом наступления наш исходный рубеж находился в тридцати километрах западнее Луцка.

Перевес в силе был на нашей стороне, поэтому мы успешно наступали и уже 22 июля достигли берега пограничной с Польшей реки Западный Буг. Несмотря на то, что к тому времени уже прошли три года войны, на границе многое напоминало о первых боевых днях прошлых лет: разрушенные постройки пограничной заставы, бывшие укрепления, глубокие воронки на земле и братские захоронения погибших пограничников и членов их семей. Сейчас близко от этого места вырос город угледобытчиков — Нововолыньск.

Без промедления мы форсировали Западный Буг и повели бой за первый для нас населенный пункт на польской земле (м. Крылув). Этот бой был коротким и жарким. «Чужая» земля с первого нашего шага по ней оказалась даже очень колючей. Последующие бои носили характер преследования нами отступающего к Висле противника. 2 августа мы дошли до берега Вислы. Судя по карте, в этом месте (населенный пункт Аннополь) должен был находиться мост через реку. Однако накануне ночью оттуда доносился грохот взрывов, ночное небо освещалось большим заревом.

На месте моста мы увидели одни только торчавшие из воды обуглившиеся сваи. Надежда на то, что мост цел, вызывала у многих командиров частей уверенность в быстрой переправе через водный рубеж. Поэтому вскоре на берегу скопилось очень много всего: пехота, артиллерия, танки, обоз. Настроение у многих уже было победное: пренебрежительно относились к мерам предосторожности и маскировки.

Противник же не дремал и, видимо, ждал подходящего момента: он обрушил на нас сильный огонь, за короткое время мы понесли большие потери, в том числе были уничтожены прибывшие средства для переправы (понтонные лодки, паром и др.).

В первых числах августа на подручных средствах нам удалось форсировать Вислу и захватить плацдарм: три километра по фронту и один километр в глубину. В летопись войны этот плацдарм вошел как Аннопольский.

Местность на плацдарме для нас была очень невыгодной: низкое и открытое пространство почти без растительности, местами заболоченное, и сыпучий песок, который затруднял, если не исключал полностью, возможность создавать укрытия и огневые позиции. За этой частью берега возвышалась гряда холмов, занятая противником. Поэтому он хорошо все видел перед собой и подвергал нас прицельному огню из минометов и пушек.

Перед нами стояла задача: как можно дольше всеми силами удерживать этот плацдарм с целью отвлечения на себя сил противника с других направлений (Варшава и Сандомирский плацдарм). Последний находился очень близко от нас: мы хорошо слышали артиллерийскую перестрелку, а по ночам видели трассирующие огни и вспышки ракет.

Чтобы выполнить поставленную задачу, на плацдарм были переправлены все минометы и пушки полковой и дивизионной артиллерии, за исключением гаубичных батарей артполка. Мы оказались на плацдарме заложниками. Отсутствие с нашей стороны активных боевых действий означало самоубийство. Это, видимо, хорошо понимал командир нашего полка подполковник Кузьма Константинович Драпов. Под его командованием наш полк предпринял дерзкую ночную атаку, но она еще в самом начале натолкнулась на очень сильный встречный огонь противника и

захлебнулась. Желаемой цели — улучшения занимаемых нами позиций — мы не достигли, потеряли убитым командира полка (похоронен в Луцке на мемориальном кладбище Героев прошлой войны).

В ночь на 30 августа противник сперва огнем подавил все наши огневые средства на восточном берегу Вислы, затем обрушил огонь на плацдарм: весь плацдарм был перепахан взрывами мин и снарядов, оборона разрушена, и мы понесли большие потери. По дороге к мосту с холмов спустились немецкие танки. И все же из последних сил, но мы сопротивлялись, хотя и были уже обречены на гибель.

К рассвету наступившего дня Аннопольский плацдарм перестал существовать. Живыми из тех, кто был на нем, остались очень немногие. Моя вина в том, что я уцелел, а вся моя батарея погибла. Прийти в себя после случившегося было трудно: эта «победа» далась нам большой ценой и небывалым подвигом!..

Ко мне подошел один из уцелевших батарейцев и положил передо мной «замок» одного из наших орудий: «...Это все, что осталось от них...» В своем донесении начарту полка я ходатайствовал о награждении, посмертно, всего орудийного расчета... Таким был тот, запомнившийся мне на всю жизнь «один бой» протяженностью от Буга до Вислы. О нем остались лишь воспоминания его участников и братские могилы наших воинов, павших в боях на польской земле».

И вот таких воспоминаний чуть ли не большинство! Я не выдержал и вновь обратился к ветеранам: «Товарищи ветераны! Ну, перестаньте ныть и выставлять подвигом то, как вам было плохо и трудно. Это подвиг, но ветеранским нытьем заполнены все остальные издания. Пишите не о том, как вас били, а о том, как вы били! И поподробнее, чтобы детям было понятно и интересно». После этого обращения ветераны меня же и обругали: «...я был очень удивлен, когда на такой порыв одного из тех солдат Вы, Ю.И., выступили с назиданием ветеранам войны — я имею в виду рассказ т. Берендса в № 1 «Дуэли» «Моя вина в том, что я уцелел». Как же так, Вы, человек, знающий ту войну, по-видимому, только по фильмам да по романам, пытаетесь «отечески» вразумлять солдат «сороковых-роковых», где была грань на той войне ДО и ЗА подвигом. Да и вообще, что можно считать подвигом, когда вся жизнь солдат на ТОЙ войне была за гранью возможного... получить отповедь «за нытье», подобно той, что

удостоился т. Берендс, просто несправедливо и обидно. Думаю, что Вы отбили охоту у многих фронтовиков-окопников рассказать о себе, как они шли к Победе. Ведь война — это не только одни подвиги, а непомерный ратный труд, что само по себе — подвиг».

Вот так! Вот и попробуй из этих русских сделать баронов Мюнхгаузенов. Не тот характер...

Глава 9

НЕМЕЦКОЕ И РУССКОЕ ОТНОШЕНИЕ К БРЕХНЕ

В этой главе я разберу брехню о практически одинаковых «подвигах» немца и русского. Причем, что характерно, оба «подвига» набрехали себе танкисты, и оба получили за них награды.

Начнем с немца

Прочел мемуары немецкого танкиста той войны Отто Кариуса, которые выпустило бедное на переводчиков и редакторов издательство «Центрполиграф» под названием «Тигры» в грязи». Как ни мерзок сам перевод его воспоминаний, но и из скурвленного «Центрполиграфом» видно, что Кариус (мужчина очень скромных размеров — весил около 40 кг, и ему дважды отказывали в приеме на службу по причине маленького веса) страдал комплексом неполноценности и очень хотел стать героем. Посему война была единственным ярким событием его жизни, детали ее он помнил прекрасно, кроме этого, видно, что он много думал о войне, и в результате его книга получилась довольно интересной не только за счет описания мельчайших подробностей многих боев, но и за счет размышлений самого Кариуса.

Надо сказать, что Кариус, начиная с 1942 года, воевал в очень известном у немцев 502-м батальоне тяжелых танков Т-VI («Тигр»). Это был первый батальон, вооруженный этими танками, который прибыл на советско-германский фронт, и Кариус, по сути, один из немногих танкистов этого батальона, оставшийся в живых. Он участвовал в очень многих боях с частями Красной Армии, получил не только Рыцарский крест, но и 27 июля 1944 года Отто Кариус получил к этому кресту Дубовые листья 535-м в вермахте.

Само собой, он описывает множество боев, в которых, как следует из его слов, он уничтожил уйму советских танков, пушек и солдат. Однако, как и в случае с лучшим немецким асом Э. Хартманом, чем

больше присматриваешься к его победам, тем меньше веришь в их численные результаты.

Вот, к примеру, он описывает бой с подразделениями советских войск, за которые он и получил Дубовые листья — награду, которую пожалуй стоило бы приравнять к званию Дважды Героя Советского Союза. Из его брехни следует, что тогда он проявил инициативу в должности командира роты «тигров».

«Я вел свою роту к деревне по только что разведанному маршруту. Затем мы остановились, и я обсудил операцию с командирами взводов и с командирами танков. То, что я им сказал, опять же сохранилось в моей памяти по сей день.

Мы действуем совершенно самостоятельно. Кроме того, ситуация абсолютно неясная. Для нас будет слишком опасно атаковать деревню в лоб. Мы должны выйти из этого дела без потерь, если такое вообще возможно. За деревней батальон самоходных орудий уже понес большие потери. Но с нами этого не случится! Мы организуем все следующим образом.

Два танка на полной скорости ворвутся в деревню и повергнут русских в замешательство. Нельзя дать им сделать ни одного выстрела. Лейтенант Нинштедт подтянет остальные шесть танков. Господин Нинштедт! Вы останетесь на противоположном склоне, пока я не дам вам дальнейших указаний. Будем надеяться, что ангел-хранитель радио не спит! Господин Нинштедт, это ваша первая операция с нами. Запомните, прежде всего, одну вещь: до тех пор пока не потеряешь выдержку, все идет нормально. Первыми двумя танками будут танк Кершера и мой. Все остальное решим по ходу дела. Что произойдет позднее, будет определяться тем, как станет развиваться ситуация.

Таким было наше краткое совещание по постановке задач, и это все, что требовалось. Затем я отвел своего «напарника по маршруту» в сторону и обсудил с ним все самое важное. Полнота успеха зависела от того, как мы ворвемся в деревню, точнее говоря, от фактора неожиданности.

— Я буду впереди, и оба мы продвинемся к центру деревни как можно быстрее, там определимся. Вы сориентируетесь к тылу, а я — к фронту. Затем мы позаботимся обо всем, что стоит на нашем пути. По моим расчетам, в деревне находится, по меньшей мере, одна рота, если остальная часть батальона русских не присоединилась к ней.

Я похлопал Кершера по плечу. После короткого «пошел!» мы уже сидели в своих танках. Быстро проверили радиосвязь и запустили моторы. В мгновение ока мы перевалили через небольшой подъем и оказались в пределах видимости русских. Мой первоклассный водитель Бареш выжал все, что мог, из нашего драндулета. Каждый из нас в этот момент осознавал, что только скорость была решающей. Оба русских танка, осуществлявшие прикрытие с нашей стороны, сначала совсем не прореагировали. Не было сделано ни выстрела. Я проехал прямо через центр деревни. Трудно передать, что произошло после, потому что события развивались внезапно и молниеносно.

Приблизившийся к деревне Кершер, который шел позади меня с интервалом примерно 150 м, заметил, что башни обоих русских танков двигаются. Он сразу же остановился и подбил и тот и другой. В то же мгновение я начал очищать от противника другой конец деревни.

Кершер приблизился ко мне и радировал, чтобы я посмотрел вправо. Танк «Иосиф Сталин» стоял бортом к нам рядом с гумном. Эту машину нам не доводилось прежде увидеть на северном участке фронта. Мы невольно вздрогнули, потому что танк был оснащен чрезвычайно длинной 122-мм пушкой.

Это была первая танковая пушка русских с дульным тормозом. Более того, танк «Иосиф Сталин» очертаниями немного походил на наш «королевский тигр». Не сразу, так же как и до Кершера, до меня дошло, что только ходовая часть типична для русских танков. Я выстрелил, и танк вспыхнул. После этой короткой заминки мы уничтожили все машины противника в деревне, как и было спланировано заранее.

Позднее мы с Кершером посмеялись, потому что на мгновение нам показалось, что перед нами «королевский тигр», захваченный русскими. Однако в пылу боя такие вещи иногда случаются.

Одновременно с тем, как открыл огонь по деревне, я велел лейтенанту Нинштадту медленно двигаться через возвышенность, чтобы при необходимости предупредить о подходе главных сил противника. Эта мера оказалась полезной для последующего хода операции.

Все предприятие в деревне не заняло и четверти часа. Лишь два русских танка попытались удрать на восток. Ни один из остальных не был в состоянии двигаться. После того как вся моя рота достигла

деревни и три танка заняли позицию по обеспечению прикрытия с ее восточной стороны, мы вылезли, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию».

Вот у меня и возник вопрос — а сколько советских танков было сожжено ротой Кариуса в этой деревне? Кариус уверяет, что очень много, но мне в это не верится по той простой причине, что Кариус не описывает их ответный огонь по своему танку. Ну, положим, два Т-34 вне деревни зазевались, поздно услышали гул моторов и лязг гусениц, но остальные-то после выстрелов Кершнера обязаны были открыть огонь хотя бы по танку Кариуса! Дело в том, что огонь противника — это признак доблести солдата, и Кариус до этого эпизода всегда об огне русских писал, даже в случаях, когда этот огонь не грозил ему смертельной опасностью. Вот, к примеру, типичное описание боя Кариусом.

«С помощью удачи и мастерства мы пересекли минное поле. Цветти ехал по следу моего танка. Мы были тогда прямо перед русскими и видели их одиночные окопы на переднем склоне. Затем мы дали нашей пехоте немного передышки. Цветти быстро разделался с двумя противотанковыми пушками, которые прикрывали минное поле.

Парни справа от нас теперь начали стрелять по нам прицельно из противотанковых ружей. Уже через короткое время не работал ни один смотровой прибор. Цветти безуспешно пытался обнаружить хотя бы одного из этих стрелков, но эти ребята все время меняли позицию, а потом молниеносно исчезали опять. Мы ориентировались по стрельбе, которая велась на протяжении всей длины траншей. Однако русские были настолько уверены в себе, что даже бросали ручные гранаты из своего укрытия. Когда мы немного продвинулись вперед, первый противотанковый снаряд просвистел у меня над головой. Казалось бессмысленным двигаться дальше вперед до тех пор, пока к нам не подтянется пехота. Так что мы стояли там несколько часов, не видя никого из наших товарищей. Они совсем не вылезали из своих окопов, потому что иваны контролировали весь район со своих деревьев. Нам даже пришлось задраить люки, поскольку мы боялись, что русские подстрелят нас сверху».

Так почему же он, описывая в общем-то безопасный для «тигров» огонь советских противотанковых ружей, ничего не пишет об ответном огне советских танков в этой деревне, который для его «тигра» был бы

смертоносным? Все советские танкисты мгновенно бросили свои танки и удрали, не сделав ни одного выстрела? Ну, тогда почему Кариус об этом не пишет?

Кроме этого, сомнения вызывает и такая «подробность».

«За короткое время, пока все это происходило, мои танки прикрытия заметили, что двое русских выбрались из одного из двух танков «Иосиф Сталин», которые успели отъехать на несколько сотен метров на восток. Они чрезвычайно умело двигались по местности, у одного из них под мышкой было что-то, похожее на планшет.

Один из моих «тигров» поехал за ним, но привез только планшет. Русский офицер в звании майора в последнюю минуту застрелился. Он был командиром 1-й бригады тяжелых танков, как мы узнали позднее. Его товарищ был смертельно ранен.

Майор был Героем Советского Союза и носил на груди орден Ленина. Я никогда раньше не видел вблизи этой награды».

Во-первых, знаком Героя является не орден Ленина, а Звезда Героя, то есть Кариус на самом деле никакого Героя Советского Союза, даже мертвого, не видел и своим читателям «вешает лапшу на уши».

Во-вторых, еще в 1942 году в РККА году все тяжелые танки были собраны из танковых бригад и сведены в тяжелые танковые полки прорыва, численностью в 21 танк КВ. Никаких других танков в этих полках не было, так как тяжелые танки не успевали за Т-34 и легкими танками. Поэтому рассказ Кариуса о том, что он встретил даже не полк, а батальон, в котором были и Т-34, и ИС-2, вызывает сомнение, как и то, что Кариус спутал ИС-2 с «королевским тигром». Конечно, можно было бы предположить, что Т-34 и ИС-2 были из разных частей и встретились в этой деревне случайно, если бы не откровенная брехня Кариуса о «1-й бригаде тяжелых танков». Гвардейские тяжелые танковые бригады, численностью в 65 танков ИС-2, начали формироваться в декабре 1944 года, а описываемый Кариусом бой происходил в июле, кроме этого, к 1944 году в Красной Армии уже было несколько десятков гвардейских танковых бригад и ни одна тяжелая танковая бригада по этой причине не могла иметь № 1.

То есть рассказ Кариуса — брехня, скорее всего, они в этой деревне сожгли два Т-34, находившихся в разведке или охране. Но посмотрите, как Кариус блестяще отчитался перед командованием 502-го батальона об этом бое.

«Я быстро проанализировал ситуацию и направил донесение в батальон. Мне была придана одна подвижная рация на бронетранспортере. Используя средневолновые радиочастоты, я сообщил командиру свое местонахождение и результат боевой операции (семнадцать подбитых танков «Иосиф Сталин» и пять «Т-34»»).

В 502-м батальоне никто не стал разоблачать брехню Кариуса, наоборот, ее в донесении батальона подправили, пытаясь придать ей более правдоподобный вид: «...2-я рота, которая последовала за 1-й ротой по дороге Дюна-бург — Извалта согласно приказу дивизии, получила новый боевой приказ у железнодорожной станции в Науене. Она повернула оттуда прямо на запад и двигалась через Кривани в направлении роззиттенской автодороги, чтобы выдвинуться по дороге к Виски. Незадолго до 13.00 она неожиданно повстречала двадцать тяжелых и сверхтяжелых танков противника — типа «Иосиф Сталин» и Т-34-85 у Малинова (4 километра от Кривани).

Лейтенант Кариус атаковал танки противника с марша, двигаясь впереди своей роты, а за ним последовали фельдфебель Кершер и лейтенант Нинштедт. Без всяких потерь у своих они уничтожили семнадцать вражеских танков с близкой дистанции с этими тремя «тиграми». Лично Кариус на своем танке подбил десять танков противника. Только трем вражеским танкам удалось скрыться на восток.

С этой ротой он затем очистил деревню Малиново и установил контакт с ротой самоходных артиллерийских установок, подходившей с севера.

...Успехи — подбиты 23 танка (17 Т-34-85, 6 танков «Иосиф Сталин»); уничтожены 6 тяжелых противотанковых орудий, несколько грузовиков».

Как видите, в штабе 502-го танкового батальона 17 уничтоженных танков ИС, заявленных Кариусом (ну «ваще»!), заменили на 17 более правдоподобных уничтоженных танков Т-34. В этом вымышленном бою танки Кариуса и Кершера, усилили и танком Нинштедта, но, главное, в своем донесении штаб убрал из этого района целый батальон немецких противотанкистов (свыше 50 самоходных орудий), чтобы не возникало вопросов, кто же это на самом деле подбил советские танки у Малиново. Ведь сам Кариус пишет, что еще до его

подхода, у Малиново уже был бой немецких противотанкистов с советскими танками («За деревней батальон самоходных орудий уже понес большие потери»). А в донесении 502-го танкового батальона, как видите, этот батальон противотанкистов сокращен до роты, и написано, что и эта рота подошла с севера только после того, как храбрый Кариус уже расправился со всеми советскими танками у деревни Малиново самостоятельно.

Уточнить эту историю с подвигом Кариуса помог курьезный случай. В Интернете довольно много моих критиков, причем довольно злобных. Все бы ничего, но они тем злее, чем глупее, поэтому от их критики нет реальной пользы. И вот в начале 2007 года на форуме сайта «Военная литература» некий Морозов организовал дискуссию на тему «Мухин — фальсификатор или спекулянт?». Полгода шла дискуссия на эту интересную тему, и в ней прозвучало 302 выступления как раз по достоверности моих выводов в вышеприведенном эпизоде с Кариусом. Этот Морозов со своим энтузиазмом доказать, что я или фальсификатор, или спекулянт, мне даже симпатичен стал — он ведь, не жалея ни денег, ни времени, несколько раз ездил в Подольский архив за документами (хвалю — молодец!), — так ему, бедному, хотелось опозорить Мухина и защитить честь немецкого героя, камрада Кариуса.

Ввиду отсутствия способности логически мыслить, Морозов автоматически удерживал дискуссию на крайне убогом уровне, но деваться было некуда. Привезенные им из архива документы об описываемом Кариусом бое и с советской стороны показали то, что и обязаны были показать, — Кариус нещадно брешет. Более того, я снова погорячился, когда подумал о немецком герое слишком хорошо, решив, что он в том бою подбил два танка, — его в том бою вообще не было. В тот день наши 41-я танковая бригада (танки Т-34) и 10-й танковый полк (танки ИС-2) 5-го танкового корпуса подошли с востока к Малиново, но «почувствовав реальную угрозу коммуникациям, противник спешно подбросил с направлений Шпоги, Двинск, сильные группы противотанковой и самоходной артиллерии, до двух полков пехоты 83 и 229 пд и при содействии авиации контратаками уничтожил вышедшие танки на шоссе и оттеснил 41 тбр из Малинова в район Дербаки. Высланный РО для захвата ст. Залуми не имея поддержки пехоты был уничтожен противотанковой артиллерией и

авиацией противника». (Из отчета 5-го танкового корпуса за июль месяц 1944 г.). Ни в этом отчете, как видите, ни в одном другом советском боевом документе, ни о каких танках «тигр» в районе Малиново в этот день ни не упоминается! Кариус не уничтожал русские танки в Малиново, поскольку их там и не было — около 12 Т-34 и 5 ИС-2 были подбиты к востоку от Малиново — на подходе к этой деревне. И подбиты они были самоходной артиллерией немцев, т. е. тем самым батальоном немецких противотанкистов, о которых Кариус написал, повторю: «За деревней батальон самоходных орудий уже понес большие потери». Герой приехал в деревню после боя, взял бинокль, встал на башню, сосчитал за околицей горящие советские танки и записал их себе в победу.

Здравомыслящий участник упомянутой дискуссии Gennadi рассказ Кариуса о своем подвиге резюмировал примерно так.

«1. Внезапная атака по шоссе медлительных «тигров», у которых рев двигателя и лязг гусениц слышны за 3–4 км, — это сама по себе большая дичь Кариуса. Налетели стремительно, понимаешь, как Ме-109!

2. Отсутствие ответного огня советских танков — еще большая дичь! ИС-2 и предназначались для уничтожения именно «тигров». Проиграли бой, но отбиваться-то были должны. Все советские танкисты побросали свои танки и разбежались? За такое полагался трибунал с вышкой, и тогда все на этот счет были грамотные. А будь ответный огонь — Кариус бы это непременно отметил, как всегда его отмечал, чтоб подчеркнуть свою доблесть».

Прерву **Gennadi**. Кариус пишет: «Нашими самыми опасными противниками в России были танки «Т-34» и «Т-34-85», которые были оснащены длинноствольными 76,2- и 85-мм пушками. Эти танки представляли для нас опасность уже на расстоянии 600 метров с фронта, 1500 метров с боков и 1800 метров с тыла. Если мы попадали в такой танк, то могли уничтожить его с 900 метров нашей 88-мм пушкой. Танк «Иосиф Сталин», с которым мы познакомились в 1944 году, как минимум, был равен «тигру». Он значительно выигрывал с точки зрения формы (так же как и «Т-34»)). 122-мм пушка ИС-2 была в полтора раза мощнее пушки «тигра» и ломала его броню на дистанции 2–2,5 км. **Gennadi** продолжает:

«3. Но абсолютная дичь — бой был якобы с «тиграми», а вот их-то как раз ни один советский участник боя и не заметил. А ведь Кариус упомянул, что вроде как пара советских танков сбежала с поля боя, так что рассказать о них было кому

За большие потери советским командирам как-то надо было оправдываться. Тяжелые потери от дальнобойных 88-мм пушек «тигров» — хоть и не абсолютное оправдание перед командованием, но это бы встретило у него какое-то понимание. Не будь «тигров» — не большим грехом для советских командиров было б их тут же выдумать. И уж тем более упоминание о реальных «тиграх» в журнале боевых действий бригады и полка обязано было быть. А там их нет!

Скорее всего, Кариус приехал, когда бой уже закончился, с досады пострелял по уже подбитым танкам — очень может быть, что действительно добил какой-то поврежденный ИС, уцелевшие члены экипажа которого пытались развернуть башню в его сторону. И отправил соответствующее донесение в штаб. Когда врешь, потом в пересказе детали путаешь. Сколько «набил» танков в донесении — Кариус запомнил, память у него неплохая. А вот количество ИС-ов и 34-к — перепутал. Поэтому Мухин, на мой взгляд, не прав, приписав Кариусу даже пару Т-34, замеченных тем на окраине. Не было их на счету Кариуса, и в этом единственный грех Мухина».

Но в данном случае не о Мухине речь. Оцените, с каким пониманием брехня Кариуса была встречена его командирами в 502-м танковом батальоне. Они не только не надавали Кариусу по тычке за эту брехню, но и сами оформили на него представление к награждению Дубовыми листьями! Немцы-с!

Совсем по-другому, приходилось крутиться мошенникам в Красной Армии.

Русское отношение к брехне

Должен предупредить читателей, что, кроме заключения, весь текст этой главы является дословным воспроизведением моих выступлений в Гагаринском суде Москвы при рассмотрении исков к газете «Дуэль» Брода и СЕИИВ в порядке статьи 152 ГК РФ. Дело в том, что в пункте 11 постановления № 3 Пленума Верховного Суда РФ

от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», указывается: «Судам необходимо иметь в виду, что в случае, когда сведения, по поводу которых возник спор, сообщены в ходе рассмотрения другого дела участвовавшими в нем лицами, а также свидетелями в отношении участвовавших в деле лиц, являлись доказательствами по этому делу и были оценены судом при вынесении решения, они не могут быть оспорены в порядке, предусмотренном статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, так как нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлен специальный порядок исследования и оценки данных доказательств». А учитывая мерзкую пакостность тех лиц, с которыми газете «Дуэль» приходится иметь дело, а также отсутствие правосудия в российских судах, эту предосторожность нельзя считать излишней.

Сначала в двух словах о предыстории этого дела.

В Москве под видом Московского бюро по правам человека подпольно действует филиал американской еврейско-расистской организации «Union of Councils for Soviet Jews», возглавляемый заграничным директором этой организации А. Бродом. Среди других преступных целей, они ставят себе цель задушить свободную прессу России бесконечной подачей на нее исков в суды, а поскольку эта работа оплачивается из-за рубежа, то непосредственные сутяжники на ней неплохо зарабатывают.

Понаблюдав за соучастниками Брода в суде, получив кое-какую информацию из прокуратуры, мы поняли, что происходит: Брод совмещает приятное с полезным. Дело в том, что деньги, которыми оплачивается подача заявлений в прокуратуру, иски в суды и дальнейшее сутяжничество, списываются Бродом в США, а там минимальная оплата адвоката 200 долларов в час. То есть, написав, к примеру, заявление в прокуратуру, можно объявить, что на его подготовку ушло 10 часов, и разложить по карманам соответственно минимум 2000 долларов. Точно так же раскладываются по карманам деньги за время пребывания в судах. Уважаемый суд и сам мог это заметить. К примеру.

Первые руководители организаций никогда не берут и не отмечают повестки в суде, поскольку, во-первых, им не перед кем отчитываться, а во-вторых, где бы они ни были, они всегда на рабочем месте. Брод — директор МБПЧ, тем не менее, его представитель в конце заседания суда 21 июня попросила секретаря суда выписать повестку Броду, хотя Брод заведомо в суд не собирался являться. Зачем ему повестка? Ответ один: Брод превратит эту повестку в деньги у своих начальников в США. То есть, соучастники Брода раскладывает по карманам, надо думать, хорошие деньги за сам факт подачи заявлений в прокуратуру и факт судебной суеты и чем дольше она длится, тем им выгоднее. Я думаю, что это самый приятный момент в их деятельности.

Душить газету «Дуэль» Брод начал с помощью своих пособников из расистского «Союза евреев инвалидов и ветеранов войны» — иски подавались от их имени, а руководил этим союзом М.Ф. Марьяновский — Герой Советского Союза. Когда мы поняли, кто и как атаковал «Дуэль», то я заинтересовался Марьяновским, поскольку недоумевал, как мог Герой Советского Союза презреть фронтовое интернациональное братство и организовывать союз из одних евреев, т. е. расистский союз. В еврейской прессе Марьяновский именовался не иначе как «легендарный танкист», поэтому я разыскал его собственный рассказ о своем подвиге и увидел, что в описании Марьяновского его подвиг является очень неумной выдумкой в стиле барона Мюнхгаузена.

Я написал об этом статью, послужившую предметом данного судебного разбирательства, и начал искать о Марьяновском дополнительные сведения. В частности, нашел воспоминания его студентов о нем и текст наградного листа, представлявшего его к званию Героя Советского Союза. Этот текст тоже оказался очередной и очень неумной фантазией. Но тут пришло сообщение о смерти Марьяновского, и я решил прекратить эту работу, раз уж Марьяновский сам не мог ответить на мои суждения о нем.

Но, как видите, сутяжники Брода решили заработать деньги и на памяти Марьяновского, подав иск якобы в защиту его чести и достоинства.

Перед началом слушания этого дела по существу, я обратился к суду с ходатайством не трепать имя покойного Марьяновского:

«Согласно статье 152 ГК РФ, защита чести и достоинства гражданина допускается и после его смерти, но в случае если посягательства на эти его нематериальные права тоже произошли после его смерти.

Однако до смерти, защита прав дееспособного гражданина осуществляется только по воле самого гражданина — либо им самим лично, либо его представителями по доверенности. Это естественно, ведь только сам гражданин может знать о своих чести и достоинстве такое, о чем другие и не догадываются. У гражданина могут быть серьезные основания, неизвестные даже близким родственникам, не подавать иск в суд.

И подача в суд иска о защите чести и достоинства по обстоятельствам, известным покойному, и по которым сам покойный иска не подавал, является циничным нарушением воли покойного.

В любом случае есть и формальная сторона дела. Статья, о которой идет речь в иске, была опубликована при жизни Марьяновского; если она его оскорбила, то, значит, он выдал доверенность на подачу иска своим представителям. Мы просим суд затребовать у истцов эту доверенность, подписанную Марьяновским, а если такой доверенности нет, то по основаниям пункта 4 статьи 222 просим суд оставить данное исковое заявление без рассмотрения».

Однако суд отклонил мое ходатайство, приняв во внимание доводы СЕИИВ и представителя О.Марьяновской о том, что они имеют право защищать честь покойного М.Ф. Марьяновского.

Тем самым, они заставили меня продолжить дальнейшее расследование «подвига» Марьяновского.

Судом был сделан запрос, назначался ли Марьяновский командовать батальоном в боях 24–28 июля 1944 года, и был получен ответ из Подольского архива, но этот ответ столь лаконичен, что из него невозможно сделать никаких определенных выводов, хотя нам этот ответ очень важен тем, что он сделан по запросу суда, и что это по запросу суда работники архива не нашли в документах бригады запрошенных сведений.

После получения этого ответа, я обратился в Подольский архив как историк с просьбой предоставить мне данные по боям 23-й гв. танковой бригады 27–28 июня 1944 года вместе со сведениями об офицерах, отличившихся в этом бою. Получил эти данные, а из них

выяснилось такое, о чем было сложно подозревать даже мне — историку, занимающемуся историей войны. Итак.

Капитан Марьяновский М.Ф. прибыл в 23-ю гв. танковую Ельнинскую бригаду как политрук, но должности политруков в бригаде были заняты, в частности, в первом танковом батальоне политруком был майор Четвериков. Поэтому капитан Марьяновский был назначен заместителем командира первого танкового батальона по строевой части. То есть, Марьяновский отвечал в батальоне за учет личного состава батальона и его дисциплину. Его участие в бою не предусматривалось должностью, и танка для участия в бою он не имел.

Когда я еще в прошлом году получил текст представления Марьяновского к званию Героя и увидел, что текст написан и подписан командиром первого танкового батальона майором Дзоценидзе, то, исходя из логики, решил, что Дзоценидзе это вновь назначенный комбат, взамен прежнего, убитого или раненного. Но из документов, полученных из архива, следовало, что гвардии майор Дзоценидзе Михаил Спиридонович служил в 23-й гв. танковой бригаде с 21 августа 1943 года по июнь 1944 года и был бессменным командиром ее первого танкового батальона, то есть, это он командовал батальоном в том бою, за командование батальоном в котором звание Героя получил Марьяновский.

Это сразу же зародило подозрение, что наградной лист, представлявший Марьяновского к званию Героя Советского Союза, является фиктивным.

Действительно, дальнейший анализ документов привел к выводу, что представление Марьяновского к званию Героя является фиктивным как по форме — **майор Дзоценидзе его не писал и не подписывал**, так и по сути — **никто не совершил того подвига, который описан в представлении**. Более того, косвенные доказательства дают понять, что Марьяновского в это время вообще не было на фронте, и он не то что не участвовал в этих боях, но и не видел их, а знает об этих боях только по чьим-то рассказам.

1. Формальные доказательства этих выводов таковы.

а) Если мы посмотрим на наградной лист, который являлся единственным документом, согласно которому Марьяновского включили в тот список Героев Советского Союза, которым было

присвоено это звание общим Указом Верховного Совета СССР от 24.03.1945 г., то увидим, что из восьми подписей, стоящих на наградном листе Марьяновского, заверена печатью только подпись командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-майора М. Пиробокова (эпизод 1). Ни подпись командира первого отдельного танкового батальона, ни подпись командира бригады, ни подпись командующего бронетанковыми войсками 49-й армии, ни подписи командующего этой армии и члена военного совета, ни подписи командующего 2-м Белорусским фронтом и члена Военного совета этого фронта, печатями не заверены.

Во время войны звание Героя присваивалось порою за 4–5 дней и при такой скорости можно было бы объяснить 1–2 незаверенные подписи в наградном листе или плохо поставленные печати. Но в случае с Марьяновским, от первой подписи на наградном листе до указа прошло почти девять месяцев, поэтому невозможно объяснить спешкой то, что 7 адъютантов из 8 не нашли времени поставить обязательную в таком случае печать на подпись своего начальника на документе, прошедшем через их руки. А это дает основание полагать, что либо все незаверенные печатью подписи, либо часть из них могут быть подделаны.

б) Таких косвенных признаков фиктивности этого наградного листа не один. Текст его таков:

«Выполняя поставленную командованием боевую задачу, тов. МАРЬЯНОВСКИЙ, командуя танковым батальоном, умелым обходным маневром вышел на шоссейную дорогу Могилев — Минск и отрезал пути отхода противника из Могилева. На своем танке тов. МАРЬЯНОВСКИЙ врезался в большую автоколонну противника, идущую из Могилева в Минск, и на протяжении 3 километров огнем и гусеницами танка разбил до 60 автомашин, 4 бронетранспортера, 5 орудий и уничтожил более 50 солдат и офицеров противника. Остальные танки последовали примеру своего командира.

Танкисты, перерезав шоссе, продвинулись до совхоза Казимирово. Противник пытался любой ценой отбросить наши части от шоссе и обеспечить себе выход на Минск. Тов. МАРЬЯНОВСКИЙ, несмотря на ранение, остался в строю, продолжая командовать танками — отражая многочисленные контратаки немцев, поддержанные танками.

Все контратаки противника были отражены. За время с 24 по 30 июня 1944 г. батальон под командованием т. МАРЬЯНОВСКОГО провел шесть боев, прошел в наступлении от реки Проня до реки Друть и форсировал ее. Всего за время этих боев батальоном нанесены противнику следующие потери: уничтожено и захвачено танков и самоходных орудий, автомашин более 1000, орудий разного калибра — 14, пулеметов 72. Противник оставил на поле боя свыше 1600 трупов своих солдат и офицеров. Лично сам из пистолета уничтожил 7 немцев».

Командир 1 ОТБ майор М.С. Дзоценидзе, несмотря на свою молодость, окончил полный курс Саратовского танкового училища, и к тому времени непрерывно воевал на фронте чуть ли не 3 года. Майор Дзоценидзе был самым боевым офицером бригады: он не только имел больше наград, чем кто-либо в бригаде, но и первый свой орден получил раньше, чем кто-либо из командного состава бригады. Причем, получил в июне 1942 года, когда награждали очень скупой, и получил сразу высший орден страны — орден Ленина, а такого ордена ни у кого в бригаде больше не было.

Гвардии майор Дзоценидзе был очень опытный танкист, и он не мог написать в наградном листе столько глупостей, малограмотных с военной точки зрения. Дело даже не в 7 немцах, якобы, лично убитых сидевшим в танке Марьяновским из пистолета.

Танкист не мог описать суть подвига Марьяновского так, как она описана в наградном листе (эпизод 2): «...командуя танковым батальоном... т. Марьяновский врезался в большую автоколонну противника, идущую из Могилева в Минск и на протяжении 3 километров огнем и гусеницами танка разбил... Остальные танки последовали примеру своего командира...»

Такой подвиг возможен только в кино, и только для одного танкового экипажа. А командир батальона в любом бою обязан построить батальон так, чтобы все его 20 танков имели возможность вести огонь по врагу, имели цели для ведения этого огня и были наименее уязвимы для ответного огня противника. Для командира батальона поступать иначе — преступно.

А в приписываемом Марьяновскому подвиге, он ведет все танки батальона по дороге за собой! Но при таком построении ни один из них не мог бы стрелять по немцам из-за своих идущих перед ним

танков, кроме этого, они все подвергались опасности быть уничтоженными уцелевшими солдатами противника, прячущимися за автомашинами, или единственной пушкой, стреляющей вдоль дороги. Ведь объезжая подбитый танк или автомобиль, танки подставляли бы этой пушке свои слабо защищенные борта. Подвиг, выдуманный Марьяновскому, является гибельным для своего батальона, и задача любого командира — не поставить вверенные ему войска в то положение, которые записано в подвиг Марьяновскому.

в) Еще. Посмотрите, к примеру, «Отчет о боевых действиях 23 отдельной гвардейской танковой Ельнинской бригады за период боевых действий с 23 июня по 15 июля», датированный 19 июля. В нем на странице 5 (эпизод 3) перечислены все танковые экипажи, отличившиеся в бою 27–28 июня. Это экипажи гвардии лейтенантов: Вербенко, Данчука, Долганова, Худякова и Наконечного. И все. О Долганове известно, что он посмертно награжден орденом Отечественной войны — всего вторым по старшинству военным орденом. А где же геройский экипаж Марьяновского? Получается, что в то время, когда командующий 49-й армией генерал-лейтенант Гришин якобы подписывал наградной лист о присвоении Марьяновскому звания Героя Советского Союза, в 23-й бригаде об этом подвиге Марьяновского никто ничего не знал и не слышал?!

Уважаемый суд! Это косвенные признаки фальсификации наградного листа, которые понятны специалистам — военным или историкам. Но в наградном листе есть и прямые доказательства его фиктивности, которые должны быть понятны любому.

г) Майор Дзоценидзе 3 июля 1944 года, сообщая, что Марьяновский вместо него командовал батальоном, ничего не сообщает о веской причине для этого — причине того, почему он сам не командовал вверенным ему, а не Марьяновскому, батальоном. Написав, что батальоном командовал Марьяновский, Дзоценидзе фактически признается в собственном дезертирстве с поля боя 24–30 июня, но ведь такое признание невозможно.

д) Посмотрите текст в наградном листе начиная с 4-й строчки снизу (эпизод 4): «за время с 24 по 30 июня 1944 года батальон под командованием т. Марьяновского провел шесть боев...». Но на обратной стороне стр. 38 журнала боевых действий 23 отдельной

гвардейской танковой Ельнинской бригады о бое 25 июня 1944 года записано следующее (эпизод 5).

«Переправившись через р. Бася, 1 ОТБ, не дожидаясь переправы остальных подразделений начал стремительное продвижение вперед. В 12.00 достиг зап. опушки рощи, восточ. Мал. Бушково 1,5 км. Впереди действовала разведка.

Части 110 пд. противника, удерживая заранее подготовленный для обороны рубеж Бол. Бушково, Мал. Бушково, пропустили разведку в глубину своих боевых порядков и там ее уничтожили. ГПЗ, следуя в удаление от ОРД, 800 м., не получая никаких данных от разведки, внезапно наталкивается на пр-ка в Бол. Бушково. Развертывается в боевой порядок и принимает бой, обеспечивая развертывание главных сил.

1-й ОТБ под командованием гвардии майора Дзоценидзе, под прикрытием боя ГПЗ с хода развертывается в боевой порядок и по приказу командира бригады атакует противника с задачей овладеть Бол. Бушково. Организованным огнем противник приостановил атаку б-на. К этому моменту подходят 2-й танковый б-н, под командованием гвардии майора Погодина, МСПБ, под командованием гвардии капитана Кролевец.

2-й ОТБ развертывается из-за левого фланга 1 ОТБ и совместно с ним в 14.30 овладевает Бол. Бушково, МСПБ к этому же времени овладел Мал. Бушково. Не прекращая натиска, бригада на плечах пр-ка форсирует р. Реста, овладевает Заречье и стремится развить успех в направлении Василевичи...»

Как же майор Дзоценидзе, лично командуя батальоном в этом трудном бою 25 июня, мог в наградном листе написать, что с 24 июня батальоном командовал Марьяновский?

Правда, в конце стр. 40, на нижнем поле, после точки в предложении «...ранено и убито 49 человек», в последующем кто-то дописал (эпизод 6): «в том числе ранены: к-р 1-го батальона гв. майор Дзоценидзе и к-р 2-го ОТБ гвардии майор Погодин». Но эта дописка ложная.

Во-первых. В журнале боевых действий отмечаются только такие ранения, которые оказывают влияние на боевые действия, к примеру, ведут к замене командира. Но якобы раненый майор Погодин был через день убит в бою, командуя своим 2-м батальоном, т. е. он не был

ранен, либо имел такую царапину, о которой не было смысла упоминать в журнале, тем более дописывать ее.

Во-вторых. Ранение в бою для офицера столь ценно, что равносильно награде. Скажем, маршал Рокоссовский на повседневном мундире не носил орденов, но нашивку за ранение носил всегда.

А мы получили из архива (эпизод 7) три учетно-послужные карточки Дзоценидзе, одна из которых велась минимум до 1946 года, т. е. всю войну, вторая с конца 40-х годов, и третья полузаполненная. В первой карточке в графе «Ранения и контузии» вписано: «**Не имеет**», — а в остальных карточках эта графа не заполнена. А это значит, что счастливчик майор Дзоценидзе во время войны не имел ранений и никогда не слышал о том, что он, оказывается, был ранен в бою 25 июня 1944 года.

Таким образом, приписка в журнале боевых действий является ложной и доказывает не ранение Дзоценидзе, а то, что в последующем кто-то, возможно, хотел создать видимость, что Дзоценидзе мог не командовать батальоном в последующих после 25 июня боях.

е) Далее. Во второй учетно-послужной карточке Дзоценидзе (эпизод 8) в пункте 12 точно указаны даты нахождения Дзоценидзе на фронтах. С 01.10.41 по 07.11.41 он воевал на Карельском фронте, с 07.11.41 по 20.10.42 он воевал на Волховском фронте и с 20.10.42 по 30.06.44 воевал на Западном фронте. То есть, к **1 июля 1944 года майора Дзоценидзе уже не было** не то, что в 23-й гв. танковой бригаде, но и на 2-м Белорусском фронте (бывшем Западном).

Как же мог Дзоценидзе написать и подписать наградной лист на капитана Марьяновского **3 июля 1944 года**, если его уже минимум три дня как не было в бригаде?

Таким образом, ряд косвенных и три прямых доказательства приводят к единственному выводу — наградной лист на присвоение Марьяновскому звания Героя Советского Союза является фиктивным.

Однако для законного обладания званием Героя Советского Союза, главным, все же, надо считать наличие самого подвига, а не подлинность наградного листа... Поэтому рассмотрим, соответствует ли описанная в наградном листе суть подвига Марьяновского тому, что происходило на самом деле?

2. Уважаемый суд! М.Ф. Марьяновский после войны всю жизнь преподавал студентам МАИ историю КПСС, то есть, объяснял им, что

все национальности России должны жить вместе, что нельзя никакой национальности выделять в отдельную кучку, что коммунистическое учение верно и всепобеждающее. Каждый год он объяснял это 5–6 новым группам студентов, которые знали, что он Герой Советского Союза и, можно не сомневаться, просили его рассказать, как он получил это звание. Таким образом, Марьяновского постоянно заставляли вспоминать о его подвиге, следовательно, он постоянно освежал в памяти его подробности и, значит, **нельзя его рассказ о своем подвиге объяснять старческой забывчивостью**, соответственно, этот рассказ не может не иметь доказательной силы. Тем более, что в своих главных элементах рассказ Марьяновского соответствует тексту наградного листа.

Как и в наградном листе, рассказ Марьяновского, который он дал сайту «Герои нашей страны» (эпизод 9), начинается с 24 июня 1944 года:

«Попытки нашей пехоты форсировать Днепр в верховьях, в районе Могилева были отбиты. Немцы засели на высоком правом берегу и подавляли любые намерения наших войск перейти реку. Смелчаков, которым удавалось выбраться на правый берег, расстреливали в упор. Вода в реке покраснела от крови. Наступление захлебывалось. И тогда командующий фронтом приказал бросить на помощь пехоте танки. Но сколько ни пытались саперы навести для боевых машин понтонные мосты, немецкая артиллерия разносила их в щепки. Мы уперлись в мощную оборону немцев, которую они возвели на Днепре за три года оккупации и названную ими «Восточным валом». Непреступную для советских войск, как об этом было объявлено. Этому стратегическому направлению фашисты придавали очень большое значение. За верховьем Днепра открывалась дорога в Польшу и Восточную Пруссию.

Время уходило. Обстановка ухудшалась и: требовала решительных и неординарных решений. Мне сообщили, что перехвачена шифровка Гитлера командующему могилевской группы войск генералу Мюллеру. Гитлер потребовал немедленного вывода немецких войск из Могилева на Минск. Осуществление этого приказа привело бы к многократному увеличению немецких войск в Минске и обернулось бы для нас дополнительными жертвами. Но Днепр в верховьях совсем не так широк, как в середине и низовьях, и птицы

его перелетают, и хороший пловец переплывет. А шестами промерили — не так и глубоковод.

И вот в самой гуще танкистов батальона родилась дерзкая идея: форсировать Днепр своим ходом по дну реки. Но «тридцатьчетверки» — все-таки полевые танки, а не амфибии, о которых, кстати, тогда и слыхом не слыхали. Выручила солдатская смекалка.

Знаете ли вы, что такое «сапун»? Это один из элементов танкового двигателя. Он засасывает воздух и подает его к мотору. Так вот, к сапунам прикрепили автомобильные резиновые камеры для того, чтобы они высывались над водой, и подстраховывали их поплавками из бревен, — чтоб не затонули. Теперь предстояло найти неглубокое место, где машины могли бы пройти по дну, и максимально скрытое от противника. Вскоре такое место было найдено. Но и этого оказалось мало. Следовало законопатить отверстия в танковых корпусах, закрыть дула пушек и пулеметных стволов. Танк, поднявшись на берег, должен сразу же открыть огонь. Ясно, пыжи-пробки для этого не годятся. Орудие, заткнутое пробкой, разорвало бы при первом выстреле. После недолгих споров решили дула пушек и пулеметов закрыть плотной промасленной бумагой, а отверстия в корпусах заткнуть паклей. Этого добра здесь оказалось вдоволь — в разобранном доме на берегу реки.

Под самое утро 27 июня, едва забрезжил рассвет, взвыли моторы, и танки двинулись к реке. Одна за другой машины вползали в реку и скрывались в ней. И только по деревянным поплавкам можно было проследить подводный путь танков. Они уверенно двигались вперед, приближаясь к правому берегу. И вот снова послышался нарастающий гул моторов... Показался зеленый камуфляжный ствол танковой пушки... И первая громадина — мокрый танк, облепленный водорослями, похожий на морское чудовище, выполз на берег. Не останавливаясь, развернулся и с ходу открыл огонь по ошалевшему противнику. А следом выполз и вступил в бой второй, третий, четвертый.

Весть о том, что танкисты перешли Днепр, распространилась мгновенно и вызвала у наших воинов восторг. С криками: «Ура-а!» они бросились в реку кто как: и на плавсредствах, и просто саженками, — помочь танкистам удержать и расширить отвоеванный кусок родной земли».

Эта часть рассказа предназначена для полностью некомпетентных людей, и, чтобы произвести на них впечатление, Марьяновский врет все, что в голову пришло, скажем, называет фамилию некоего немецкого генерала Мюллера. На самом деле Мюллер командовал гестапо, что всем известно из кинофильма «17 мгновений весны», а гарнизоном Могилева командовал генерал-майор Эрдмансдорф, защищавшей Могилев 12-й пехотной дивизией — генерал-лейтенант Бамлер, теми частями этой дивизии, которые вырвались из Могилева, — генерал-майор Энгель.

Но дело даже не в этом, а в том, что сам этот рассказ настолько безграмотен в военно-техническом отношении, что может быть объяснен только одним — Марьяновский не участвовал в этих боях. А когда попробовал кого-то расспросить, как 23-я танковая бригада форсировала Днепр, то собеседник поиздевался над Марьяновским и рассказал ему этот бред про подводные танки, и этот бред Марьяновский всю жизнь повторял.

На самом деле, в журнале боевых действий на стр. 41 записано (эпизод 10): «В течении ночи на 27 июня бригада производит технический осмотр материальной части и дозаправку ГСМ. В 12.00 начинает переправу через р. Днепр в районе сев. отм. 143,3 500 м. (Мост для танков был построен заранее.)

Косвенным подтверждением того, что Марьяновского в эти дни вообще не было в бригаде, является и то, что он ни словом не вспоминает о бое 25 июня за выход к Днепру. А ведь тот бой по ожесточенности и потерям сравним с боем 27 июня, а по длительности и трофеям намного превосходит бои 27–28 июня, поскольку 25 июня бой не прекращался 10 часов и бригада захватила 26 исправных немецких бронетранспортеров. Бронетранспортеры СССР не производил и очень в них нуждался, поэтому только за этот трофей уже могли присвоить звание Героя.

В описании боя 27 июня Марьяновский предельно лапидарен и чуть ли не слово в слово повторяет наградной лист (эпизод 11).

«Оценив обстановку, я повел батальон на шоссе Могилев — Минск. Мы перерезали его в тот момент, когда генерал Мюллер вытягивал свои войска на Минск. Удар наших танкистов оказался для немцев полной неожиданностью. Всеи своей мощью

«тридцатьчетверки» врезались в колонны врага, сокрушая огнем и сталью его живую силу и военную технику».

Из этого описания следует, что беспечные немцы спокойно ехали по дороге в Минск, а на них из-за придорожного куста внезапно напал Марьяновский со своим батальоном и, трах-бах, помчался вдоль дороги, три километра грома врага направо и налево.

Но самом деле, немцы были значительно более страшным и умным врагом, чем они выглядят в фантазиях Марьяновского.

Вот данные с немецкой стороны. Это опубликованный в книге «Немецкая мотопехота» панегирик кавалеру Рыцарского креста генерал-майору Штайнкеллеру, командовавшему элитной немецкой мотопехотной дивизией «Фельдхернхалле» («Цех полководцев»), которая в то время противостояла в том числе и 23-й гв. танковой бригаде.

«Около середины июня 1944 года пополнение дивизии техникой и личным составом было завершено. Сразу же начались обучение и тренировки, так что, когда 22 июня началось летнее наступление русских, дивизия была готова к любым действиям и незадолго до этого вошла в состав XXXIX армейского корпуса под командованием генерала Мартинека.

...Тем не менее фон Штайнкеллер... решил двигаться со своей дивизией по обе стороны шоссе Могилев — Минск в качестве арьергарда и отступать с боями. Генерал Мартинек, с которым он встретился вечером, такое решение одобрил.

Так мотопехотная дивизия «Цех полководцев» по своему собственному решению стала прикрывать отход по шоссе на Минск оставшихся подразделений другой германской дивизии».

Как видите, автодорога из Могилева на Минск охранялась элитными немецкими войсками, а в месте прорыва 23-й бригады к автодороге положение ухудшилось еще и тем, что эта немецкая дивизия заняла оборону вдоль естественного препятствия для танков — вдоль насыпей и дефиле железной дороги Могилев — Орша. Единственным удобным местом для преодоления танками железнодорожной насыпи был переезд № 10, располагавшийся в 12–15 километрах от автомобильной дороги Могилев — Минск. И именно с этого переезда и начался кровавый бой 23-й гвардейской танковой бригады по оседланию автодороги Могилев — Минск, бой, который

непрерывно длился 3,5 часа, а не трах-бах, как тот бой, который лично себе выдумал в подвиг Марьяновский.

Бригада шла к переезду колонной, первый танковый батальон был впереди, а от него была послана головная походная застава (ГПЗ) — взвод танков и взвод автоматчиков с отделением саперов на «Студебеккере». Задача заставы — предупредить колонну 23-й бригады о наличии врага, а если враг атакует, то попытаться задержать его, дав бригаде развернуться в боевые линии. ГПЗ командовал командир первой роты первого танкового батальона гвардии старший лейтенант Иван Васильевич Фотин, 1915 года рождения, которого в селе с неразборчивым названием Путятинского района Рязанской области ждала жена Евдокия Ивановна. Но не дождалась, поскольку в последовавших за этим боем боях гвардии старший лейтенант Фотин был убит. Так вот, днем 27 июня не Марьяновский, а старший лейтенант Фотин не стал выжидать подхода главных сил бригады, а смелым маневром своими малыми силами атаковал немецкую засаду на переезде.

В журнале боевых действий (обратная сторона стр.41) записано (эпизод 12):

«В 16.30 бригада приступила к выполнению поставленной задачи. Достигнув разъезда № 10, высланная вперед головная походная застава, начальник гвардии старший лейтенант Фотин, столкнулась с противником, старший лейтенант Фотин принимает решение с хода развернуться в боевой порядок и стремительной атакой сбить противника с занимаемого рубежа, обеспечив беспрепятственное продвижение главных сил. Атака ГПЗ, благодаря хорошему управлению была исключительно удачной, уничтожено танков Т-4 — 1, орудий ПТО — 2, автомашин — 5, ГПЗ потерь не имела».

Воспользовавшись подвигом старшего лейтенанта Фотина, бригада атакует подразделения элитной дивизии немцев, охранявшие автодорогу Могилев — Минск, и на пути к этой дороге выбивает немцев из деревень Жуково, Застенки и Пашково, и только к 19.00 выходит на южную окраину Пашково, от которой до дороги Могилев — Минск было еще около километра.

Здесь бригада выстраивает свои силы параллельно дороге (эпизод 13), и, как видно по тактическим знакам на схеме этого боя, оба танковых батальона бригады выдвигались от Пашково к дороге

Могилев-Минск рядом и уже в развернутом строю. То есть, каждый танк бригады сначала двигался немецкой колонне во фланг — поперек дороги, а не вдоль, как об этом написано в наградном листе Марьяновского. А приблизившись к колонне на 300–500 метров и заняв на этом расстоянии боевые позиции, танки, мотострелки и артиллерия бригады в течение часа расстреливали немецкие войска, двигавшиеся по автодороге, и только уничтожив их огнем, вышли на саму дорогу, оседлав ее, и только после этого развернулись на ней по направлению к Могилеву.

Журнал боевых действий (обратная сторона с. 41) повествует об этом бое так (эпизод 14).

«**Главные силы бригады, используя успех головной походной заставы, перешли в стремительное преследование и в 19.00 достигли юж. окр. Мал Пашково, ударом во фланг атакуют** и уничтожают двигающуюся колонну автомашин пр-ка с артиллерией в составе 250 автомашин, 15 орудий разных калибров и 2-х рот пехоты, по шоссе Могилев-Минск. В 20.00 бригада прочно седлает шоссе, поворачивает фронт на 90° и к 21.00 выходит на рубеж свх. Казамировка, дет Коммуна. В этом бою было тяжело ранен гвардии полковник Ершов, убит к-р 2-го батальона гвардии майор Погодин. Командование бригады принял на себя заместитель командира бригады по строевой части гвардии подполковник Копылов».

Как видите, в реальности не было ничего, что хотя бы как-то напоминало лживые фантазии Марьяновского и его наградного листа, — колонну на дороге атаковал не батальон под командованием Марьяновского, а вся бригада, и не внезапно, а после того, как бригада сначала пробилась к дороге в ходе жесткого и кровавого боя с элитной дивизией немцев. И танки не гусеницами давили автомашины, а расстреляли их во фланг из пушек и пулеметов. В результате этого непрерывно длившегося 3,5-часового боя бригада потеряла 4 танка, командира второго танкового батальона и, что особенно трагично, случилось впоследствии, командира бригады Ершова. Реальный подвиг бригады в сотни раз превосходит ложь Марьяновского о своем подвиге, и снова возникает вопрос, почему Марьяновский, фантазируя про семерых немцев, убитых им лично из пистолета, и про подводные танки, не описал то, что было на самом деле? Почему не написал, что бригада с боями 15 километров пробивалась к дороге? Ведь

реальность была более героической, нежели его глупые фантазии. Ответ напрашивается тот же — его не было в эти дни в бригаде, а когда он прибыл, то ему рассказали о трофеях, которые бригада взяла на дороге Могилев — Минск, но не рассказали, как эти трофеи были добыты, и он себе подвиг придумывал сам.

Далее Марьяновский о своем подвиге рассказывает следующее (эпизод 15).

«Однако, несмотря на огромные потери, фашистам удалось перегруппировать свои силы и подтянуть свежие войска. Развернулись тяжелейшие кровопролитные бои, которые продолжались несколько суток. В ходе этих боев враг предпринимал бешеные усилия, чтобы вырваться из стального кольца окружения.

В этих боях был тяжело ранен командир нашей танковой бригады полковник Ершов, убит командир второго батальона майор Погодин, погиб командир противотанковой батареи капитан Гапа. Был ранен и я. Но, к счастью, остался в строю. Командование 49-й армии, в составе которой находилась наша бригада, приказало все танки сосредоточить в первом батальоне и подчинить мне. Время шло, бои не утихали. В один из дней гитлеровцы пошли на чудовищное злодеяние. Из окрестных деревень они согнали на шоссе стариков, женщин и детей и погнали их, кричащих и плачущих, впереди своих войск. Они знали, что советские танкисты не будут стрелять по своим людям, и надеялись таким образом пробить брешь в советских войсках.

Эта картина потрясла наших воинов. Часть пехотинцев дрогнула. Я, боясь, что это может обернуться большой бедой, выскочил из танка, и мне удалось из горящей штабной машины выхватить гвардейское знамя бригады и высоко поднять его. В это время танковый взвод старшего лейтенанта Наконечного нанес внезапный удар с фланга и отсек советских людей от фашистских войск. Наши люди были спасены.

Поднятое мною гвардейское знамя вдохновило наших воинов. В едином порыве танкисты, пехотинцы, артиллеристы обрушились на врага. К исходу четвертого дня фашисты сдались.

За эти бои командование представило меня к званию Героя Советского Союза».

Эти «воспоминания» Марьяновского, по своей наивности пригодные только для тогдашнего журнала «Мурзилка», трудно

комментировать, хочу лишь обратить внимание, что всю жизнь Марьяновский полагал, что бой с вырвавшимися из Могилева немцами длился четыре дня и происходил в какой-то сельской местности с окрестными деревнями. Между тем от рубежа обороны бригады до Могилева оставалось всего 1000 метров (сейчас это квартал собственно Могилева) и все окрестные деревни уже заняли советские войска, а немцы цеплялись только за городские кварталы. Кроме этого, Марьяновский считал, что Погодин был убит, а Ершов ранен не во время прорыва к автодороге, а именно в этом четырехдневном бою, начавшемся 28 июня. И это несоответствие можно объяснить только тем, что Марьяновского в бригаде во время этого боя не было, а когда он приехал и узнал о потерях под Могилевом, то не озаботился уточнить, когда именно выбыли из строя Погодин и Ершов.

А сколько длился этот бой, станет ясно из Журнала боевых действий (эпизод 16) (обратная сторона стр.41 — стр.43 — обратная сторона стр. 43).

«Выйдя на рубеж Казимировка, дет. Коммуна, бригада в течение 2-х часов приводила после боя себя в порядок. Захваченные пленные показали: принадлежат 12 пд. Задача дивизии любой ценой пробиться в направлении Минск, главный удар по шоссе Могилев — Минск. На основании этих показаний к-р бригады решил прочно занять оборону и не дать противнику осуществить свой замысел. Во исполнение этого решения МСПБ выдвигается вперед танков на 200 метров.

Полностью организовать оборону, благодаря медлительности и недостаточной целеустремленности, не удалось. Резерва к-р бригады себе не создал. Ясный тактический замысел предстоящего боя намечен не был.

В 23.00 противник предпринял первую контратаку, которая была отражена огнем из всех видов оружия. Вслед за 1-й контратакой последовали еще 3, которые так же были отбиты. Характерной чертой является то, что разведчики бригады не могли дать точные данные о силе противника.

Противник, видя безвыходное положение, к месту боев стягивает до полутора полков пехоты, 13 танков 25 орудий разных калибров, 5 бронетранспортеров, в 4.00 28.06.44 года делает отчаянную попытку

прорвать образовавшееся кольцо и вывести из-под удара сзади двигающуюся колонну автомашин с различными военными грузами.

Бой начался с ружейно-пулеметной стрельбы, потом противник пустил танки и пехоту. Главный удар наносил в направлении шоссе Могилев — Минск. До 8.00 никакого успеха противник не имел. Атаки наталкивались на стойкость и мужество личного состава бригады. После 8.00 боеприпасы стали подходить к концу, подвести не было возможности ввиду того, что тылы далеко отстали. Танки и МСПБ постепенно стали пятиться назад. Противник усилил нажим. Только благодаря присутствию офицеров бригады порядок поддерживался. **Но, тем не менее, противнику частью сил удалось прорваться.** В этом бою был тяжело ранен зам. к-ра бригады по полит. части гвардии полковник Зеньков, к-р МСПБ гвардии к-н Кролевец и его начальник штаба гвардии старший лейтенант Козырев.

В 12.00 бригада соединилась с частями, наступающими от Могилева».

Как видите, Марьяновский до конца своей жизни не знал того, сколько длился этот бой, не знал, что он длился не 4 дня, а всего 4 часа. Не знал, что бригада вела его у окраины Могилева, не знал, когда бригада лишилась командира, а это еще одно свидетельство того, что его в эти дни вообще не было в бригаде.

А весь «подвиг», описанный в наградном листе Марьяновского, начисто отсутствовал, причем, отдельные элементы подвига действительно были совершены, но не Марьяновским. Это не Марьяновский, а Фотин, умелым маневром начал бой за дорогу Могилев — Минск. Это не Марьяновский, а полковник Ершов или подполковник Копылов атаковали немецкую автоколонну на этой дороге. И не силами батальона, а силами всей бригады, и не вдоль дороги, а поперек, и не гусеницами, а пушками. И не танк Марьяновского увлекал за собою остальные танки, а, скорее всего, танк майора Погодина. И не Марьяновский, размахивая знаменем, остановил отступающую бригаду, а полковник Зеньков, начальник штаба подполковник Прохоренко и комбат капитан Кролевец отвели ее в деревню Застенок в 4-х километрах от дороги. И, наконец, оседлать дорогу Могилев — Минск 23-й танковой бригаде **не удалось** ввиду закончившихся через четыре часа боя боеприпасов.

Становится понятным, почему наградной лист Марьяновского имеет столько признаков подделки, и почему в бригаде никто не знал, что Марьяновский представлен к званию Героя: описание его «подвига» в наградном листе является глупой ложью, которую нельзя было оглашать при реальных участниках этого боя.

Но вернемся в те дни.

Поскольку днем 27 июня бригада получила от командующего 49-й армии приказ (с. 41, эпизод 17): «...Двигаясь по маршруту Барсуки, Купел, Соколевка, разъезд № 10, Ново-Ольховка, Гай, Пашково, Мал. Пашково **оседлать важнейшую магистраль шоссе Могилев — Минск** и ударом по западной и юго-зап. окр. Могилев, содействовать частям, наступающим с востока, в овладение городом», — то получилось, что **бригада этот приказ не выполнила** — не оседлала дорогу и выпустила часть немцев из Могилева. Может и не большую часть, поскольку и комендант Могилева, и командир немецкой 12-й пехотной дивизии были пленены в Могилеве, тем не менее, окончательно 12-ю пехотную дивизию немцев удалось добить только на западе Белоруссии в г. Гродно.

Вина за невыполнение приказа частью ложится на командный состав бригады, о чем с горечью пишется и в журнале боевых действий (стр. 45, эпизод 18):

«Выводы:

1. План боя намечен не был, дрались без всякой тактической мысли.
2. Маневра (перегруппировки) в ходе боя осуществлено не было.
3. Резерв у командира бригады гв. подполковника Копылова отсутствовал».

А за невыполнение приказа не звание Героя Советского Союза присваивают, а под суд отдают. Однако в данном случае командование 49-й армии крутые меры принимать не стало, но и командный состав бригады за эти бои практически не был награжден.

Исключение составил командир 1-го танкового батальона майор Дзоценидзе, который приказом по 49-й армии от 20 июля 1944 награжден самым младшим орденом — орденом Красной Звезды. Но не ясно, было ли это за все бои Дзоценидзе по 28 июня, пока бригада еще находилась в составе 49-й армии, или командующий 49-й армией удовлетворил ранее поданное представление только за бой 25 июня.

В итоге.

Герой, пробивший бригаде путь к дороге Могилев — Минск, старший лейтенант Иван Васильевич Фотин, русский по национальности, не был награжден.

Комбриг, Ершов Иван Николаевич, тяжело раненный в бою, русский по национальности, не был награжден.

Комиссар Зиньков Михаил Иванович, тяжело раненный в бою 28 июня, русский, не был награжден.

Начальник штаба бригады Прохоренко Иван Михайлович, белорус, не был награжден.

Заместитель комбрига Копылов Борис Сергеевич, русский, не был награжден

Учитель, призванный с началом войны в армию, командир мотострелково-пулеметного батальона бригады, тяжело раненный в живот утром 28 июня, капитан Кролевец Анатолий Иванович, украинец, не был награжден.

Командир 2-го танкового батальона, майор Погодин Ефим Николаевич, убитый в бою 27 июня, русский, не был награжден.

Сурово поступил генерал-лейтенант Гришин, но за плохую организацию боя награждать нелогично.

Зато еврей Марьяновский М.Ф., который, судя по исследованию документов, вообще в этом бою не участвовал ни в каком качестве, за этот бой получил звание Героя Советского Союза.

Уважаемый суд! Я бы не стал акцентировать внимание на национальности, если бы это исковое заявление, с целью заработать денег, не подал Союз евреев, организованный Марьяновским из таких же героев, как и он сам. Ведь ни один из членов этого Союза, увешанный орденовыми планками и уверяющий всех, что он фронтовик, безусловно читавший эти глупые «воспоминания» Марьяновского, не предупредил председателя СЕИИВ и дочь Марьяновского, что это не тот случай, когда можно с помощью СЕИИВ дать возможность Броду, Дашевскому и Муратову заработать денег в Гагаринском суде на подаче иска к «Дуэли». Что радость этих людей от обладания дополнительными деньгами из Америки не перекроет полученный от слушания этого дела позор.

Как рассказывают бывшие студенты Марьяновского, они знали, что он Герой, но их удивляло, что он никогда не носил Звезду Героя,

как они считали, из скромности. Теперь понятно, что Марьяновский всю жизнь боялся, что нечаянно столкнется с кем-либо из сослуживцев по 23-й бригаде и они его спросят, за что Звезда?

Вряд ли он ожидал, что как только умрет, алчные Дашевский с Бродом начнут ковыряться в том его грязном белье, которое он всю жизнь прятал.

Уважаемый суд! Итак, исследование полученных из Подольского архива документов, безусловно доказывает, что так называемый «подвиг» Марьяновского, описанный в его наградном листе, является глупой выдумкой, не имеющей ничего общего с реальными боями 23-й гв. танковой бригады, в частности:

а) ложью является то, что Марьяновский, командуя танковым батальоном, внезапно выскочил на дорогу Могилев — Минск и на протяжении трех километров крушил немецкую автоколонну;

б) ложью является то, что Марьяновский, всего лишь с одним батальоном не дал немцам выйти из Могилева, поскольку на самом деле вся 23-я танковая бригада с приданными ей частями не смогла воспрепятствовать немецкому прорыву;

в) сам наградной лист имеет целый ряд признаков подделки:

— его не мог написать и подписать комбат Дзоценидзе, поскольку этим он признавался в своем дезертирстве;

— его не мог написать и подписать комбат Дзоценидзе, поскольку он сам, а не Марьяновский, командовал батальоном, по меньшей мере, в бою 25 июня 1944 года;

— его не мог написать и подписать комбат Дзоценидзе, поскольку до 30 июня 1944 года выбыл из бригады, а его подпись на наградном листе датирована 3 июля 1944 года;

— семь подписей из восьми на наградном листе не заверены печатями;

— и на 19 июля в 23-й танковой бригаде не знали о подвиге, якобы совершенном Марьяновским 27–28 июня 1944 года.

Кроме этого, незнание Марьяновским определяющих моментов этого боя (как он протекал, где происходил, сколько длился) доказывает, что в этом бою Марьяновский не только не участвовал, но его в это время и близко там не было».

Надо сказать, что Гагаринский суд своим решением от 21.02.07 в иске СЕИИВ и Марьяновской к газете «Дуэль» отказал.

Что следовало бы добавить к этому судебному делу.

Союз евреев-инвалидов поставил себе уставной целью: «Восстановление правды об участии евреев в Великой Отечественной войне и борьбе против фашизма», — и, как видите, на пути к этой цели добился серьезных успехов. Правда, некоторые могут сказать, что это я восстановил правду, а не они, но так, уважаемый суд, тьфу ты, уважаемые читатели, они же меня достали!! Я же по их искам и доносам уже по четыре раза в месяц хожу в суд, когда работать?!

До Марьяновского одним из действительно легендарных советских танкистов, наряду, скажем, с Василием Сергеевичем Архиповым, был дважды Герой Советского Союза Давид Абрамович Драгунский, но он был председателем не союза еврейских инвалидов, а Антисионистского комитета, посему грантоеды его ненавидят. Но сейчас, после выяснения правды о Марьяновском, ну кто будет спорить с грантоедами, что он тоже легендарный танкист?

Таки легендарный! Как и Кариус у немцев.

Но заметьте разницу немецкого и русского отношения к брехне — у немцев брехня поддерживается непосредственным начальством, а у русских ее надо от начальства скрывать.

Глава 10

БРЕХНЯ ВШИВОЙ ЕВРОПЫ

Разбойники

В 4 часа утра 22 июня 1941 г. посол фашистской Германии Шуленбург вручил наркому иностранных дел СССР Молотову ноту о начале войны. Она заканчивалась словами: «...Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм — смертельный враг национал-социализма. Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование.

Правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе.

Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу. Немецкий народ осознает, что в предстоящей борьбе он призван не только защищать Родину, но и спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма и расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе. (Берлин 21 июня 1941 г.)»

Как видите, Европа нам, глупым «унтерменшам», недочеловекам, несла на своих штыках свет мировой цивилизации. Воплей о том, что европейцы культурнее нас, более цивилизованные, всегда было много, особенно с упоением вопила о цивилизованности Европы наша дебилная интеллигенция, да и сами европейцы в этой истине никогда не сомневались. Правда, когда наши деды познакомились с цивилизованными европейцами поближе, то эта истина как-то поблекла и потеряла убедительность. Во-первых, неприятно поразила страсть цивилизованных к разбою.

Исторически все армии создавались для разбоя, правда, в последние столетия это как-то не афишируется, поскольку в мире были силы этому противостоять. Но вот не стало СССР, и вы посмотрите на

США — это же бандиты несравненной наглости, но с видом гимназистки.

Раньше, в старые времена, разбоя не стеснялись, не стеснялись его и наши предки, это уже потом, после татаро-монголов, стало «не до жиру, быть бы живу», а до них и русские были как все.

А на Западе иметь целью войны разбойничьего ничего не мешало, более того, из-за любви Запада к «правовым государствам» военный разбой был быстро узаконен и действовал, надо думать, чуть ли не до XX века. Вот, скажем, как это дело обстояло в Великобритании.

«Здесь, по-видимому, следует сказать, что в английском флоте захват в сражении «призов», то есть вражеских судов и товаров, всячески поощрялся. В Адмиралтействе существовал специальный отдел, ведавший призами. Особенно радовал Адмиралтейство захват вражеских судов. Он составлял важный и наиболее дешевый источник пополнения британского флота. Ведь на постройку нового корабля требовались долгие годы и очень большие деньги. А ремонт захваченного в бою судна противника мог быть осуществлен за несколько месяцев при куда меньших материальных затратах. Кроме того, нередко англичанам удавалось захватить неприятельские корабли, перевозившие золото из колоний в метрополию. За такими кораблями охотились и очень упорно. Когда приз доставлялся в Портсмут или другой английский порт, туда прибывал уполномоченный Адмиралтейства для установления его стоимости. В Лондоне тщательно изучали относящиеся к делу материалы и устанавливали призовую сумму. Большая часть призовых денег распределялась среди экипажа судна, захватившего приз, — от рядового матроса до капитана, но, разумеется, не поровну, а в соответствии с их положением.

Призовыми деньгами привлекали матросов при вербовке во флот. В городах вывешивались плакаты такого, например, содержания: «Требуются три 1-й статьи или неморяки для службы на корабле его величества «Лайвели». Те, кто поступит на эту службу, будут направлены на захват богатых испанских галеонов и впоследствии возвратятся окруженные почетом и нагруженные деньгами; они проведут остаток своих дней в мире и богатстве». И действительно, матрос, которому повезет, мог в течение часа заработать призовыми

деньгами больше, чем за всю жизнь, трудясь на берегу. Везло, разумеется, лишь немногим. И, тем не менее, соблазн был очень велик.

Самым богатым призом, захваченным англичанами в XVIII столетии, оказался груженный золотом испанский корабль «Гермионо». Он шел из Лимы (Перу) в Кадис и был взят в 1762 году. Приз оценивался более чем в полмиллиона фунтов стерлингов. Из этой суммы английский адмирал получил примерно 6500 фунтов стерлингов, офицеры, естественно, меньше — соответственно рангу, матросы — еще меньше. И все же на долю каждого матроса и морского пехотинца пришлось по 485 фунтов стерлингов. По тем временам это были очень большие деньги: как уже говорилось, матрос 1-й статьи получал тогда 25 шиллингов в месяц. Такие случаи сильно действовали на воображение моряков, они самоотверженно гонялись за призами и, не задумываясь об опасности, лезли на abordаж. Не составляло секрета, что многие адмиралы и капитаны, особенно если они находились в районе военных операций, приобретали значительные состояния из призовых денег. Что касается Нельсона, то его отец и члены семьи в Барнэм-Торпе вздохнули свободнее, когда он стал посылать им призовые деньги, добытые в Вест-Индии».

Для справки: фунт стерлингов — это английский фунт серебра, т. е. 0,454 кг, шиллинг — 1/20 фунта.

Русские цари и императоры тоже не были дураками и прекрасно понимали, что добыча хорошо стимулирует если не храбрость, то энтузиазм солдат. Но все цари, как правило, были истинно, а порою и истово (Иван Грозный, к примеру) верующие люди, и им, во-первых, не хотелось брать грех на душу и превращать русскую армию в разбойников, во-вторых, подавляющее количество войн велось за безопасность своих границ — безопасность живущих у границ подданных России. Буйных соседей следовало наказывать за набеги на Россию и этим отвращать от набегов, а британские алчность и жестокость могли бы только озлобить соседей и вызвать у них чувство мести. Потом, так или иначе, но многих соседей приходилось просто включать в число подданных империи, чтобы защититься от них, и в связи с этим также не имело смысла чрезмерно их обижать. Как бы то ни было, но вы вряд ли вспомните в русской истории кого-либо, кто бы разбогател от военной добычи, хотя, как вы знаете, у России достаточно было и вполне удачных войн.

Уже Петр I в «Артикуле воинском» начинает главу XIV «О взятии городов, крепостей, о добыче и пленных» ограничением объектов грабежа даже после штурма.

«Арт. 104. Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали без позволения и указу грабить или разбивать, разве что гарнизоны или граждане в оном сдачею медлить и великий вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота.

Арт. 105. Такожде имеет женский пол, младенцы, священники и старые люди пощажены быть, и отнюдь не убиты, ниже обижены (разве что инако от фельдмаршала приказано будет) под смертною казнию.

Толк. Ибо оные или невозможности своей или чина своего ради никакова ружья не имеют при себе, и тако сие чести получить не можно, оных убить, которые оборонитися не могут».

В понимании русского, добыча не должна быть грехом, и Петр уже в начале XVIII века под страхом смерти запрещает грабить церкви, а англо-французы и через полтора столетия, взяв Севастополь, не только разграбили все церкви, но не постеснялись вскрыть могилы адмиралов Лазарева, Нахимова и Корнилов, чтобы сорвать с их мундиров золотые эполеты. Что с них возьмешь — цивилизованная Европа! Понимает толк в грабежах.

Лет через 50 после петровского «Артикула воинского» А.В. Суворов, подстраиваясь под солдатский язык, растолковывает в своей «Науке побеждать», как солдату следует себя вести в этом вопросе.

«Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник. Святая добычь! Возьми лагерь, все ваше. Возьми крепость, все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах — без приказу отнюдь не ходи на добыч!

...Штурм. Ломи через засеки, бросай плетни чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрез полисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки очищай колонны, стреляй по головам. Колонны лети чрез стену на вал, скалывай, на валу вытягивай линию, караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице. Неприятель

бежит в город! Его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо. Недосуг за этим ходить.

Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница, руби. В дома не ходи. Бей на площадях. Штурмуй, где неприятель засел. Занимай площадь, ставь гауптвахт, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам. Неприятель сдался? — Пощади! Стена занята? — На добычь!»

Суворов для лучшего запоминания этих правил солдатами, писал их телеграфным стилем — только итоговые положения без объяснений. А суть этих положений проста.

Добыча — стимул, но она не должна мешать управлению войсками: «...Без приказа отнюдь не ходи на добычь!» Этим грешили все, но особенно казаки, которые могли прекратить преследовать противника, если на пути попадалось что-то, что можно было пограбить.

Второе. Грабить можно только того, кто не сдается, сдавшихся — нельзя: «Неприятель сдался? — Пощади!» И только если город приходится брать штурмом, то тогда его разрешено и грабить: «Стена занята? — На добычь!»

А мирных жителей селений, мимо которых проходят русские войска, грабить вообще нельзя («обывателя не обижай»). Здесь тоже военная целесообразность — у обывателя покупались фураж и продовольствие («он нас кормит и поит») и, если начать обывателя грабить, то он сбежит, и армия будет голодной.

Но характерно другое. Русская армия, как и прочие, состояла из солдат и офицеров, включая генералов и самого Суворова. Между тем, Суворов не пишет, что если взять лагерь или крепость, то все будет «наше», Суворов пишет «все ваше», то есть вся добыча принадлежит только солдатам. Иными словами, когда «в Измаиле, кроме иного, золото и серебро пригорошнями делили», то ни офицеры, ни генералы свои пригорошни не подставляли.

И в этом резкое отличие русской армии от остальных (скажем, того же британского флота), в которых добыча доставалась и офицерам с генералами. А за что офицеру добыча? У него большое жалованье от царя, у него имение, у него крепостные. Какая еще добыча?

Если вы помните, то в фильме «Петр Первый» есть характерный и, видимо, точный эпизод. Будущая русская императрица Екатерина I,

в девичестве Марта Скавронская, была трофеем русских солдат, взявших под командованием фельдмаршала Шереметева шведскую крепость Мариенбург. Досталась Скавронская простому драгуну, но понравилась Шереметеву и тот приказал привести ее к себе. Но это с его стороны было грабежом драгуна, честно добывшего свой трофей, и Шереметев отсылает драгуну рубль, то есть формально покупает Марту у своего солдата.

Традиции — это база законов, традиции складываются веками, и чтобы их отменить, одной бумажки мало, и уж совсем недостаточно вопить о том, что ты цивилизованный европеец.

Вот, скажем, попутно вспоминает ветеран войны И.И. Кривой.

«В январе 1942 года 18-я дивизия народного ополчения г. Москвы передала свою полосу обороны другому соединению, погрузилась в эшелоны и по железной дороге через Москву была переброшена в район г. Сухиничи Калужской области. Эшелон, в котором следовал штаб 282-го стрелкового полка, в первой декаде января 1942 года четверо суток стоял на станции Люблино на окраине Москвы. Командиром полка был майор Щербина Иван Кузьмич.

В эшелоне командир полка поставил мне задачу поехать в г. Москву, найти Госбанк и сдать два слитка золота, которые солдаты захватили у отступавших немецких мародеров. Они так резво бежали от Москвы под ударами наших войск, что бросали награбленное ими.

До 1941 года мне в Москве бывать не приходилось, поэтому ориентироваться в городе мне было сложно. Тем не менее золото в банк я сдал, получил в банке соответствующий документ, и у меня еще оставалось время».

Разберем ситуацию — это золото было из какого-то областного отделения Госбанка СССР, которое наши не смогли эвакуировать, а немцы его захватили. Но, заметьте, немцы золото не в немецкий Рейхсбанк сдали, а, соответственно, разграбили, — а чего стесняться, они же цивилизованные. Но вот золото попало к нашим солдатам, которые тоже могли его прикарманить, но они его сдали в Госбанк. Это, конечно, не правило — и наши пограбили Германию, но пример очень типичный и показывает, из какой цивилизации вышел сам военный грабеж — каким народам он особенно присущ.

Но в этой связи интересна брехливая подлость европейцев — сами грабители, а как вопят и стенают о том, что их, видишь ли,

грабили русские.

Немцам (включая и австрийцев) вообще-то грех жаловаться, что победители во Второй мировой их грабили как могли. Тем более им грех жаловаться на нас. А чего это еще они, сволочи, вправе были ожидать? И не брехливая ли подлость, что сегодня на Западе эти военные грабежи представляются как исключительно советское злодейство?

Уже давно А. Дубров прислал мне вырезку из австрийской газеты «Kronen Zeitung» за 30.09.01 с публикуемой фотографией, на которой якобы изображен советский офицер, с якобы награбленными им тремя парами наручных часов. Вообще-то у меня факт того, что советский офицер отобрал у кого-то из немцев три пары часов, возмущения не вызывает: ничего, гады, и по солнцу время поопределяете!

Однако на этом фото в австрийской газете у меня не вызывает сомнения только звездочка на фуражке — она, судя по всему, наша. Но все остальное?!

Часы слишком плоские, чтобы быть часами времен Второй мировой. Погоны без звездочек. Ремень хрен знает какой армии. Португепя через правое плечо, а так ее наши офицеры ни до войны, ни во время войны не носили, даже если на поясе была кобура с пистолетом. Ремень же от планшетки не заправлялся под погон. И, наконец, медали австрийские, каких советский офицер Второй мировой ну уж никак не мог получить. Вот ведь тупые цивилизованные падлюки! Простую фальшивку не могут сделать! В ГДР наши войска стояли всего до 90-х годов, а из Австрии вышли спустя всего лишь несколько лет после войны, вот сегодня австрийцы и представляют себе, как выглядит советский офицер только по фильмам из Голливуда. Отсюда и такая убогая фальшивка.

Ну и если уж речь зашла о часах, то давайте освежим в памяти, что вспоминали о своих часах сами немцы.

Эрик Хартманн, немецкий пропагандистский ас, рассказал американцам обстоятельства своего пленения так:

«Во второй половине дня колонна оказалась возле Писека. Эрих увидел несколько американских танков, осторожнодвигающихся по дороге. Американцы немедленно остановились, когда увидели немцев, мчащихся к ним прямо по полю. Граф и Хартманн подошли к

головному танку и отдали честь американскому офицеру, смотревшему на них из башни.

«Я подполковник Граф, командир 52-й истребительной эскадры германских ВВС. Это майор Хартманн, командир I группы моей эскадры. Люди, сопровождающие нас, личный состав эскадры вместе с немецкими гражданскими беженцами. Мы сдаемся армии Соединенных Штатов».

Американский офицер достал микрофон рации из башни и начал о чем-то говорить со своим штабом в Писеке. Через несколько минут позади танков появились грузовики с солдатами американской 90-й пехотной дивизии. Американские солдаты попрыгали на землю и начали сгонять немцев в поле возле дороги. Они отбирали у немцев оружие. Офицерам было разрешено сохранить свои пистолеты, и они были обязаны поддерживать дисциплину.

В качестве сувениров особенно высоко ценились немецкие наручные часы. Личный состав JG-52 тут же лишился этих предметов». (Р.Ф. Толивер, Т. Дж. Констебль. Эрик Хартманн — белокурый рыцарь рейха. Екатеринбург, 1998, с. 186)

А вот обстоятельства пленения другого немецкого аса — Руделя: «В тот же день Рудель вместе со своим бортстрелком гауптманом Ниерманном, а также еще несколько экипажей SG2 перелетели из Куммера на аэродром в Китцингене, где и сдались в плен американцам. Для начала американцы всех их «освободили» от часов, авторучек и прочих «ненужных» предметов, а затем поместили в близлежащий лагерь для военнопленных». (М.Ф. Зефилов. Штурмовая авиация люфтваффе. М., АСТ, 2001, с. 278).

Так что надо было бы «Kronen Zeitung» дать на этой фотке Шварценеггера в американской форме.

А вот антисоветчик И.А. Лугин, сдавшийся немцам в плен и освобожденный американцами, в сборнике «Всероссийской мемуарной библиотеки», основанной А.И. Солженицыным (серия «Наше недавнее», выпуск 6, И.А. Лугин «Полглотка свободы», Paris, YMCA-PRESS, 1987, с. 242–243) вспоминает:

«Когда фронт в сентябре 1944 приблизился к границам города, Геббельс писал, что Ахен станет вторым Сталинградом и город Карла Великого никогда не будет сдан. С другой стороны, союзники, быстро

изгнавшие немцев из Франции, были уверены в скором падении города.

Обе стороны ошиблись. Ахен не стал поворотным пунктом войны. Разве что после девяти больших налетов авиации профиль города действительно стал напоминать сталинградский. Но и не достался дешево американцам. После шестинедельных кровавых боев, 21 октября, горстка защитников, израсходовав амуницию, сдалась. Около половины всех зданий города были разрушены, другая половина частично повреждена. Чудом уцелел Ахенский собор. Из 160 тысяч населения осталось только около 5 тысяч. Большинство было эвакуировано по приказу Гитлера. Несчитанные тысячи остались погребенными под развалинами зданий или же погибли во время уличных боев.

...Слухи о богатствах покинутого жителями города быстро достигали ушей новоприбывших. Начались массовые походы в город. Но не только мы грабили покинутые квартиры. Голландцы и бельгийцы приезжали с большими возами и уезжали домой, тяжело нагрузив их мебелью и посудой. Идущие на фронт американские войска также сворачивали в город пограбить, но брали они только ценные вещи».

Вот ведь сукины дети! Как воевать, так Красная Армия разбила семь из восьми немецких дивизий. А как грабить, так только «ценные вещи»! А как обвинять в грабежах, так снова русских!

Изнасилования

К сожалению, не могу сейчас найти источник, в котором читал, что немцы на оккупированных советских территориях оставили миллион детей, а наша Армия на оккупированных территориях оставила всего четверть миллиона. И, знаете, в сам факт такой статистики плохо верить, но соотношение, скорее всего, верное, и вот почему.

Мой отец вспоминал, что в конце войны в Германии он на марше командовал боевым разведдозором дивизии. Наткнулись на колонну немецких беженцев, которые спасались от наших войск. (И правильно делали, в Германию входили солдаты, уже увидевшие свою страну

сожженной и изнасилованной.) Понимая, что будет, когда эту колонну догонят войска дивизии, отец скомандовал немцам бежать и прятаться в ближайший лес. Переждать, пока дивизия пройдет.

В это время подъехал начальник политотдела, еврей, если это имеет значение. Бросился к немцам, выхватил из толпы старика и выстрелил в него. Вернее — пытался выстрелить. Пистолет дал осечку. Но второй раз ему выстрелить отец не дал и потребовал, чтобы тот убрался, а когда начальник политотдела попытался надавить на отца должностью и званием, отец пообещал его пристрелить. Оскорбленный начальник политотдела уехал. Остановились на ночевку, и отец с тревогой ждал, когда за ним придут. Действительно, пришли. Пришел адъютант командира дивизии и под роспись ознакомил с приказом Жукова, из которого следовало, что «...за убийство гражданского немца — расстрел, за поджог дома — расстрел, за мародерство — расстрел, за изнасилование — расстрел». И этот приказ помнят все фронтовики, вошедшие в Германию, поскольку этот приказ закреплялся в памяти солдат расстрелами перед строем. Прекрасно знали о нем и немцы с австрийцами. Мне пришлось видеть телефильм нашего телевидения, наши «демократические» авторы которого стонали не о русских женщинах, изнасилованных немцами, а о немецких, изнасилованных русскими солдатами. И в одном из эпизодов авторы спросили свидетельницу — порядочную немку, были ли в их городе случаи изнасилования немецких женщин русскими. Да, — ответила она, — были, но мы пожаловались русским офицерам, насильников расстреляли публично на глазах жителей и похоронили вон в том лесу, — немка показала рукой.

А кто может вспомнить хотя бы о каком-либо приказе по немецкой армии, запрещающем грабежи, убийства и изнасилования? Есть ли хоть в каких-то воспоминаниях немецких ветеранов хотя бы намек хотя бы на какое-то наказание немецких солдат за изнасилование русских женщин? Чему же удивляться, что немцы оставили нам миллион детей, а мы им всего четверть миллиона.

Но посмотрите, как эта подлая цивилизованная Европа благодарит нас за эту сдержанность. Вот письмо одного из читателей «Дуэли» на эту тему.

«В книге Дугласа Рида «Спор о Сионе» (изд. «Витязь», Москва, 2000 г.), довольно обстоятельном и, можно даже сказать, непредвзятом

труде, если из него исключить самую настоящую ложь о советских солдатах и сталинском режиме по еврейскому вопросу. Я наткнулся на следующий эпизод (с. 421 настоящего издания), ужасно страшный по описанию, но вместе с тем уморительно смешной по своей лживой сути, наглядно иллюстрирующий всю абсурдность лжи, выплеснувшуюся на советское войско и советских солдат в западной литературе: некая г-жа Френсис Февьелл ужаснулась, когда прочла дневник своей экономки Лотты с описанием «изнасилования Лотты и тысяч других женщин, даже 65-летних старух, вшивыми монгольскими солдатами, не раз, но множество раз, женщин с детьми, цеплявшимися за их платья...». Также в дневнике были указаны «все даты и подробности, записанные при свете фонарика, убийства тех, кто пытался защитить старых женщин, извинения русского офицера, увидевшего трупы... его объяснения Лотте, что солдатам были даны двое суток свободы грабежа...».

Теперь представьте себе следующую картину: особо озабоченные вшивые монгольские солдаты насилуют **ПО НЕСКОЛЬКУ РАЗ ТЫСЯЧИ** женщин, включая 65-летних старух и женщин с детьми, цепляющимися за их платья. Представляете? Я лично с трудом. Еще мне трудно представить размер дневника Лотты, в котором подробно описаны все эти зверства (неужели она присутствовала при каждом из них и, как заправский управляющий, отмечала их в своем дневнике как в амбарной книге). А где совершались эти массовые изнасилования? Что за двое суток свободы грабежа, в которые, видимо, нужно было уложиться с изнасилованием **ТЫСЯЧ** женщин? Дуглас Рид эти вопросы не освещает...

Если бы факт изнасилования **ТЫСЯЧ** женщин монгольскими солдатами действительно имел место, то я сомневаюсь, что **ТЫСЯЧИ** изнасилованных женщин стали бы об этом молчать, СМИ в мгновение ока разнесли бы эту весть, а нынешние «демократические» историки не преминули бы посмаковать столь пикантные особенности оккупационного режима советских войск.

В своих буйных сексуальных фантазиях Лотта (или г-жа Френсис Февьелл) может дать фору самому Маркизу де Саду, а, может быть, она страстная почитательница его творчества?

Самое печальное, что все это было опубликовано на Западе и какой-нибудь не слишком утруждающий себя размышлением читатель

поверил в эту белиберду, к данному вопиющему факту откровенной лжи не прилагаются примечания переводчика (отсутствует также примечание по поводу Катынского дела — Рид обвиняет в убийстве 15 000 поляков Советы, а примечания хотя бы о спорности данного положения, я уж не говорю об опровержении, нет, зато есть примечание прогерманского характера насчет присоединения Судетской области: Гитлер освободил угнетенных немцев, которые носили статус второразрядного населения. А о том, что он их использовал для своей армии — молчок).

Действительно, прав был Геббельс, когда говорил: чтобы в ложь поверили, она должна быть грандиозной.

Евсей Евсеев».

Меня же во всех этих байках об изнасилованиях, возмущает вопрос, а надо ли было стараться, чтобы изнасиловать немок и австриек? Вот мой соавтор по одной из книг ветеран войны А.З. Лебединцев бесхитростно вспоминает, каким на самом деле было положение с этим вопросом.

«К вечеру расположились в городке под тогдашним наименованием Ньем Бенешов, названном, скорее всего, в честь последнего буржуазного президента Бенеша. Это был маленький городишко с кирхой в центре на площади, с гостиницей, рестораном и кинотеатром. Жителей из центра отселили, и мы заняли дома под отделы штаба. Нашему отделению выделили двухэтажный домик, в котором внизу ранее был магазин радиоаппаратуры. Молодая хозяйка с грудным ребенком ночами приходила навещать свое жилье и оставалась до утра с чертежником «Алексом». Наверху проживал я с офицером связи от одного из корпусов, капитаном Блохой. Он часто бывал в отъездах, и я практически один находился в своей комнате.

Однажды услышал легкий стук в дверь. Открыв ее, я увидел цивильного мужчину, который много раз повторил по-русски с акцентом извинения. Потом он попросил разрешения взять «пару белья», так как является хозяином этой спальни. Я разрешил ему войти, и он заглянул в платяной шкаф. Покопавшись там, он вынул зонт, поблагодарил меня, собираясь выйти. Но, увидев на столе открытую пачку сигарет в сто штук, он долго не мог оторвать свой взгляд от нее. Я понял, что он давно не курил, и предложил ему закурить. Он с благодарностью взял, я дал ему зажигалку и разрешил

сесть, так как меня интересовало, откуда он знает русский язык. Он объяснил, что изучал его на курсах военных переводчиков, но в России ему воевать не пришлось. «Плохо вас учили, так как то, что вы взяли, по-русски называется зонт, а не пара белья». Он искренне извинился. Оказалось, что он был владельцем этой квартиры. С женой они были в разводе, и он показал ее снимок в рамке на стене. Я сказал, что дама симпатичная, и он тут же предложил привести ее и познакомиться. Но я не поддержал его предложение, тогда он вызвался сделать приборку помещения. Я отказал ему и в этом, пообещав навести порядок, ибо до нас здесь побывали солдаты. На прощание я отсыпал ему с полсотни сигарет и он много раз благодарил меня за такую щедрость.

Чертежник Алексей теперь занимался любовью со своей молодой хозяйкой. Днями она не выходила на улицу. Кормил ее Алексей с кухни, принося еду в котелке. Мария просила, чтобы он взял ее с собой в Харьков, Алексей, естественно, соглашался, а она обещала ему подарить маленького «рус», намекая на зачатие от него. Однажды Алексей поднялся ко мне и попросил спуститься к ним, так как Мария припрятала радиолу «Телефункен». Приемники требовалось сдавать коменданту, а она не сдала и хотела передать нам без наказания. Я впервые видел эту молодую немку с полугодовалым ребенком на руках. У стены стояла ее младшая сестра лет 16–17. Старшая сестра предлагала через Алексея ее мне в сожительницы. Для нас это было дико и неправдоподобно. Я ушел, оставив даже радио».

Вшивая Европа

Между прочим, А.З. Лебединцев восхищается бытовым обслуживанием в тогдашней немецкой армии. Вот он пишет: «Сразу оговорюсь и скажу честно, что по сравнению с немцами и к их зависти мы в морозы имели валенки, шапки-ушанки, полушубки или телогрейки и ватные брюки. А «фрицев» и «гансов» зимы заставляли в пилотках, тонких «демисезонных» шинелях и сапогах с шипами. Но зато они всегда имели пакетик «дуста» для борьбы с вшивостью! А мы получили это средство от них только после войны, в счет репараций, и покончили в 1947 году с извечной вшивостью в нашей деревне, принудительно проводя в селах санобработку людей и домашних

животных. На фронте мы вели борьбу с насекомыми с помощью «бучила», но они были малоэффективными. Напомнил об этом потому, что не встречал об этом описаний в нашей исторической и художественной литературе. Так из нашей истории мог выпасть целый жизненный «пласт» ее тогдашнего быта. Хотя благодаря нашей медико-санитарной службе нам удалось избежать тифозной эпидемии, как было в годы гражданской войны. Это тоже положительный факт истории».

Меня, надо сказать, этот дуст покорибил.

И я вспоминаю такой случай. Где-то после, пожалуй, второго класса родители отправили меня на лето к дяде в село Златоустовка Криворожского района. У дяди Феодосия огород плавно сходил в низинку, в которой был длинный и мелкий ставок (пруд), за ставком местность поднималась и по хребту возвышенности шла дорога. Теперь я понимаю, что это была идеальная местность для занятия немцами обороны «за обратным скатом». Между огородом и ставком в земле была видна уже заросшая кольцевая выемка. Дядя Феодосий пояснил, что это немецкий окоп под пулемет, а окопы стрелков были чуть выше — немцы их выкопали поперек огорода дяди, и когда их выбили, то дядя стрелковую траншею зарыл. И созрела у меня мысль, что дядя мог в траншее недосмотреть что-нибудь интересное, например, пистолет, и если я откопаю эту траншею, то смогу найти что-то полезное для своего мальчишеского хозяйства. Дядя понял мои намерения, когда я начал просить его указать мне точно, где были окопы, и уверил, что он из окопов все забрал и закопал только дуст. Что такое дуст, я знал, поскольку отец смешивал его с медным купоросом, когда опрыскивал деревья, для меня дуст интереса не представлял, и я отказался от идеи перекопать дяде картошку. Александр Захарович, пишет, что благодаря дусту, этому подарку «цивилизованных немцев», мы, русские, «покончили в 1947 году с извечной вшивостью в нашей деревне», а мой дядя, который в безлесной части Украины использовал кабину немецкого грузовика под туалет, стволы винтовок и колючую проволоку под ограду, немецкие каски под голубиные гнезда, гильзы артыстрелов для оформления входа в погреб, этот дуст закопал, как только похоронил убитых немцев с их вшами.

Не знаю, может быть, в той деревне, в которой жил Лебединцев, была «извечная вшивость», но я помимо упомянутого села подолгу жил в селе Новониколаевка Новомосковского района и в селе Гуппаловка на границе с Полтавской областью, и до отъезда в Казахстан всю жизнь прожил в частном доме без удобств, построенном отцом в 1948 г. Так вот, в «нашей деревне» я ни разу не видел не только вшей, не только клопов, но я не смог увидеть даже таракана, о котором читал в стихе Чуковского. Первого таракана в своей жизни я увидел на 24-м году своей жизни в общежитии в Казахстане, там же, переселившись в комнату, из которой выселился алкаш, увидел и клопов. Потом, много лет спустя, кто-то из моих детей лежал в больнице и принес оттуда вшей. Я перепугался и предложил жене остричь их наголо, жена покрутила пальцем у виска и несколько вечеров старательно мыла детям голову, вычесывая вшей и давя гнид. И на этом все закончилось.

Возможно, многие цивилизованные и удивятся, но от вшей, клопов и тараканов очень хорошо помогает не дуст, а чистота. А с этим делом у русских было так.

Еще по хроникам XVI века в быту русских крестьян было принято следующее. В субботу женщины обязаны были выстирать белье, вымыть избу, причем полы, лавки и столы отдраить дресвой — аналогом наждачной шкурки. В воскресенье все шли в баню — а в русской бане температура около 100 градусов, а белок, из которого состоит тело вши и ее яиц-гнид, сворачивается при 70, посему в бане у вшей нет шансов выжить. (А дуст гнид не берет.) В безлесной Украине бани тоже были (в Новониколаевке была общая), но при их полном отсутствии еженедельно мылись в корыте, а парились в русской печи — топили ее, выгребали жар, стлали на под соломку и залезали внутрь. Да, в печи париться неудобно, но что поделать, если на баню денег нет, а мыться — это наш варварский русский обычай? Вот в выпущенной в 1915 году издательством И.Д. Сытина «Географии России» даже о Московском промышленном районе, не безлесном, пишется: «Избы в селениях стоят правильной улицей в один или два «порядка», напротив изб или на задах идут амбары, свиные сараи, кладовые, овины; бань мало, больше моются в печах».

Это «цивилизованным» дуст нужен. А русским-то он зачем? Они же некультурные варвары — они мыться привыкли.

У меня есть панегирик немецкой пехотной дивизии, выпущенный издательством «Tornado», в нем о немецкой пехоте написано все: и сколько чего, и кто чем, и кто за что, и откуда куда. Ну, скажем, помимо хлебопекарной роты, в каждой немецкой дивизии был механизированный передвижной мясокомбинат с коптильным цехом и машинами по механизированному изготовлению сосисок. Но в немецкой дивизии и намек не было на то, что обязательно было в советской дивизии, — и намек не было на какой-либо банно-прачечный отряд или отрядик. А зачем он им? Они же «цивилизованные». Зачем им тратить время на мытье и стирку, если они дустом себя посыпали — и готово!

Лебединцев с завистью пишет о том, что «только с вступлением в пределы Западной Европы наши воины смогли убедиться в огромной разнице их и нашего быта». Это так. Но только увидели разницу все по-разному. Мне приходилось читать воспоминания девушки, вывезенной немцами в Германию и работавшей у немецкого культурного крестьянина служанкой. Приехал с фронта в отпуск сын хозяев, утром на кухне мать готовит завтрак, служанка чистит картошку, проснувшийся сын входит на кухню, вынимает член и мочится в кухонную раковину. Девушку возмущало, что он делал это при женщинах, пусть даже одна из них его мать. А нам, получается, нужно восхититься — какая «цивилизация»! Русский бы варвар надевал полушубок, обувал бы валенки, шел бы куда-то на скотный двор в нужник, а у «цивилизованного» немца таких проблем нет — отодвинул в раковине посуду и помочился. Кстати о нужниках — это же тоже варварское русское изобретение.

Один мой товарищ был в Лувре — бывшем дворце королей Франции — и там в зале гобеленов обратил внимание, что гобелены как-то странно, как бы это помягче сказать, пахнут. А гид объяснил, что у французов много веков нужников не было: днем Его Величество и двор оправлялись под окнами дворца, вечерами — по темным уголкам залов, а утром слуги все это добро из дворца убирали. Вот королевские гобелены и пропитались многовековым запахом «цивилизации». Русские изобретали нужники на улице, а они — ночные горшки. Как удобно! Слез с кровати, сделал дело, горшок под кровать и снова спи. «Цивилизация»! А что касается вони, то

французы изобрели для этого парфюмерию. Не нравится эта вонь, побрызгайся духами и будешь вонять по-другому.

Как-то читал описание летописцем переезда киевского князя в Новгород, и, чтобы подчеркнуть богатство князя, летописец упомянул, что на несколько дней впереди свиты князя ехали плотники, которые на месте будущей ночевки рубили новую баню, т. е. в уже готовых банях такому богатому князю вроде и срамно было париться. Варвар! А вот французские короли хвастались, что они мылись два раза в жизни: их обмывали сразу после родов и перед тем, как в гроб класть. Это же сколько времени варварские русские князья тратили на то, чтобы раздеться, помыться, одеться, а французский король кружева нацепил, одеколоном spraysнулся — и порядок! «Цивилизациям»! Некоторым нашим русским очень завидно...

А каков итог? Лебединцев как о недоразумении упоминает, что, несмотря на нашу русскую бедность и тупость, несмотря на отсутствие вожделенного дуста, в Красной Армии не было эпидемий. Получается у него прямо по формуле: «дуракам везет». А как обстояло дело с немцами — со счастливыми обладателями дуста?

Уместно вспомнить эпизод из воспоминаний самого Александра Захаровича, касающийся их труднейшего похода по Украине в зиму 1943/44 года. «Отогревшись, пленный начал время от времени судорожно дергать плечами, чувствовалось, что у него в белье, как и у нас, немало вшей. Собрав все свои познания в немецком, я спросил: «Вас махен зи?» Пленный вскочил и доложил: «Партизанен!» Немецкая шутка, давшая вшам название «партизаны», понравилась всем». У советских солдат дуста не было, и наличие у них вшей после длительного похода понятно, но ведь, к зависти Лебединцева, у немцев дуст был, откуда же и у них «партизаны»?

А вот уже профессиональный историк, исследующий фронтовой быт, пишет в альманахе «Военно-исторический архив», № 8: «Что касается Великой Отечественной войны, то для нее было характерно особое внимание к санитарно-гигиеническому обеспечению в действующей армии, в чем проявился учет жестокого опыта Первой мировой и особенно гражданской войн. Так, 2 февраля 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии». В целях профилактики в

тылу и на фронте регулярно осуществлялись мероприятия по санитарной обработке и дезинфекции, в армии активно действовала разветвленная военная противоэпидемическая служба. Причем, на разных этапах Великой Отечественной перед ней стояли различные задачи: в начале войны — не допустить проникновения инфекционных заболеваний из тыла в армию, а затем, после перехода наших войск в наступление и контактов с жителями освобожденных от оккупации районов, где свирепствовали эпидемии сыпного тифа и других опасных болезней, — от проникновения заразы с фронта в тыл и распространения ее среди гражданского населения. И хотя случаи заболеваний в наступавших советских войсках, безусловно, имели место, эпидемий, благодаря усилиям медиков, удалось избежать.

В то же время немецкая армия в течение всей войны была огромным «резервуаром» сыпного тифа и других инфекций. Так, в одном из секретных приказов по 9-й армии (группы армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых». И это не случайно: основными переносчиками сыпняка являются вши, а жилые помещения противника буквально кишели этими паразитами, о чем оставлено немало свидетельств. «Во время наступательного марша мы изредка в ночные часы использовали немецкие блиндажи, — вспоминал С.В. Засухин. — Надо сказать, немцы строили хорошие блиндажи. Стенки обкладывали березой. Красиво внутри было, как дома. На нары стелили солому. В этих-то блиндажах, на нашу беду, мы и заразились вшами. Видимо, блиндажный климат создавал благоприятные условия для размножения насекомых. Буквально в несколько дней каждый из нас ощутил на себе весь ужас наличия бесчисленных тварей на теле. В ночное время, когда представлялась возможность, разводили в 40-градусный мороз костры, снимали с себя буквально все и над огнем пытались стряхнуть вшей. Но через день-два насекомые снова размножились в том же количестве. Мучились так почти два месяца. Уже когда подошли к городу Белому, нам подвезли новую смену белья, мы полностью сожгли все вшивое обмундирование, выпарились в еще уцелевших крестьянских банях и потом вспоминали пережитое, как страшный сон». Этот страшный для русских сон и есть «европейская цивилизация».

Лебединцев забыл упомянуть в этой статье, что кроме пакетика с дустом немецкие солдаты носили и запасец презервативов. Но если бы они ими пользовались! А то ведь, насилуя наших женщин и девушек, они забывали их надевать и в результате заразили сифилисом и гонореей все оккупированные ими области, заразили до такой степени, что это стало проблемой и для наших войск при освобождении территорий. В 1943 году ГКО был вынужден отвлечь от обороны дефицитнейший каучук для резкого увеличения производства презервативов, теперь уже и для Красной Армии.

Надо сказать, что от европейской «цивилизации» даже европейцы-англичане шарахались. Будущий британский фельдмаршал Монтгомери, в 1940 году командовавший дивизией британских экспедиционных сил во Франции, деликатно написал о вооружении им британских «томми» своей дивизии презервативами:

«В первую зиму войны я имел серьезные неприятности. Это случилось следующим образом. После нескольких месяцев пребывания во Франции процент венерических заболеваний в 3-й дивизии заставил меня беспокоиться. Чтобы как-то остановить неприятный процесс, я прибег к помощи врачей и даже священников, однако все усилия оказались тщетны, и количество заболевших увеличивалось. В конце концов, я решил разослать всем нижестоящим командирам конфиденциальное письмо, в котором весьма откровенно проанализировал проблему и изложил свои идеи по поводу ее разрешения. К несчастью, копия моего письма попала в руки старших священников в генштабе, и о моем поступке доложили главнокомандующему (Горту). Мои взгляды на то, как справиться с проблемой, сочли неприличными, и поднялся страшный шум. В генштабе все жаждали моей крови, но Брук спас меня, настояв на том, чтобы ему позволили самому разобраться с этим делом. Сделал он это без обвиняков, я получил от него хорошую трепку. Он сказал, кроме прочего, что невысоко оценивает мой опус. Но, как бы то ни было, цель, которую я себе ставил, оказалась достигнутой — количество венерических заболеваний сократилось».

А уж как в самой Германии немецкие женщины своим бактериологическим оружием отомстили нашим бойцам за взятие Берлина! Бывший советский военнопленный Ф.Я. Черон, сбежавший после войны в американскую зону оккупации, издал в Париже

воспоминания, в которых описывает советское варварство по отношению к венерическим больным в Германии в 1945 году: «Не помню точно месяца, мне кажется, что это было уже в конце июня, — был отдан приказ: никого с венерической болезнью на родину не пускать. Это касалось в первую очередь военных, как солдат, так и офицеров. Но скоро этот приказ был распространен на всех, включая остовцев и военнопленных. Для лечения этих болезней созданы были специальные лагеря, потому что речь шла о тысячах людей... Один из таких лагерей находился недалеко от Ризы в лесу. В этом лагере все перемешалось. Там были и полковники, и младшие офицеры, и солдаты, и остовцы, и военнопленные».

Между тем во Франции гонорейю называют всего-навсего «мужским насморком», в англо-русском словаре как-то наткнулся на английское слово «chordee» (от корня «chord» — «аккорд, струна»), что на жаргоне означает «воспаленный эрегированный пенис, изгибающийся вниз в результате гонореи». Смешно! Бездна «цивилизованного» юмора. А у нас, бедных и необразованных варваров, Сталин больных гонореей на родину из вшивой Европы не впускал, пока не вылечатся, — вот тиран!

Глава 11

ЭФФЕКТ БРЕХНИ ДЛЯ НЕМЦЕВ

Почему они не защищали родину?

Когда Красная Армия начала подходить к границам Германии, немецкие асы истребительной авиации должны были ужесточить борьбу в воздухе, ведь помимо потребности защитить свои дома, своих близких, у немцев были и другие основания сражаться. Немцы, ведь, напомним, нация цивилизованная, соответственно немецкая армия и вела себя на оккупированных территориях СССР как цивилизованная. Я мог бы привести много примеров из разных источников, но приведу всего два и из воспоминаний только наших летчиков. Вот летчик-разведчик, а в конце войны — штурмовик, Я.И. Борейко вспоминает, как ему в 1943 году разрешили съездить в отпуск, чтобы повидать родителей, накануне освобожденных нашими войсками из оккупации: «Я был рад, что родители живы, что с большими трудностями, в условиях голода пережили оккупацию. Много рассказывали о зверствах фашистских поработителей. Досталось и моему семилетнему племяннику, который, будучи голодным, подошел к немецкой солдатской кухне, попросил поесть. Повар подозвал его поближе и вместо куска хлеба насыпал раскаленных углей за шиворот. Эта отметина осталась у него на всю жизнь». А вот вспомнил другой летчик-штурмовик, Герой Советского Союза А.А. Баршт: «Когда я в первый раз оказался на освобожденной от немцев территории (это было село Старозаборье около города Малоярославец Брянской области), нас поселили в хату, в которой жил дед с молодой женщиной. Она сошла с ума. К ним во время оккупации пришел немец выгонять на работу; она ему говорит: «Я не могу — у меня грудной ребенок». Л он: «Да, я понимаю. Но мы сейчас эту проблему решим». Берет ребенка за ножки — и с размаху о печку! «Все, теперь можете идти на работу»».

Должны же были немцы понимать, что во вступивших в Германию войсках Красной Армии очень мало ценителей такого

тонкого западного юмора? И должно же было это понимание заставить их драться на границах рейха? Должно было, но немецких асов — не заставило! Они просто приложили все силы, чтобы удрать в плен к американцам. К примеру, 54-я истребительная эскадра немцев была прижата к морю в окруженной в Курляндии (запад Латвии) немецкой группировке. И хотя сама эта группировка долго не сдавалась, асы 54-й эскадры с конца зимы практически перестали летать, мотивируя это отсутствием самолетов и бензина, но 8 мая, еще до официального подписания акта о капитуляции Германии, у них нашлись и самолеты, и бензин — они дружно удрали из Латвии чуть ли не за 1,5 тысячи километров на аэродромы, занятые американцами.

Правда, американцы — это ведь тоже народ цивилизованный. И поэтому немудрено, что австрийский исследователь вопросов содержания военнопленных в лагерях СССР вынужден в примечании к своей работе коснуться и такой проблемы: «В связи с этим следует упомянуть дискуссию о «потерянном миллионе» немецких военнопленных. Джеймс Бак (James Bacque) и другие авторы полагают, что они погибли в американском и французском заключении, прежде всего в лагерях «Рейнвизен» (лагерях, находившихся на берегах Рейна»).

Когда война на Дальнем Востоке приняла крутой для Японии оборот — когда на карту была поставлена свобода и независимость самой Японии, то тысячи японских летчиков выразили желание стать камикадзе. Конечно, никто не ожидал, что немцы своей жизнью станут защищать Германию, когда война для нее приняла тот же оборот, что и для Японии. Но ведь открытый воздушный бой — это еще не верная смерть, как у камикадзе, почему же немцы не решились на него даже тогда, когда Красная Армия вошла собственно в Германию?

И ведь у них был пример, как поступить — наш пример.

В Военно-воздушных силах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, повторю, отчаявшись достать немцев бортовым оружием или расстреляв боеприпасы, совершили таран 561 летчик-истребитель, из них 33 человека сделали это дважды, Герой Советского Союза лейтенант А.С. Хлобыстов — трижды, Герой Советского Союза лейтенант Б.И. Ковзан — четырежды. Таран также совершили 19 экипажей штурмовиков и 18 — бомбардировщиков. Среди этих храбрецов были люди, занимавшие должности от рядового

летчика до заместителя командующего Воздушной армией и имевшие воинские звания от сержанта до полковника (см. табл.) Из них 233 благополучно посадили свои поврежденные машины, 176 спаслись, воспользовавшись парашютом, 216 погибли и 11 пропали без вести. Немцы же при этом потеряли 272 бомбардировщика, 312 истребителей, 48 разведчиков и 3 транспортных самолета. Еще один истребитель, уже японский, тараном уничтожил лейтенант А.Е. Голтвенко в августе 1945 года во время кратковременной войны с Японией. (Надо думать, этот таран имел символическое значение: «Не надо нам камикадзе — мы сами камикадзе».)

**Совершили
таран**

Количество летчиков

	С 22 июня 1941 г. по конец 1943 г.	С начала 1944 г. и война с Японией	Всего за войну
полковник	1	-	1
подполковник	2	3	5
майор	13	6	19
батальонный комиссар	6	-	6
капитан	59	14	73
старший политрук	5	-	5
старший лейтенант	106	18	124
лейтенант	138	19	157
политрук	1	-	1
младший лейтенант	158	26	184
старшина	10	-	10
старший сержант	19	-	19
сержант	32	-	32

Надо сказать, что во второй половине войны тараны уже не приветствовались, и по этому поводу командующий ВВС подписал 23

сентября 1944 года соответствующий приказ, а Военный совет дал следующие указания: «Разъяснить всему летному составу ВВС КА, что наши истребители имеют отличное мощное современное вооружение и превосходят в летно-тактических данных все существующие типы немецких истребителей... Применение «тарана» в воздушном бою с самолетами противника, имеющими более низкие летные качества, нецелесообразно, поэтому «таран» надо применять только в исключительных случаях, как крайнюю меру».

Но, как видите, и как крайняя мера таран использовался достаточно энергично даже в победный период.

А как обстояло дело у немцев? Да, командование люфтваффе оценило опыт ВВС РККА в тяжелое для СССР время и построило специальные самолеты FW 190A-8/R-8 «Таран». Они были оснащены двумя 30-мм пушками МК 108 в консолях крыла, двумя 20-мм пушками MG 151/20 в корневой части крыла и двумя 12,7-мм пулеметами, установленными под капотом двигателя. Такое вооружение имело огромную мощь. Для защиты самолетов была установлена дополнительная броня на двигатель, кабину пилота и пушечные магазины. Панели из пуленепробиваемого стекла защищали фонарь кабины. Немецкие летчики-истребители должны были на этих самолетах врываться в строй американских бомбардировщиков и, если сбить их не получалось, то таранить. Хорошо защищенная кабина позволяла летчику остаться в живых. Самолеты «Таран» построили, штурмгруппу создали, но немцы и на этих самолетах ни единого тарана не исполнили.

69 летчиков этой «штурмгруппы» даже клятву дали: «Мы клянемся защищать небо рейха в соответствии с принципами штурмгруппы. Мы знаем, что, будучи летчиками штурмгруппы, должны особым образом оборонять от врага народ Фатерлянда.

Мы осознаем, что в каждом вылете будем контактировать с четырехмоторными бомбардировщиками. Мы будем атаковать с кратчайших дистанций, а в случае неудачной атаки — таранить врага». Но никаких сведений о том, что кто-то из них совершил таран, нет. Вернее, у командира одной из эскадрилий этой группы оберлейтенанта В. Гертца не раскрылся парашют, вот про него и сложили легенду, что он якобы перед этим совершил таран. Есть даже фото «Летающей крепости» в строю, сделанное с другой «Летающей

крепости», на этом фото видно, что летящий как ни в чем не бывало самолет имеет в задней части фюзеляжа длинную царапину. Считается, что это след от тарана 5-тонным ФВ-190. И все.

Вообще немецкие летчики-истребители в своей массе очень странно защищали небо Германии, так защищали, что американцы с англичанами буквально выбомбили целые города и районы. И просто удивительно, какую изобретательность и находчивость проявляли немецкие летчики-истребители, чтобы не атаковать строй бомбардировщиков. И пушки на истребители ставили специальные, чтобы они издали стреляли вверх — в брюхо «бомберам», и батареи стреляющих вверх реактивных снарядов, и мощные ракеты, запускаемые по строю в надежде, что авось какая-нибудь взорвется недалеко от «бомбера». Упомянутый мною Кноке придумал бросать с истребителя сверху на строй бомбардировщиков специальную бомбу с дистанционным взрывателем.

Мысль в целом здравая, но вопрос: а зачем бомбу бросать с истребителя? Почему бы над строем англоамериканских бомбардировщиков не завести авиагруппу или даже эскадру немецких скоростных бомбардировщиков Ю-88? Ведь они могут взять не одну бомбу весом 200 кг, как Ме-109 Кноке, а десять таких бомб. На Ю-88 есть штурман, устанавливались радары, т. е. можно было очень точно отбомбиться по «бомберам» союзников и действительно нанести им ущерб. Но немецкие Ю-88 будут атакованы британскими и американскими истребителями сопровождения, следовательно, Кноке надо будет принять рыцарский бой по защите своих бомбардировщиков. А оно немецким летчикам-истребителям надо? Куда проще залететь с бомбой над строем, сбросить ее, и попал не попал, а задание выполнил.

Аналогия

Апологеты немецких асов могут мне сказать, что строй англоамериканских бомбардировщиков вообще невозможно было атаковать истребителями, что это задача изначально не решаемая, и в 1945 году защитить небо Германии от налетов союзной авиации никто не смог бы. Но у меня есть очень корректный пример для сравнения.

Через шесть лет после окончания Второй мировой войны американцы точно такими же строями бомбардировщиков летали бомбить Северную Корею, и условия для борьбы с ними были гораздо худшими, чем в Германии в 1945 году. Если Германию бомбили «Летающие крепости» В-17, то Корею «Летающие суперкрепости» В-29, а последние имели не только более совершенное радиолокационное оборудование и автоматику наведения бортового оружия, но и гораздо более высокую скорость. Мне могут сказать, что в Корею В-29 встречали наши реактивные МиГ-15, это так, но и у немцев с 1944 года на вооружение поставлялись реактивные Ме-163 и Ме-262, причем последние (по немецкой традиции) имели более мощное, нежели у МиГ-15, вооружение: вес секундного залпа Ме-262 составлял 13,2 кг, а вес секундного залпа МиГ-15 — 10,5 кг. И немецкая промышленность до марта 1945 года поставила в войска 832 самолета Ме-262. Но зато в Германии американские бомбардировщики охранялись только поршневыми «Мустангами» и «Лайтнингами», а в Корею В-29 охранялись американскими реактивными истребителями-бомбардировщиками F-84 «Тандерджет», американскими реактивными истребителями F-86 «Сейбр» и британскими реактивными истребителями Мк.8 «Метеор». То есть для наших истребителей МиГ-15 обстановка в Корею была гораздо более тяжелая, нежели для летчиков-истребителей люфтваффе в Германии.

Теперь давайте рассмотрим тактику советских истребителей — какие способы они применяли, чтобы воспрепятствовать американцам «вбомбить Корею в каменный век». Сначала об этом расскажет П.С. Милаушкин. (Летное училище окончил в 1939 году, в войну был инструктором, в 1949 году переведен в 176-й ГИАП и вместе с ним попал в Корею. В Корею из всех американских самолетов, сбитых капитаном Милаушкиным, 11 упали на территории Северной Кореи и записаны ему на личный счет.)

«Большой бой был 9 апреля 1951 года, когда нашему полку пришлось отражать большие силы бомбардировщиков В-29 в боевых порядках звеньев по 3–4 самолета друг за другом «кишкой», всего не менее 80 самолетов. Эта «змея» охранялась «Тандерджетами» с обеих сторон и на высоте 8000 м направлялась бомбить плотину, ГЭС, аэродром Сингисю (Синийджу). За ней шла вторая волна из примерно 70 бомбардировщиков. Мы взлетели всем полком, построились в

боевой порядок эскадрилий с разницей в высоте 800—1000 м, обнаружили противника. Слышим команду Вишнякова: он с 1-й АЭ атакует головных, 2-я АЭ — середину «кишки», а 3-я АЭ — хвост. В бой с охранением — «крестами», F-84 — не вступать.

И вот со стороны солнца три эскадрильи пошли в атаку. Целей хватало всем. Сима Субботин пошел на ведущего, а я на правого ведомого В-29. Первая атака была настолько для них неожиданной, что стрелки не успели открыть оборонительный огонь, а у них огневых точек до 12 штук. Пушки моего самолета работали безотказно. Вспышки разрывов были видны на фюзеляже и плоскостях, но сказать, чтобы он загорелся или разваливался, — этого не было. Мы очень быстро их проскакивали — скорость была вдвое больше. Я услышал команду Симы: «Выхожу вправо, смотри». Я ему кричу в ответ: «Смотри, столкнешься с «крестом»! — самолеты сбились в плотный клубок. «Кресты» — «Тандерджеты» — нас не атаковали, но по другим товарищам они вели огонь. Причина одна: неожиданная одновременная атака всей колонны, которая сразу распалась, и «Кресты» хаотично заметались.

Вторую атаку выполняли по другой тройке В-29. Когда вышли на дистанцию открытия огня, я увидел множество вспыхивающих «лампочек» — все пространство задней полусферы «крепостей» было закрыто сплошным заградительным огнем. Открыть огонь не успел, т. к. услышал команду С. Субботина: «Выходим влево!», а терять из виду ведущего нельзя. Выполняя маневр, получил команду: «Атакуем!» Вижу: внизу справа пара «крепостей» (одного в тройке почему-то не было). Ведущий бьет по правому самолету, а я — по левому. Он был ближе ко мне, и дистанция так быстро сокращалась, что палец непроизвольно нажал кнопку воздушных тормозов. В прицеле отчетливо видны детали самолета В-29. Огонь стрелков был слабый. Нажал гашетку, мои снаряды начали рваться на правой плоскости и моторах. Чтобы с ним не столкнуться, я резко ушел вниз и вправо, о чем передал ведущему, но ответа не было. В эфире стоял сплошной гвалт и мат. Издалека услышал голос командира полка Вишнякова С.Ф.: «Сбор над «сосиской», высота девять тысяч». «Сосиска» — это небольшой полуостров с характерными очертаниями. Хороший ориентир. «Земля» скомандовала: «Всем — трава», — посадка. Снарядов у моей большой пушки не было —

кончились во время второго захода. А в малых снарядах еще оставались.

На подходе к аэродрому появились наши самолеты с разных направлений, но на одной высоте — суэта! Обрадовался позывному своего ведущего — он жив. Потерять ведущего — беда для ведомого (подумают все, что погнался за легкой добычей, а ведущего бросил). Но он не обиделся, ведь обстановка была сложная — я пошел вниз, а он вверх. После посадки нас радостно встречали техники, оружейники, механики, мотористы. Весь бой они видели с земли, это было раннее утро, ясно. Видели, как падали с горящими дымными шлейфами и удирали на восток хваленые «крепости» вместе со «еверхкрепостями». Видели, как непосредственное боевое охранение — «Тардерджеты» — шарахались от нас в стороны, уступая дорогу к бомбардировщикам. А мы «Крестов» не трогали, и очень правильно.

Позже нам сообщили, что истребители F-86 «Сейбры» навстречу с бомбардировщиками опоздали, они должны были прикрывать их сверху. Опоздали на очень немного, но этого времени нам хватило. Если бы «Сейбры» успели, нам пришлось бы туго, так как при выходах из атак они ловили бы нас, и мы бы многих недосчитались. Задача нами была выполнена, многие летчики записали на свой счет сбитые. Мне пришлось сбить два самолета В-29. Потерь в полку не было, но царапин много, в том числе и у моего ведущего.

Сказать сразу, что сбил самолет, летчик не может. Когда на земле встречали нас и спрашивали: «Командир, сбил?» — мы отвечали, что стрелял, вел огонь. А дальше проявляют пленку, опрашивают свидетелей и ищут обломки сбитого самолета. Очень часто выезжал в Северную Корею наш А. Пилькевич, который опрашивал население и находил обломки. Был такой момент, когда мы со Степой Кириченко, моим ведомым (я уже стал командиром 4-го звена), вели бой с двумя парами «Сейбров». Вот пара атаковала Степу, его положение критическое, кричу по радио: «Степа, влево резко на меня!» — молодец, он быстро среагировал, а я открыл заградительный огонь по этой паре. Американцы, ведомый и ведущий, оба прошли сквозь трассы моих пушек. Видны попадания и на пленке ФКП,^[6] но падения на землю никто не видел. Позже, благодаря Пилькевичу Аркадию, которому рассказали, что самолет упал в водохранилище, китайские добровольцы вытащили часть обломков из воды, и мне записали

результативную атаку. Порой в таких ситуациях самолет нам не засчитывали, особенно когда он падал в море. Но главное для нас было — выполнить поставленную задачу и избежать потерь своих летчиков.

12 апреля 1951 года. Этот бой стал последним для многих «крепостей». Ранним утром весь полк посадили в кабины с готовностью № 1. По радио слышим обстановку: идут несколько колонн бомбардировщиков В-29 откуда-то с Японских островов. Их встретили и сопровождали «Тандерджеты» непосредственного прикрытия. Надо всей этой армадой патрулировали три группы истребителей «Сейбр». Хуже всего сидеть в бездействии в кабине на земле. Наконец нас подняли в воздух. Задача 1-й АЭ (это нам): связать «Сейбров» боем и оторвать их от колонны В-29. Остальным — задача атаковать бомберов, не ввязываясь в драку с «крестами». Встреча произошла в лобовую, как только поравнялись — сразу маневр, разворот. Бой разбился на мелкие группы. Ведомым у меня был Боря Образцов, пару он держал отлично и после разворота я увидел, что ему ближе стрелять по противнику. Даю команду: «Боря, справа атакуй, я прикрою». У Образцова была великолепная реакция, атака получилась очень хорошей. Выходя из нее с левым разворотом, я видел, что самолет противника не управляется. В это время меня атаковала пара «Сейбров», но трасса прошла справа. Передаю Боре по радио: «Из разворота не выходи — «косая петля». После двух петель противник отстал. В это время мы увидели внизу справа четыре В-29, которые шли ромбом. Я атакую левого, а Боря заднего. Бомбардировщики сильно отстреливались (на земле мы обнаружили много пробоин в своих самолетах). Перешли на правую сторону — ромб противника рассеялся, остался ведущий и правый ведомый. Начали атаковать эту пару. Скорости были разные. В прицеле быстро увеличивался силуэт самолета. Открыл огонь. В большой пушке было мало снарядов. Она быстро замолчала, малые работали. Вышли вправо, но за Борей потянулся «Тандерджет». Неприцельно я открыл огонь. Он отстал, но и у меня кончились снаряды. Кричу Боре: «Орехов нет, атакуй, прикрываю!» Он пошел на одиночный бомбардировщик и расстрелял ему левый двигатель. «Крепость» стала крениться влево. Атаковали еще одну пару, но вскоре и у Бори кончился боезапас. Команды выйти из боя не было. Надо было имитировать атаку. Вскоре оказались под огнем сами. Когда оглянулся, сзади по мне стреляла пара «Сейбров» —

огненные кольца вокруг воздухозаборников. Дал команду: «За мной!» и рванул машину вверх с правым разворотом. И после нескольких косых петель преследователи отстали. На приборной доске загорелась красная лампочка, говоря о том, что горючего осталось триста литров. Пошли на аэродром, постоянно оглядываясь, так как американцы применяли немецкую тактику — добивать возвращающиеся почти без горючего и боезапаса истребители, заставляя врасплох уставшего и расслабившегося летчика. После посадки у меня кончилось горючее на рулежке, а у Бори — еще на выравнивании. Но все обошлось. В этот день были еще вылеты, но боев не было, так как, когда мы поднимались, противник разворачивался назад. В конце дня все молчали и только после ужина и боевых ста граммов разговорились, оттаяли немножко.

Корейцы говорили об этом воздушном бое, что было много парашютов и горящих самолетов. Некоторые бомбардировщики упали в море, некоторые разбились при посадке на свои аэродромы, а во многих самолетах из 12 человек экипажа в живых оставалось три-четыре. Больше днем В-29 не летали. Ночью бомбили аэродром наш Сингисю, в полосу попало около семисот бомб. Но самолеты уцелели, так как были спрятаны в капониры».

Вторым о тактике советских истребителей в Корее расскажет Герой Советского Союза Г.А. Лобов. В Корее генерал-майор Лобов командовал советским 64-м истребительным авиакорпусом и совершил там 15 боевых вылетов, из сбитых им американских самолетов 4 упали на территории Северной Кореи и добавлены к 8 немецким самолетам, сбитым им в Великую Отечественную. Из рассказа генерала я опустил подробности того, как штаб 64-го авиакорпуса вел разведку и вычислял американские налеты. А о тактике советских истребителей Георгий Агеевич сообщил следующее, начав несколько издалека.

«Журнал «Ньюсуик» писал: «Потери — 100 процентов. Это были потери, понесенные бомбардировщиками В-29 в «черный вторник», когда 8 бомбардировщиков совершили налет в сопровождении 90 истребителей...» В сборнике «Военно-воздушные силы США» читаем: «Против бомбардировщиков В-29, совершавших налеты в дневное время, из-за реки Ялуцзян устремлялось к югу до 200 истребителей. Потери были очень тяжелыми: было сбито 5 бомбардировщиков В-29, 8 других получили в бою серьезные повреждения; 55 членов экипажей

были убиты или пропали без вести и 12 ранены». Но чтобы как-то сгладить негативное впечатление от вынужденного признания, авторы замечают, что «ни в одном налете бомбардировщики не отклонились от своих целей из-за ожесточенной противовоздушной обороны».

Американцы в налете применили 21 самолет «В-29» и для их обеспечения около 200 истребителей различных типов. Мы располагали на аэродромах Аньдун и Мяогоу всего 56 МиГ-15. 12 машин было оставлено в резерве на случай прорыва противника к переправам и для прикрытия аэродромов, а 44 введено в этот воздушный бой.

Учитывая опоздание с выходом заслона F-86 и неудачное построение непосредственного прикрытия, никаких специальных групп для связывания боем истребителей противника нами не выделялось. Все «МиГи» были нацелены на удар только по бомбардировщикам. Решили также действовать не крупными группами, а одновременно большим количеством пар, предоставив им самостоятельность. Их усилия координировались лишь фактическими целями: В-29. Это позволило нашим истребителям развивать максимальную скорость, действовать каждой паре инициативно, свободно маневрировать.

Противника удалось перехватить на подходах к Намси. Пока заслон F-86 разыскивал наших у реки Ялуцзян, судьба боя и участь В-29 были решены. 22 пары «МиГов», стремительно пикируя через строй истребителей непосредственного прикрытия на скорости около 1000 км/ч, атаковали бомбардировщиков. 132 скорострельные авиационные пушки били по врагу. Истребители F-84 и F-86 прикрытия, сами находившиеся под угрозой уничтожения, поскольку «МиГи» пронизывали их боевые порядки, в панике отворачивали в стороны. Четыре машины, зазевавшиеся с маневром, были тут же сбиты.

Первая же атака «МиГов» оказалась сокрушительной. В-29 еще до подхода к цели, теряя горящие и падающие машины, быстро отвернули к спасительному для них морю.

Поскольку маршрут «крепостей» пролегал всего в 20–30 км от береговой линии, за которой действовать нам было запрещено, части бомбардировщиков удалось уйти. По свидетельству штурмана одного из В-29, участвовавшего в этом налете и попавшего позднее в плен, на

всех уцелевших от атак «МиГов» в «черный вторник» бомбардировщиках были убитые и раненые. Как здесь не вспомнить еще раз заявление американцев, что «ни в одном налете бомбардировщики не отклонились от своих целей из-за ожесточенной противовоздушной обороны».

На аэродром Намси в этом налете не упало ни одной бомбы. Американцы не «отклонились», а в панике бежали, если можно применить это слово к громадным четырехмоторным стратегическим бомбардировщикам. Кстати, в этом бою был сбит и разведчик, которому надлежало подтвердить фотоконтролем результаты бомбометания по аэродрому. Чисто количественные итоги боя выглядели так: по нашим данным, противник потерял 12 В-29 и 4 F-84. Многие самолеты получили повреждения. Мы потеряли один МиГ-15 в бою с F-86 уже над территорией КНР, границу которой «Сейбры» нарушили.

Результаты «черного вторника» потрясли командование ВВС США и вызвали тревогу у высшего руководства американских вооруженных сил. Для расследования причин столь тяжелого поражения и принятия мер из США в Корею срочно прибыли высокопоставленные эмиссары. Три дня вообще ни один американский самолет не появлялся в зоне действия «МиГов». Примерно через месяц противник решил, видимо, сделать контрольную проверку своих выводов о возможности применения В-29 днем в зонах, где они могли встретиться с «МиГаами». 16 наших истребителей перехватили 3 самолета В-29, прикрываемые несколькими десятками F-86, на подходе к переправам у Анею. Все бомбардировщики были сбиты. У нас потерь не было».

Вот так, всего после нескольких боев, оставив на территории Северной Кореи обломки 69 самолетов В-29, американцы сначала отказались от полетов в дневное время (на МиГ-15 не было радиолокационного оборудования для боев ночью), а после Корейской войны сняли их с вооружения. А ведь В-29 и десяти лет не простояли в строю.

Отметим особенность тактики советских истребителей. Во-первых, полное игнорирование американских истребителей как целей. Удар наносился только по В-29 и даже в том бою, где пара Милаушкина обязана была связать боем «Сейбры» и «Тандерджеты»,

она при первой же возможности отстрелялась по «Суперкрепостям». Во-вторых, одновременный удар всеми силами по «бомберам», что полностью лишало их возможности сосредотачивать огонь бортового оружия нескольких В-29 по одному истребителю. И, само собой, никакой партизанщины, удар внезапный, но он совершенно открытый и начавшаяся драка велась до тех пор, пока американские «бомберы» не свернут с курса, велась и тогда, когда у советских истребителей кончались боеприпасы.

Немецкие асы в небе рейха

Мы видим, что в Корее советские летчики достаточно скромными силами срывали налеты американских бомбардировочных соединений и даже заставили их отказаться от применения В-29 в дневное время. А немецкие летчики-истребители за всю войну всего один раз заставили наших союзников отказаться от удара по намеченной цели: 8 марта 1943 года 16 американских бомбовоза В-17 пытались отбомбить Роэм. Их встретили две авиагруппы 26-й истребительной эскадры, т. е. около 80 немецких истребителей. Были сбиты два американских бомбардировщика, а остальные, сбросив бомбы, повернули обратно, не долетев до цели. Повторить этот успех немцам за всю войну не удалось, надо думать, потому, что американцы перестали летать такими маленькими группами.

В августе 1939 года Геринг гордо говорил: «Рожденные в духе немецких летчиков Первой мировой войны, вдохновленные верой в нашего Фюрера и главнокомандующего, люфтваффе сегодня готовы выполнить любой приказ фюрера с молниеносной быстротой и невообразимой мощью».

А в конце 1943 года, после того как американцы отбомбили Франкфурт-на-Майне, а в воздухе не появился ни один немецкий истребитель, Геринг подготовил приказ:

«1. В природе не существует погодных условий, которые могут помешать взлету истребителей!

2. Каждый летчик-истребитель, совершивший посадку на исправном самолете и не добившийся результата в воздушном бою, будет предан суду военного трибунала!

3. Если на самолете закончился боекомплект или отказало оружие, летчик обязан таранить бомбардировщик противника!»

Приказ опротестовал генерал-фельдмаршал Эрих Мильх, считавший, что морально летчики могут быть просто раздавлены его содержанием.

Геринг ответил Мильху: «От них (летчиков) требуется открывать огонь с дистанции 400, а не 1000 метров. Они должны сбивать ежедневно 80, а не 20 бомбардировщиков».

Такая реакция командующего люфтваффе стала горчайшей пилюлей, которую пришлось проглотить летчикам истребительных групп.

Геринг продолжал тему во время предпринятой в конце октября инспекционной поездки на западные аэродромы. В его речах сквозили плохо скрытые угрозы: «Я не хочу выделять какие-то отдельные группы или штаффели, но я хочу, чтобы вы знали: я не потерплю трусов в моих люфтваффе... Я искореню их!»»

Поздно, это когда один из десяти трусов, то его можно расстрелять в назидание другим, а когда никто не атакует врага, то что же ты сделаешь? Кстати, о погоде.

Есть такой то ли анекдот, то ли присказка. Если человек свалился с десятого этажа, но не разбился, то это случайность. Если этот же человек во второй раз упал с десятого этажа, но не разбился, то это совпадение. Но если он и в третий раз упал с десятого этажа, но не разбился, то это уже привычка. Вот давайте рассмотрим некоторые привычки немецких асов истребительной авиации. Читаю у Толивера и Констебля: «В январе 1944-го Эрих посетил свою мать, жившую недалеко от Ютеборга. В этот период ПВО рейха страдал скорее от нехватки пилотов, чем нехватки самолетов. Он сел на базу истребительной авиации возле Ютеборга, когда погода ухудшилась. Эриху было всего 22 года, но его поразила молодость пилотов, базировавшихся на этом аэродроме. Ему не нравилась молодость пилотов, приходивших в его эскадрилью на Восточном фронте, но эти пилоты вообще выглядели старшеклассниками.

Когда он вернулся после визита к матери, то обнаружил, что его эскадрилья была отправлена в полет в скверную погоду. Ветер поднялся за несколько часов до того, как он сам сел на аэродроме. Задачей летчиков был перехват американских бомбардировщиков.

Ограниченная тренировка и еще более скромный опыт привели к тому, что 10 молодых пилотов разбились, даже не встретив американские самолеты».

После этого текста возникает пара вопросов. Во-первых, американские бомбардировщики — это не голубиная стайка, они летали стаями до тысячи машин. Как это немецкие летчики, ведомые опытными командирами и наводимые на цель с земли, их не нашли?! Во-вторых, эти молодые летчики, как и Хартман, совершили в училище несколько сот взлетов и посадок, и все было нормально, а тут при посадке при ясной погоде с небольшим ветерком сразу 10 человек разбились свои самолеты? Ну ладно, будем считать этот факт случайностью.

Еще читаю: «12 августа 330 самолетов бомбили объекты, расположенные в западной части Германии. В отражении налета приняли участие самолеты десяти истребительных групп люфтваффе. Летчики доложили о 37 сбитых бомбардировщиках, на самом деле 8-я воздушная армия не досчиталась 25 «Крепостей». Тяжелые бомбардировщики сопровождали «Тандерболты», их летчики сбили, в общем-то, небольшое количество немецких самолетов — четыре, однако потери ягдгешвадеров оказались гораздо более существенными. Так II./JG-1 потеряла в бою один истребитель, но шесть самолетов разбились при посадке, а еще шесть получили серьезные повреждения (также на посадке)».

А это как понять? Ведь это не молодые, это опытные летчики! И каждый третий пилот группы разбивает свою машину при посадке?! Ну, хорошо, запишем это в совпадения.

А вот А.П. Аносов делится своим впечатлением от истребителя Me-109:

«А.А. Могу сказать тебе прямо — у немцев были очень хорошие истребители. На «мессере» я даже слетал разок, правда, уже после войны. Мы тогда перегоняли свои самолеты «на базовое хранение». И как-то приземлились в Балтийске, на аэродроме Хайлигенбель. Аэродром немецкий, с большущими ангарами и двумя бетонными ВПП. Отличный аэродром. Так вот выкатывают новехонький «мессер», и командир нашей авиадивизии спрашивает: «Ну, кто хочет полетать?» У нас все «бомберы», а я-то с истребителей пришел. Все ж это знают и начали: «Саня, ну давай, попробуй!» Я поколебался-поколебался и

говорю: «Только техника мне дайте, чтоб он мне кабину объяснил». Техник мне все приборы показал (Ничего сложного), и я полетел.

Что могу сказать? На взлете — змея, а не истребитель. Мотор мощный, колея шасси узкая. Чуть упустишь — он сразу в сторону. Настолько сильный момент вращения у него был. Я сделал один круг, оценил управляемость — очень хорошо. На малейшее движение рулей реагировал моментально. А на посадке проще простого, как По-2. Невероятно прост в посадке.

А.С. Странно, немецкие летчики, наоборот, пишут, что посадка на Me-109 очень сложна из-за узкой колеи шасси.

А.А. Все правильно, шасси не только узкое, но и слабовато было (даже на глаз). Такие тоненькие стоечки. Но при посадке эти недостатки шасси должны проявляться только на полевых, грунтовых полосах. А на бетон — очень просто, я же говорю, как на По-2.

А.С. Знаете, в мемуарной немецкой литературе описан случай, когда немецкая авиачасть возвратилась в Германию с Восточного фронта. Аэродром стационарный, полоса бетонная. Так летчики этой части, отвыкшие от бетонных полос, побили при посадке больше «мессеров», чем потеряли на Восточном фронте. Кроме шуток.

А.А. Ну-ну, ты верь побольше... Они тебе еще и не такое расскажут».

А вот Рудель откровенничает о том, что шасси, оказывается, ломались не случайно, и все немецкие летчики знали, как их сломать.

«Через два часа полета мы подлетаем к аэродрому, напряженно ожидая, откроют ли огонь американские зенитки после заключения перемирия. И вот внизу большое летное поле. Я отдаю распоряжение моему пилоту^[7] по радио, что мы должны совершить аварийную посадку, но пригодные к службе самолеты мы не имеем права передавать в руки врага. Я приказываю выпустить шасси и затем сломать их при посадке на большой скорости. Лучший метод сделать это — резко затормозить с одной стороны и надавить на педаль на этой же стороне. Я вижу толпу солдат на аэродроме; они выстроились — возможно, для победной речи — под американским флагом. Поначалу мы летим низко над аэродромом, чтобы удостовериться, что при приземлении нас не обстреляют зенитки. Несколько из выстроившихся замечают нас и немецкие свастики на крыльях. Часть строя падает ниц. Мы приземляемся точно так, как приказано, — только один из

наших самолетов совершает мягкую посадку и катит до самой остановки. У старшего сержанта 2-й эскадрильи на борту девушка, и он боится, что аварийная посадка может повредить его бесценный женственный груз».

Так что доблестные асы истребительной авиации немцев били свои самолеты при посадке не потому, что были неопытны, а наоборот — потому, что были очень опытны и гробили машины, чтобы не летать! А Геринг, видишь ли, требовал от них на таран идти. Хрен тебе, а не таран.

Большой победой немецких асов считается сбитие 69 американских бомбардировщиков при их налете на Берлин 6 марта 1944 года. Как всегда, все 69 бомбардировщиков асы записали на себя, зенитчикам ничего не оставили. Но интересно, сколько же было в небе немецких истребителей? 25 авиагрупп! То есть более тысячи немецких истребителей расстреляли боезапас и отчитались в сбитии вместе с зенитчиками аж 69 самолетов. Можно понять, почему Геринг требовал открывать огонь даже не со 100, а хотя бы с 400 метров? И запрещал стрелять с дистанции в 1000 метров? Ведь эти «асы» полетали вокруг американского строя, постреляли и сели на аэродромы так, чтобы разбить самолеты. Герои! Лучшие асы мира!

Вот эпизод воспоминаний немецкого подводника Х. Шафера. Он описывает, как уходил в свой последний боевой поход.

«Я вернулся в Киль. Град бомб обрушивался на город каждый день, и несколько раз в день я должен был отводить свою подлодку в какой-нибудь узкий залив на берегу, в убежище. Жужжание самолетов не прекращалось, но мы никогда не видели немецких истребителей. За два дня до того как мы собирались выйти в море на нашей «мореходной» лодке, очередной сигнал воздушной тревоги прозвучал в полдень. Как обычно, мы бросились в убежище. За мной шла подлодка под командованием моего сверстника. Следуя друг за другом (а мы практически были в гавани Киля), мы шли прямо среди бомб. Американские самолеты гудели над головой один за другим. Они знали, что у нас больше нет зениток, и не обращали на нас внимания. Всего в сотне ярдов от нас две бомбы попали в пассажирский пароход «Нью-Йорк», на котором не так давно я плавал в Америку, и он вспыхнул как факел. Вокруг взрывались боеприпасы. Это был какой-то дьявольский фейерверк. В следующий момент позади раздался взрыв,

я приказал полный вперед, хотя не было абсолютно никакой разницы, с какой скоростью плыть. Однако приказы такого типа успокаивали нервы. Подлодка моего сверстника получила прямое попадание и затонула через несколько секунд. Спасти удалось немногим».

А вот эпизод из дневника немецкого летчика-истребителя Кноке. Он, между прочим, считался лучшим специалистом люфтваффе по сбитию американских бомбардировщиков, и когда первый в люфтваффе сбил их 15 штук, то лично Геринг вручил ему «яичницу» — так в Германии называли немецкий Крест в золоте — вторую после Рыцарского креста награду рейха:

«3 марта 1944 года

Американцы бомбят Гамбург. Шпехт не может лететь, и на меня временно возложено командование эскадрилей. У нас было 40 самолетов, а сейчас осталось 18. Их я и поднял в воздух.

Над Гамбургом я наметил цель — небольшую группу «Боингов». Мои 18 самолетов на 1500 метров выше их. Я приготовился было пикировать, но заметил, приблизительно на 1000 метров ниже слева, группу из 60 «мустангов». Они не могут видеть нас, поскольку мы находимся между ними и слепящим солнцем.

Это настоящая удача!

Я сбросил скорость, чтобы дать янки немного продвинуться вперед. Веннекерс идет рядом, размахивая руками и показывая большой палец. Он в полном восторге. Первый раз мы оказались в такой позиции, что сможем преподать им настоящий урок, но надо быть осторожными, чтобы не атаковать раньше времени. Они все еще не заметили нас. Вперед!

В практически отвесном пикировании мы врезались в самую середину янки и почти одновременно открыли огонь. Мы застали их врасплох. Закладывая широкие виражи, «мустанги», попытались скрыться. Некоторые из них загорелись, еще не достигнув облаков. Один буквально развалился под огнем моих пулеметов.

Возгласы триумфа раздаются в эфире.

Вечером я получил сообщение из штаба дивизии, что обломки не менее 12 «мустангов» найдены в секторе Цезарь-Антон-четыре и Цезарь-Антон-семь.

Но была и доля печали, омрачающая нашу безмерную радость. Барран не вернулся. Несколько пилотов видели «Мессершмит-109» без

крыльев, падающий вниз. Что же с ним случилось?»).

И, заметьте, никакой печали по поводу гамбургцев, убитых бомбами «Боингов», которых полк, ведомый Кноке, побоялся атаковать. Никаких попыток уйти от партизанщины, ни малейшего рыцарства и полный отказ от открытого боя! Внезапная атака зазевавшихся, но безобидных для гамбургцев «Мустангов», пополнение личного счета — и только!

Гибельность пропагандистской брехни

Те наши отечественные «историки», кто из шкуры лезет, чтобы придать немецким асам героический вид, пытаются не замечать их позорного поведения. Действительно, как объяснишь, почему уже в первый день войны советские летчики совершили 15 таранов, а немецкие и в последний день не совершили ни одного? Доходит до забавного. Вот Зефилов дает краткие справки на кавалеров Рыцарского креста и пишет: «Kaldrack Rolf, Major... Погиб в районе г. Торопец, Калининской области, когда его ВФ-110 столкнулся с только что сбитым МиГ-1». Ну понятно — разве могут русские таранить? Они же только и могут, что неуклюже падать. Поэтому я рекомендую всем апологетам немецких асов истребительной авиации прочесть отрывок из дневника министра пропаганды рейха доктора Геббельса.

«22 марта 1945 года, четверг.

Я привожу фюреру несколько примеров, иллюстрирующих чрезмерное роскошество в военно-воздушных силах. Наши летчики-истребители совершенно избалованы этой роскошной жизнью. Они больше сидели в офицерских клубах, чем на учебных занятиях, и от этой хорошей жизни стали трусливыми и ни на что не годными. Фюрер высказывает предположение, что летчики нашей бомбардировочной авиации лучше подойдут для вождения новых реактивных самолетов, поскольку они больше соприкасались с врагом, нежели наши летчики-истребители. Однако тот факт, что такие люди, как Баумбах, все время резко критиковавшие командование ВВС, возлагают большие надежды на реактивные самолеты, очень укрепил фюрера в его мнении. К тому же счастливым обстоятельством при использовании реактивных самолетов является то, что им не нужен

высококачественный бензин, что они могут летать чуть ли не на помоях. Так что с проблемой горючего мы справимся. Внутренняя же логика технического развития ВВС заключается в том, что увеличить скорость самолетов, работающих на бензине, уже нельзя, а новый тип реактивных самолетов сразу дает увеличение скорости на 200 километров в час.

Фюрера очень рассердило то обстоятельство, что наши летчики-истребители выдвигают теперь в качестве причины для отказа от полетов даже и хорошую погоду. Они придумывают все новые отговорки, лишь бы не атаковать врага».

И действительно, немцы пытались укомплектовать свою истребительную реактивную авиацию летчиками бомбардировочной авиации. Руделю Геринг предложил перейти в летчики-истребители в середине 1944 года, причем сообщил, что это пожелание фюрера, но Рудель, само собой, отказался, так как ему для переучивания с Ю-87 потребовались бы годы. Но другие летчики бомбардировочной авиации, спасая Германию, в истребительную авиацию перешли. Скажем, летчики Ю-87, кавалеры Рыцарского креста майор Брюкер и лейтенант Бушнер в конце войны сбивали американские бомбардировщики на реактивных Me-262, кавалер РК оберлейтенант Хатгель — на реактивных Me-163 и He-162, кавалер РК гауптман Кутша успел сбить 6 четырехмоторных «бомбера».

Нельзя, конечно, и согласиться с Геббельсом в том, что летчики истребительной авиации Германии были просто трусами, ведь тогда получается, что все трусы почему-то записались в летчики-истребители, а так не бывает. Дело здесь в другом.

Гитлера и Геббельса, мнивших себя исключительными специалистами в области пропаганды, угораздило в качестве критерия для награждения избрать не героизм награжденного, а только количественные показатели. Уже это исключительная глупость, потому что война — это не сбор грибов в лесу и не спортивная ловля рыбы, на войне солдат должен думать обо всех и подвиг совершать во имя всех. Немецкий Железный крест и, соответственно, его высшие степени полагалось давать «за мужество, проистекающее из морального долга», а не из меркантильных соображений. По декабрь 1944 года, даже по данным Геббельса, англо-американская авиация своими бомбовыми ударами убила 353 тысячи мирных жителей, 457 тысяч

ранила и миллионы оставила без крова. А Кноке со своим полком (авиагруппой) атакует не бомбящие Гамбург «Боинги», а никому и даром не нужные истребители, увеличивая личный счет и получая за это Рыцарский крест. Какой тут к черту «моральный долг»? Как только награждать стали за сбитые самолеты, так побоку стал моральный долг, важно стало анкету о сбитии заполнить.

Брехня — это оружие массового поражения, и бьет это оружие и по своим. Если те, кому ты преподносишь брехню, выяснят, что это вранье, и выяснят, что ты лжешь не во спасение, а чтобы сделать их дураками, то результат будет прямо противоположный — люди будут делать прямо противоположное тому, что ты хотел добиться своей брехней. Чего хотел Геббельс враньем о достижениях Хартмана, Баркхорна, Роля, Китля и т. д.? Он хотел, чтобы остальные летчики, воодушевленные достижениями этих асов, бросились на вражеские бомбардировщики в надежде сбить их столько же, сколько и Хартман. Но для этого надо было начисто пресечь поступление в массы летчиков информации о том, как именно эти асы «сбивают» вражеские самолеты, надо было установить жесткую монополию на информацию, подобную той, которую установили еврейские расисты на информацию о холокосте, то есть, надо было добиться, чтобы основная масса немецких летчиков действительно верила, что Хартман, бросаясь в бой с русскими, сбил 352 самолета.

Но ведь это были не придурковатые интеллигенты — журналисты, историки и писатели, — а летчики. Они летали с одних и тех же аэродромов, они интересовались подробностями любого боя своих товарищей, поскольку это касалось их жизни. Как можно было обдурить их глупыми приписками? Я уже обращал ваше внимание на вопрос, почему Рудель и Хартман сообщают в мемуарах о себе то, что им наверняка хотелось бы скрыть. Почему Рудель сообщил, что не справился с управлением «Шторха» и его снимали с дерева местные пожарные? Почему Хартман сообщил, что бросил в воздухе исправный самолет с горючим и боеприпасами и трусливо выпрыгнул с парашютом? Потому, что это было известно всему люфтваффе и, не напиши об этом они, об этом бы обязательно написали другие. И получалось, что, с одной стороны, Геббельс, приписывая и приписывая «сбитые» самолеты, призывает следовать примеру Хартмана, который «бьет русских как мух», а с другой стороны, все немецкие летчики

знают, что Хартман трусливая скотина, не способная на открытый бой не только с советскими летчиками, но и с американцами.

Вы можете спросить, а как же в Японии? Ведь там летчики тоже смело приписывали себе победы, почему же там они отдавали жизнь за императора (за Родину) без колебаний? А это Азия, и здесь другая специфика. Если в Европе Гитлер и Геббельс до последних дней войны врал немцам о том, что еще чуть-чуть, и появится «чудо-оружие», которое решит все проблемы,^[8] то Сталин советскому народу в приказе № 227 говорил правду: что нас уже меньше, чем немцев, что материально мы уже давно слабее, что если мы не перестанем отступать, то нам конец. А японцы в этом смысле еще круче.

Уже упомянутый мною офицер штаба ВВС Японии Масатакэ Окумия, человек «культурный», под чем и в Японии часто имеют в виду европеизацию, в своих воспоминаниях пишет (выделено им):

«Удивительно и, может быть, стыдно сознавать, что за всю Вторую мировую войну **ни один живущий военнослужащий японских вооруженных сил не получил ни в какой форме государственные почести, награды или похвалы.** И это несмотря на действия многих воинов за пределами своего долга перед страной». У японцев хватало красивых орденов, но, как видите, награждали ими только погибших, а живые получили бы их после победы. Поэтому «победные списки» японских летчиков служили делу запугивания врага и ничего лично летчику не давали, посему и воспринимались остальными без раздражения на начальство, без потери доверия к нему. Более того, движение камикадзе началось после того, как начальство в полном смысле этого слова пожалело летчиков, попыталось спасти их жизни. Если в Германии в привилегированном положении находились только пресловутые пропагандистские асы, верховное командование вооруженных сил Японии отдало такой приказ всем летчикам-истребителям: «В будущем от вас больше не требуется вступать в бой с вражескими самолетами, когда бы они ни встретились. Атакуйте или защищайтесь лишь тогда, когда боевые условия представятся вам особо благоприятными». Окумия пишет о том гнетущем впечатлении, которое произвела эта льгота на японских летчиков: «Даже сам выход такого приказа производил угнетающее действие, потому что для наших авиаторов такие слова явно означали официальное признание нашей слабости перед разбушевавшимися

американцами». И летчики решили компенсировать слабость Японии своими жизнями, посему и первыми камикадзе были морские летчики-истребители, которых организовал их бывший командир вице-адмирал Ониси.

* * *

Да, пропаганда — это сильнейший род войск. Да, можно захватить все средства массовой информации и вбивать в головы толпы только то, что хочешь ты. Но абсолютной монополии на СМИ достичь невозможно, и если ты начал в своей пропаганде брехать, чтобы одурачить толпу, то эта брехня рано или поздно отбарабанит по шкуре самих пропагандистов, как она отбарабанила по шкурам пропагандистов КПСС, как она отбарабанила по шкуре доктора Геббельса. «Ты хочешь одурачить нас лживыми победами твоих пропагандистских «асов», чтобы мы бросились в атаку на русских? — задали Геббельсу молчаливый вопрос летчики-истребители люфтваффе. — Дураков среди нас нет, садись сам на Me-262 и атакуй их!»

Поскольку изучение истории должно хоть в какой-то мере помогать нам в сегодняшнем дне, т. е. помогать предсказать, что может произойти в случаях, похожих на те, что уже были в нашей истории, то хочу заметить, что брехня еврейских расистов про холокост тоже когда-нибудь кончится тем, что во многих странах холокост станет национальным праздником. И не надо уповать на верность мирового СМИ еврейским расистам, советские СМИ тоже казались верными идеям коммунизма.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Какой тут нужно сделать для себя главный вывод по книге? Есть Дело и есть доклад о Деле. Дело объективно, а доклад пишут люди, очень часто почти сплошь заинтересованные в том, чтобы Дело осветить с позиции личной безопасности или тщеславия. А война — страшное Дело. Если в экономике твоя глупость приведет к денежным убыткам, то на войне — к смерти твоих соотечественников.

Например, у немцев в 1943 году была альтернатива Курской битве — они могли быстро откатиться за Днепр, очень сильно выровняв фронт, и зарыться на левом берегу в землю. И требовать переговоров о мире или перемирии. Но они полезли под Курском решать войну в свою пользу. И не в Гитлере там дело — там все фельдмаршалы пытались доказать «Иванам» свое превосходство. Готовились, готовились, два месяца откладывали битву, чтобы уж совсем хорошо подготовиться, наконец, поехали по шерсть и через две недели вернулись стриженными. Тут дело даже не в наказаниях от Гитлера. Как немецким фельдмаршалам и генералам вообще об этом писать даже в письме самому себе? Угробили сотни тысяч немецких солдат. Зачем?!

Поэтому воспринимать за чистую монету любые документы немцев, любые мемуары, просто глупо. Надо уметь их читать, а для этого нужно образно представить себе Дело, которое описывается, и степень заинтересованности в брехне того, кто это Дело описывает. И считать более менее истинным только то, в чем автор совершенно не заинтересован.

Правду можно выяснить и иным способом. Нужно найти истинное положение дел по другим источникам, понять, в чем вранье автора, понять, в чем его интерес и что он хочет скрыть. Тогда вот это им скрываемое и есть правда. И простая эрудиция в таком деле не помощница, тут нужно не эрудицию демонстрировать, а по-настоящему интересоваться тем, что изучаешь.

История для историка — это не сплетни, это **анализ** всей совокупности информации с целью найти истину, если ты, конечно, историк, а не пельмень.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Жизненное пространство (*нем.*).

В 828 ГШАП, в котором воевал Г.М. Рябушко, был экипаж, который в шутку называли «израильским», — в нем летчик и бортстрелок были евреями по национальности. Летчик по фамилии Идельчик хорошо знал английский и немецкий языки.

3

Реактивный истребитель немцев.

Рудольф Мюллер, оберфельдфебель, кавалер Рыцарского креста, 94 победы, сбит 19.04.1943 года под Мурманском Николаем Бокием, взят в плен.

5

Точно так же они ограбили и Руделя.

6

Фотокинопулемета.

Привычный кретинизм переводчиков и редакторов «Центрополиграфа». Какому «моему пилоту» Рудель передал распоряжение да еще и по радио, если он сам и был пилотом?! По смыслу — Рудель дал эту команду остальным пилотам возглавляемой им группы.

Х. Шафер вспоминал: «Появились публикации материалов, раньше доступных только определенным кругам, связанным с проблемами «Как мы можем победить» и «Какие средства помогут нам победить». Печатались также статьи о новых принципах управления секретным оружием, приводились фото из иностранных газет и технических журналов, делавших выводы, что уже испытываются высокоэффективные устройства, такие, как скоростные радиоуправляемые снаряды, невидимые в полете, или абсолютно новый тип самолета. Иностранная пресса предупреждала собственный народ о возможных сюрпризах с немецкой стороны и тем увеличивала нашу уверенность в наших силах. Когда все эти публикации были засекречены, всем, естественно, хотелось их прочитать. Это основная черта человеческой природы — чувствовать собственную значительность, ощущая, что вы принадлежите к привилегированным кругам, обладающим информацией. Таким образом, слухи о новом решающем оружии проходили через массы людей. Теперь, если разговор касался мрачных перспектив, кто-нибудь обязательно говорил, что люди, очевидно, не знают ничего и болтают вздор. Разве они не слышали, что... Желание — часто отец мысли. Так или иначе, сомневающиеся снова собирались с духом. Мы просто идем к победе в войне с таким новым секретным оружием, и каждый, кто не хочет это признать, очевидно, игнорирует огромные успехи, произошедшие в техническом вооружении. Вот так».